

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARIES

A standard linear barcode consisting of vertical black lines of varying widths on a white background.

3 1761 00322718 8

PG
3453
B2
1914a
t.1

(1) (9)

This is an authorized facsimile of the original book, and
was produced in 1972 by microfilm-xerography by University
Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

al'mont, Konstantin Dmitrievich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

Робное собрание стиховъ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

— /
Томъ ПЕРВЫЙ —————

Подъ Сѣвернымъ Небомъ

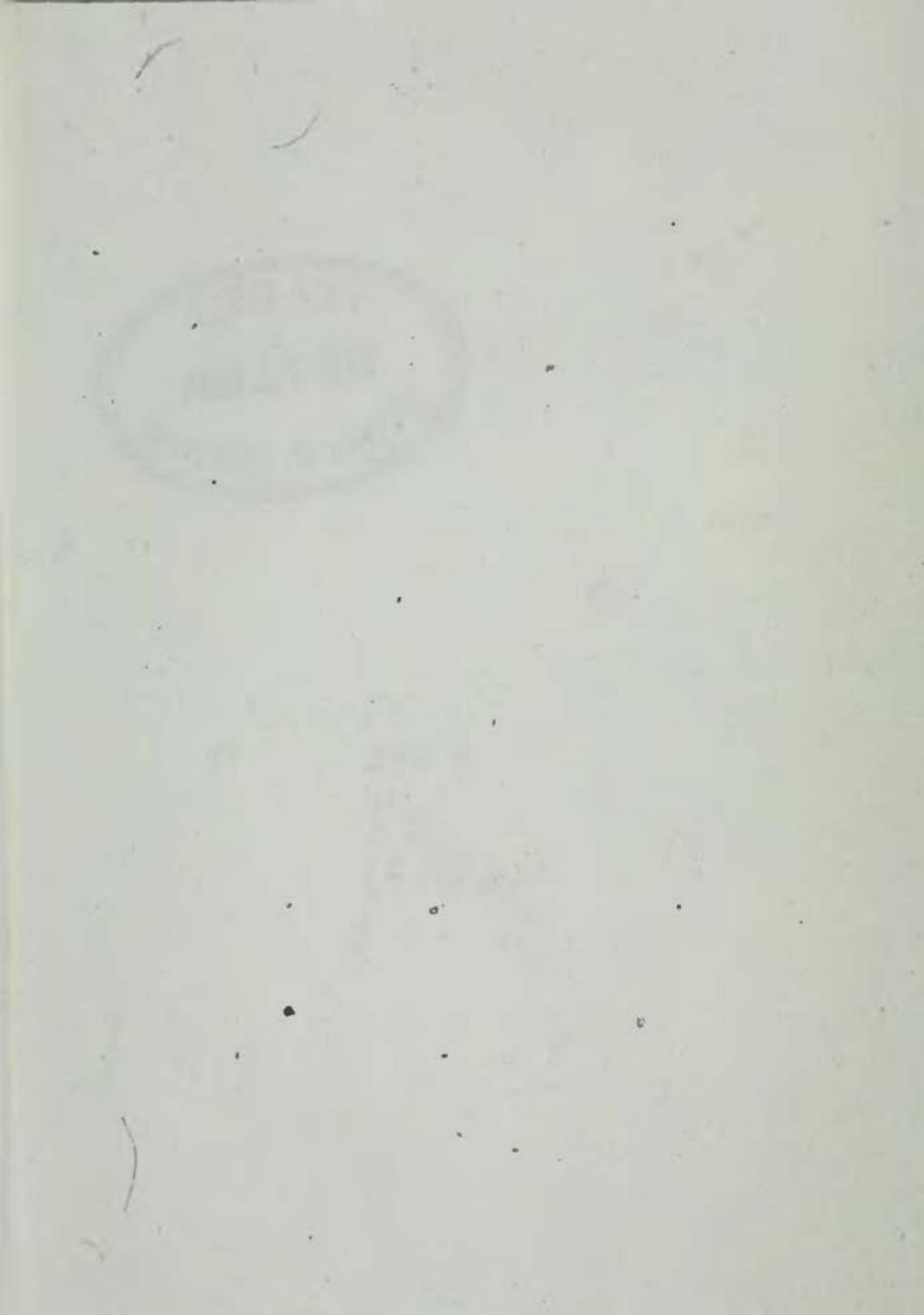
Въ Безбрежности —————

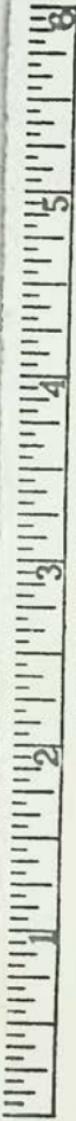
Тишина —————

Издание ЧЕТВЕРТОЕ —————

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“ 1914 —————

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

К. Д. БАЛЬМОНТЬ

778691
sp 38434
vol I

PG 3453
B7
1907

409460

31

Топографік В. И. Верховська. Мокрець, р. Гагаріна.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1904).

Огонь, Вода, Земля, и Воздухъ—четыре царственные Стихія, съ которыми неизмѣнио живетъ моя душа въ радостию и тайномъ соприкосновеніи. Ни одного изъ ощущеній я не могу отдать отъ нихъ, и помню о нихъ Четверогласіи всегда.

Огонь—всеобъемлющая тройственная стихія, пламя, свѣтъ, и теплота, тройственная и седьмеричная стихія, самая красавая изъ всѣхъ. Вода—стихія ласки и влюблениости, глубина завлекающая, ея голось—влажный поцѣлуй. Воздухъ—всеокружная колыбель—могила, саркофагъ-альковъ, легчайшее дуповеніе Вѣчности, и незримая лѣтонись, которая открыта для глазъ души. Земля—черная оправа ослаѣтельного брилліанта, и Земля — небесный Изумрудъ, драгоценный камень Жизни, всеядное Утро, нѣжны расцвѣтіи Садъ.

Я люблю всѣ Стихіи равно, хоть по разному. И знаю, что каждая стихія бываетъ ласкающей, какъ колыбельная пѣснь, и страшной, какъ шумъ приближающихся вражескихъ дружинъ, какъ взрывы и раскаты дьявольского смѣха.

Вода нѣжнѣе Огня, оттого что въ ней женское начало, нѣжная влажная всевоспринимаемость. Огонь не такъ нѣженъ, нѣрой, но онъ сильнѣе, сложнѣй, и страшнѣе, онъ сокровенія и

шровикоевене. Въ Воздухѣ тонутъ взоры, и душа уносится къ Ещюму, въ блое Царство Безтѣлесности. Земля роднѣй намъ есть другихъ Стихій—высотъ и низинъ—и къ ней радостно привѣтствуетъ съ дрожаніемъ счастья въ груди, и съ глухимъ сдавленіемъ рыданіемъ.

Всѣ Стихіи люблю я, и ими живеть мое творчество.

Оно началось, это дѣящееся, только еще обозначившееся, творчество—съ печали, угнетенности, и сумерекъ. Оно началось подъ Сѣвернымъ небомъ, но, силою внутренней неизбѣжности, черезъ жажду безграницаго, Безбрежнаго, черезъ долгія скитанія по пустыннымъ равнинамъ и проваламъ Тишины, подошло къ радостному Селту, къ Огню, къ побѣдительному Солнцу.

Отъ книги къ книгѣ, явственно для каждого внимательнаго глаза, у меня переброшено звено, и я знаю, что, пока я буду на Землѣ, я не устану ковать все новыя и новыя звѣти, и что мостъ, который создаетъ моя мечта, уводить въ вольнія манящія дали.

Отъ безцвѣтныхъ сумерекъ къ красочному Маю, отъ робкой упетенности къ Царицѣ-Смѣлости съ блестящими зрачками, отъ скучести къ роскоши, отъ стѣнъ и запретовъ къ Цвѣтамъ и Любви, отъ незнанья къ счастью вѣчнаго познанія, отъ гнета къ глубокому вдоху освобожденія, къ этой радости видѣть и ласкать своимъ взоромъ еще новое, вотъ еще, и еще, безъ конца.

И если воистину я люблю всѣ Стихіи въ разное время равно, нетъ все же хочется сказать сейчасъ, что любимая моя стихія—Огонь. Я молюсь Огню. Огонь есть истинно всемирная стихія, и кто причастился Огня, тотъ слить съ Мировымъ. Онъ душой своей входитъ въ таинственныя горницы, где горятъ неугасимые свѣтелники—и струятся во взоры взіянья волшебныхъ талисмановъ, драгоценныхъ камней.

К. Балаконинъ.

2 декабря. Екатер.
Егоръ

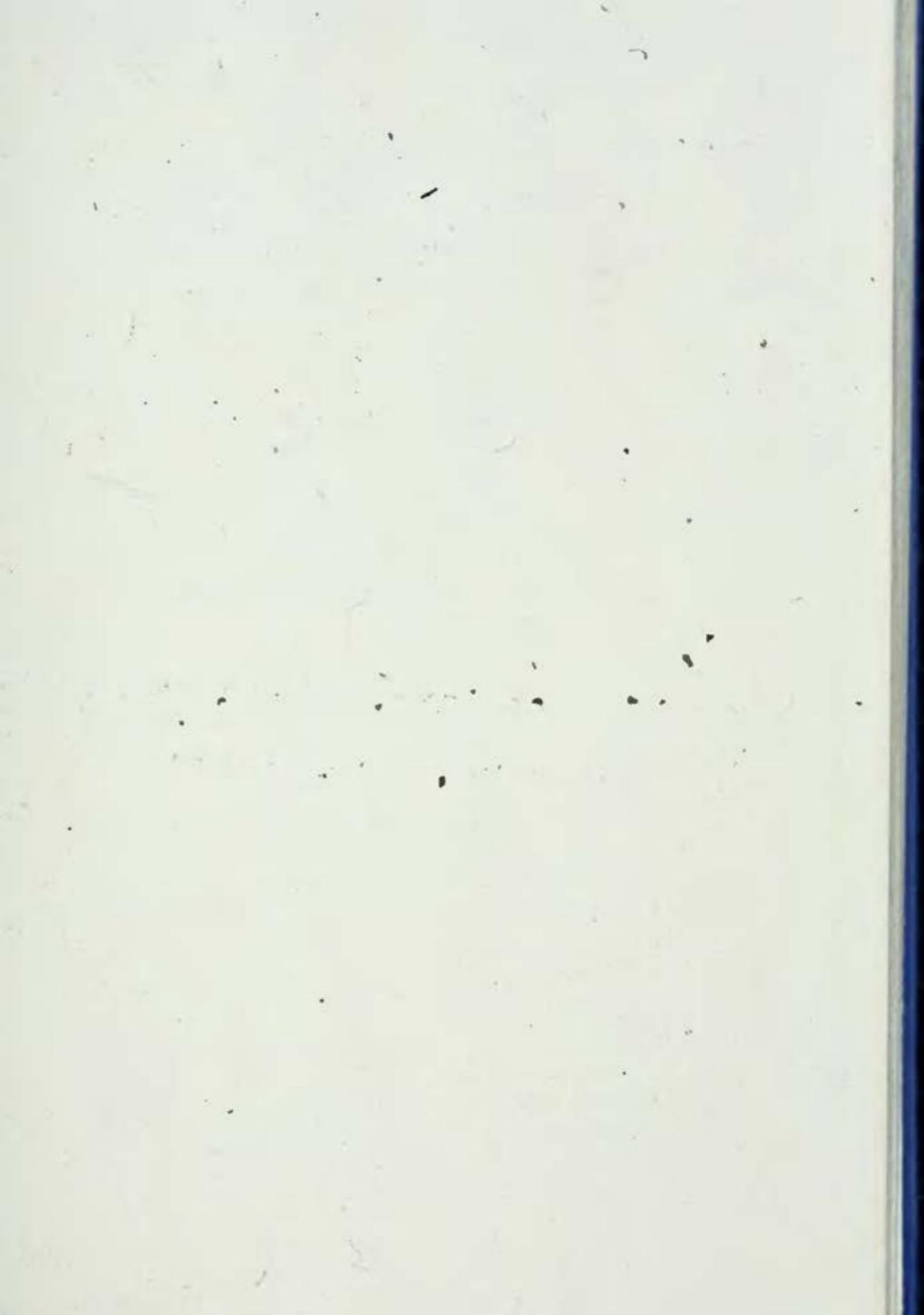
Подъ Сѣвернымъ Небомъ

Элегіи, стансы, сонеты

Ohne das Gefolge der Trauer ist mir
das Götliche im Leben nie erschienen

Lenau

1894—Зима.

I.

СМЕРТЬ.

Не вѣрь тому, кто говорить тебѣ,
 Что смерть есть смерть: она—начало жизни,
 Того существованья неземного,
 Передъ которымъ наша жизнь темна,
 Какъ мигъ тоски—предъ радостью беспечной,
 Какъ черный грѣхъ—предъ дѣтской чистотой.
 Намъ не дано познать всю прелестъ смерти,
 Мы можемъ лишь предчувствовать ее,—
 Чтобы не было для нашихъ душъ соблазна
 До времени покинуть міръ земной
 И, не пройдя обычныхъ испытаній,
 Уйти съ своими слабыми очами
 Туда, где бъ ослѣниль насть высшій свѣтъ.
 Пока ты человѣкъ, будь человѣкомъ
 И на землѣ земное соверший,
 Но сохрани въ душѣ огонь нетленный
 Божественной мистической тоски,
 Желаю быть не тѣмъ, чѣмъ быть ты можешь.
 Безтrepidно иди все выше—выше,
 По лучезарнымъ чистымъ ступенямъ,

Пока передъ тобой не развернется
 Воздушная иѣмая безконечность,
 Гдѣ время прекращаетъ свой полетъ.
 Тогда познаешь ты, что есть свобода
 Въ разумной подчиненности Творцу,
 Въ смиренномъ почитаніи Природы,—
 Что какъ по иепочатому пути
 Всегда впередъ стремится наше Солнце.
 Ведя съ собой и Землю и Луну
 Къ прекрасному созвѣздью Геркулеса,
 Такъ, вѣчнаго исполнено стремленья,
 Съ собой нась увлекаетъ Божество
 Къ певѣдомой, по благодатной цѣли.
 Живи, молись—дѣлами и словами,
 И смерть встрѣчай какъ лучшей жизни вѣсть.

II.

ФАНТАЗІЯ.

Какъ живыя изваянья, въ искрахъ луннаго сиянья,
 Чуть трепещутъ очертанья сосенъ, елей, и березъ;
 Вѣтшій лѣсъ спокойно дремлетъ, яркій блескъ Луны пріемлетъ.
 И роптанью вѣтра внемлетъ, весь исполненъ тайныхъ грезъ.
 Слыша тихій стонъ мятели, шепчутъ сосны, шепчутъ ели,
 Въ мягкой бархатной постели имъ отрадно почивать,
 Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
 Вѣтви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то иѣнье, чье-то скорбное моленье,
 И тоска, и упоенье,—точно искрится звѣзда,

Точно свѣтлый дождь струится,—и деревьямъ что-то мнится,
То, что людямъ не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи почти, это искрятся ихъ очи,
Въ часъ глубокій полуночи мчатся духи черезъ лѣсъ.
Что ихъ мучить, что тревожить? Что, какъ черви, ихъ тайно гложетъ?
Отчего ихъ рой не можетъ нѣть отрадный гимнъ Небесъ?

Все сильней звучить ихъ пѣнье, все слышите въ немъ томленье,
Неустанныаго стремленья неизмѣнная печаль,—
Точно ихъ томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно муки у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.
А Луна все льетъ синше, и безъ муки, безъ страданья,
Чуть трепещутъ очертанья вѣщихъ сказочныхъ стволовъ;
Всѣ они такъ сладко дремлють, безучастью стонамъ внемлють,
И съ спокойствiemъ пріемлють чары ясныхъ свѣтлыхъ сновъ.

III.

ЗАРИЦА.

Какъ въ небесахъ, обѣятыхъ тяжкимъ сномъ,
Порой сверкаетъ бѣглая зарница,
Но ей не отвѣчаетъ дальний громъ,—

Такъ точно иногда въ умѣ моемъ
Мелькаютъ сны, и образы, и лица,
Шагибшіе во тьмѣ далекихъ лѣтъ,—

Но мимолетень ихъ иенрочный свѣтъ,
Моя душа безмолвна, какъ гробница,
Въ ней отзыва на ихъ призывы нѣть.

IV.

МОЛИТВА.

Господи Боже, склони свои взоры
 Къ памъ, истомленнымъ сурою борьбою,
 Словомъ Твоимъ подвигаются горы,
 Камни какъ тающий воскъ предъ Тобой!

Тыму отдеялъ Ты отъ яркаго свѣта,
 Создалъ Ты небо, и Небо пебесь,
 Землю, что трепетомъ жизни согрѣта,
 Миръ, преисполненный скрытыхъ чудесъ!

Создалъ Ты Рай—чтобъ изгнать насъ изъ Рая.
 Боже, опять насъ къ себѣ возврати,
 Мы истомились, во мракѣ блуждали,
 Если мы грѣшины, прости насъ, прости!

Не искушай насъ безцѣльнымъ страданьемъ,
 Не утомляй непосильной борьбою,
 Даі возвратиться къ Тебѣ съ упованьемъ,
 Даі памъ, о, Господи, слиться съ Тобой!

Имя Твое испопятило и чудно,
 Боже Нашъ, Отче Нашъ, полныи любви!
 Боже, памъ горько, намъ страшно, намъ трудно,
 Сжалъся, о, сжалъся, мы—дѣти Твои!

V.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

СОНЕЦЪ.

Когда Луна сверкнетъ во мглѣ ночной
Своимъ серпомъ, блестательнымъ и вѣжнымъ,
Моя душа стремится въ міръ иной,
Плѣнясь всѣмъ далекимъ, всѣмъ безбрежнымъ.

Къ лѣсамъ, къ горамъ, къ вершинамъ бѣлоснѣжнымъ
И мчусь въ мечтахъ, какъ будто духъ болѣй,
И бодрствую надъ міромъ безмятежнымъ,
И сладко плачу, и дышу—Луной.

Випваю это блѣдиное сіянье,
Какъ эльфъ, качаюсь въ сѣтѣ изъ лучей,
И слушаю, какъ говорить молчанье.

Людей родныхъ миѣ далеко страданье,
Чужда миѣ вся Земля съ борьбой своей,
Я—облачко, я—вѣтерка дыханье.

VI.

НИТЬ АРИАДНЫ.

Межъ прошлымъ и будущимъ нить
Я тку неуставной проворлой рукою:
Хочу для грядущихъ столѣтій покорно и честно служить
Борьбой, и трудомъ, и тоскою,—

Тоскою о томъ, чего нѣтъ,
 Чтѣ дремлетъ пока, какъ прѣтокъ подъ водою,
 О томъ, что когда-то проснется чрезъ многія тысячи лѣтъ,
 Чтобъ вспыхнуть падучей звѣздою.

Есть многое не сказанныхъ словъ,
 И многое созданій, не созданыхъ пылѣ,—
 Ихъ столько же, сколько песчинокъ среди безконечныхъ песковъ,
 Въ пѣмой Аравійской пустынѣ.

VII.

Уходитъ свѣтлый Май. Мой небосклонъ темнѣетъ.
 Пять быстрыхъ лѣтъ пройдетъ,—мѣтъ минетъ тридцать лѣтъ.
 Замолкнутъ соловьи, и холодомъ покроется,
 И ясныхъ весннихъ дней на вѣкъ угаснетъ свѣтъ.

И въ свой чередъ придутъ дни, полные скитаній,
 Дни, полные тоски, сомнѣній, и борьбы,
 Когда запоетъ грудь подъ тяжестью страданій,
 Когда познаю гнетъ властительной Судьбы.

И чѣмъ мнѣ жизнь слить? Къ какой отрадѣ манить?
 Быть-можеть, дастъ любовь и счастіе? О, пѣтъ!
 Она во всемъ солжетъ, она во всемъ обманетъ,
 И поведетъ меня путемъ терпѣній бѣдъ.

И тѣмъ путемъ идя, быть-можеть, надѣть стану,
 Утрачу всѣхъ друзей, моей душѣ родимыхъ,
 И,—чѣмъ всего страшнѣй,—быть-можеть, перестану
 Я вѣрить въ честь свою и въ правду словъ своихъ.

Пусть такъ. Но я пойду впередъ безъ колебанья—
И въ знойный день, и въ ночь, и въ холодъ, и въ грозу:
Хочу я уладить хоть чье-нибудь страданье,
Хочу я отереть хотя одну слезу!

VIII.

* * *

Одна есть въ мірѣ красота.
Не красота боговъ Эллады,
И не влюбленная мечта,
Не горъ тяжелая громады,
И не моря, не водопады,
Не взоровъ женскихъ чистота.
Одна есть въ мірѣ красота—
Любви, печали, отреченья,
И добровольчаго мученя
За наасъ распятаго Христа.

IX.

БОЛОТО.

О, нищенская жизнь, безъ бурь, безъ ощущений,
Холодный полумракъ, безъ звуковъ и огия.
Ни воплей горестныхъ, ни гордыхъ пѣснопѣй,
Ни тьмы ночной, ни свѣта дня.
Туманы, сумерки. Средь тусклаго мерцанья
Смѣшались контуры, и краски, и черты,
И въ царствѣ мертваго безсильнаго молчанья
Лишь дышутъ ядовитые цветы.

Да жабы черпяя, исчадия трясины,
 Иорою вынырнутъ изъ грязныхъ спящихъ водъ,
 И, словно радуясь обилью скользкой тины,
 Ведутъ зловѣщій хороводъ.

X.

БЕЗЪ УЛЫБКИ, БЕЗЪ СЛОВЪ.

На алмазномъ покровѣ сиѣговъ,
 Подъ холоднымъ сіињемъ Луны,
 Хорошо памъ съ тобой! Безъ улыбки, безъ словъ,
 Обитатели призрачной свѣтлой страны,
 Погрузились мы въ море загадочныхъ сновъ,
 Въ царствѣ блѣдной Луны.

Какъ отрадно въ глубокій полуночный часъ
 На мгновеніе все скорби по-дѣтеки забыть,
 И, забывъ, что любовь невозможна для насъ,
 Какъ отрадно мечтать и любить,
 Безъ улыбки, безъ словъ,
 Средъ почной тишины,
 Въ царствѣ чистыхъ сиѣговъ,
 Въ царствѣ блѣдной Луны.

XI.

РОДНАЯ КАРТИНА.

Стая птицъ. Дороги ленты.
 Повалившійся плетень.
 Съ отуманенного неба
 Грустно смотрѣть тусклый день.

Рядъ березъ, и видъ унылый
Придорожнаго столба.
Какъ подъ гнетомъ тяжкой скорби
Покачнулася изба.

Полусвѣтъ и полусумракъ,—
И невольно рвешся вдаль,
И невольно давить душу
Безконечная печаль

XII.

ЗАЧЕМЪ?

Господь, Господь, ищемъ, я плачу, я тескую,
Тебѣ молюсь въ вечерней мглѣ.
Зачемъ Ты даровала мнѣ душу неземную—
И приковалъ меня къ землѣ?
Я говорю съ Тобой сквозь тьму тысячелѣтій,
Я говорю Тебѣ, Творецъ,
Что мы обмануты, мы плачемъ, точно дѣти,
И вѣщемъ: где же нашъ Отецъ?
Когда бъ хоть мигъ одинъ звучалъ Твой голосъ вполнѣ,
Я быль бы радъ сіянью дня,
Но жизньъ, любовь, и смерть—все страшно, непонятно,
Все неизбѣжно для меня.
Великъ Ты, Господи, по міръ Твой непривѣтенъ,
Какъ все великое, онъ нѣмъ.
И тысячи вѣковъ напрасенъ, безотвѣтенъ
Мой скорбный крикъ: „Зачемъ? Зачемъ?..“

XIII.

* * *

Ми^не непавистенъ гулъ гигантскихъ городовъ,
 Противо ми^не толпы движенье,
 Мой духъ живетъ среди лѣсовъ,
 Гдѣ въ тишилѣ уединенія
 Вплемлю я музыкѣ незримыхъ голосовъ,
 Гдѣ неустанный бѣгъ часовъ
 Не возмущаетъ уноенія,
 Гдѣ сладко быть среди цвѣтовъ
 И полной чашей пить изъ родника забвенья.

XIV.

* * *

Я зпаю, чѣтъ значить — безумно рыдать,
 Вокругъ себя видѣть пустыню бесплодную,
 Чѣтъ значить — сть отчаяньемъ въ зиму холодную
 Напрасно весны ожидать.

Но знаю я также, что гимнъ соловья
 Лишь тѣмъ и хорошъ, что похожъ на рыданіе,
 Что горь спѣговыхъ вѣковое молчаніе
 Прекраснѣй, чѣмъ лепеть ручья.

XV.

У СКАНДИНАВСКИХЪ СКАЛЬ.

Дремлють гранитныя скалы, викинговъ пріютъ опустѣвшій,
Мрачныя сосны одѣли ихъ твердую темную грудь.
Скорбь въ небесахъ разлита, точно грусть о мечтѣ отлетѣвшей,
Ночь безъ Луны и безъ звѣздъ безшумно свершаетъ свой путь.

Ластится къ берегу Море волной шаловливо-безпечной,
Сердце невольно томится какою-то странной тоской:
Хочется ситься съ Природой, прекрасной, гигантской, и вѣчной,
Хочется капелькой быть въ безграничной пучинѣ морской.

XVI.

ПРИЗРАКЪ.

Гдѣ бы ни былъ я, вездѣ, какъ тѣль, со мной —
Мой милый братъ, отшедши въ жизнь иную,
Тоскующій, какъ ангелъ неземной,
Въ своей душѣ таящий скорбь иѣмую.—
Такъ явственно стоять опь предо мной.

И я, какъ онъ, и плачу, и тоскую;
Но плачу ли, смѣюсь ли,— духъ родной,—
Онъ никогда меня не покидаетъ,
Со мной живеть онъ жизнью одной.

Лишь иногда въ тревожный часъ почной,
Невольно умъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
И я его спрошу: „Въ странѣ иной,
За темною загадочнай могилой,
Увидимся ль съ тобой, о, братъ мой малый?“

Въ его глазахъ тогда мелькастъ тѣнь,
И слезы онъ блестящія роняетъ,
И какъ прѣдъ ночью тихо гаснетъ дѣль,
Такъ отъ меня онъ тихо улетаетъ.

XVII.

У ФЬОРДА.

Хмуро сѣверное небо,
Скорбны плачущія тучи.
Съ темныхъ скаль на воды фьорда
Мрачно смотрѣть лѣсъ могучій.
Безотрадно здѣсь мерцанье
Безглагольной глубинъ,
Неуловимы вздохи вѣтра
Между вѣтками сосны.

Прочь душа отсюда рвется,
Жаждеть воли и простора,
Жаждеть луга, травъ душистыхъ,
Ихъ зеленаго убора.
И ветревоженный мечтою
Слышишь въ ропотѣ волнъ—
Колокольчикъ русской тройки
Въ царствѣ степи и Луны.

XVIII.

ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ЖИЗНЬ.

СОЛЕТЬ.

Еще послѣдній спѣгъ въ долинѣ мглистой
На свѣтлый ликъ весны бросаетъ тѣнь,
Но ужь цвѣтеть душистая сирень,
И барвинокъ, и ландышъ серебристый.

Какъ кротокъ и отраденъ день лучистый,
И какъ привѣтна ивъ прибрежныхъ сѣнь.
Какъ будто ожиль даже мшистый пень,
Склоняясь къ водѣ, безтревостной и чистой.

Кукушки нѣжпій плачь въ глухи лѣсной
Звучитъ мольбой тоскующей и страшной.
Какъ весело, какъ горестно весной,—

Какъ міръ хорошъ въ своей красѣ нежданной,
Контрастовъ міръ, съ улыбкой неземной,
Загадочный подъ дымкою туманной.

XIX.

НОРВЕЖСКАЯ ДѢВУНКА.

Очи твои, голубые и чистыя —
Сліянье небесной лазури съ измѣнчивымъ блескомъ волны;
Пряди волосъ золотистыя
Нѣжпіе, чѣмъ пить паутину въ сиянїи вечерней Луны.

Всѧ ты—намекъ, всѧ ты—сказка прекрасная,
 Ты—отблескъ зарницы, ты—отзвукъ загадочной пѣсни безъ словъ;
 Свѣтлая, дѣствительно-ясная,
 Вакханка съ душою весталки, цвѣтокъ подъ покровомъ снѣговъ.

XX.

М***.

Ты—шелестъ нѣжнаго листка,
 Ты—вѣтеръ, шепчущій украдкой,
 Ты—свѣтъ, бросаемый лампадкой,
 Гдѣ брезжитъ сладкая тоска.

Миѣ чудится, что я когда-то
 Тебя видалъ, съ тобою былъ,
 Когда я сердцемъ то любилъ,
 Къ чему миѣ больше нѣть возврата.

XXI.

ЧАЙКА.

Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
 Надъ холодной пучиной морской.
 И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
 Такъ полны безграничной тоской?

Безконечная даль. Непривѣтное небо нахмурилось.
 Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волнъ.
 Плачетъ сѣверный вѣтеръ, и чайка рыдаетъ, безумная,
 Безпріютная чайка изъ дальней страны.

XXII.

ГОРНЫЙ КОРОЛЬ.

СКАНДИНАВСКАЯ ПѢСНЯ.

H. Peters. Gildet rosa Solhamp.

Горный король на далекомъ пути.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Дѣвушка-красавицу想要 найти.

— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Видѣть усадьбу па мистой горѣ.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Кирстэнъ-малютка стонѣтъ па дворѣ.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Опъ называетъ невѣстой ее.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Дѣвѣ даритъ ожерелье свое.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Даль ей опъ кольца, и за руку взялъ.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Кирстэнъ-малютку въ свой замокъ умчалъ.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Годы проходятъ, пять лѣтъ пронеслось.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Много бѣдняжкѣ поплакать пришлось.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Девять и десять умчалося лѣтъ.

— Скучно въ чужою сторонѣ. —

Кирстэнъ забыла про солнечный свѣтъ.

— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Гдѣ-то веселье, цветы, и весна.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —

Кирстэнъ во мракѣ тоскуетъ одна.

— Ты не вернешься ко мнѣ. —

XXIII.

КАРТИНКА.

СОВЕТЪ.

Въ глухую яочь, пеяною толпой,
Сбираются души моей созданья,
Тяжелою медлительной стопой
Проходятъ предо мной воспоминанья.

Я слышу пѣсни, смѣхъ, и восклицанья,
Я вижу, какъ неровною тропой,
Подъ ласкою вечерняго сіянья,
Предъ сномъ идутъ стада на водопой.

Едва-едва передвигая ноги,
Вздымаютъ пыль клубами у дороги
Толпы овецъ пушистыхъ и быковъ.

Пастухъ усталъ, обѣ ужинѣ мечтаеть,
И надо всей картиною витаетъ
Веселый рой беззечныхъ сельскихъ сновъ.

XXIV.

* * *

О, если бъ мнѣ сердце холодное,
Холодное сердце русалки,—
Чтобъ могъ я спокойно внимать неумолчному ропоту Моря,
И стону страданій людскихъ!

О, если бъ мнѣ крылья орлины,
Свободныя сильныя крылья,—
Чтобъ могъ я на нихъ улѣгтъ въ безграничное царство Лазури,
Чтобъ могъ я не видѣть людей!

XXV.

МЕЧТА.

Стекло Балтійскихъ водъ подъ вѣтромъ чуть дрожало,
Среди печальныхъ шхеръ на Сѣверъ мы неслись.
Невольно ты ко мнѣ свой милый взоръ склоняла.
Въ двухъ молодыхъ сердцахъ мечты любви зажглись.

Ты мнѣ казалася волшебною загадкой,
Казался я тебѣ загадкою,—я мы
Мѣнялись взорами влюблеными, украдкой,
Подъ кровомъ сѣверной вечерней полутины.

Какъ хороши любви застѣнчивыя ласки,
Когда двѣ юныя души озарены
Мечтой минутною, какъ чары дѣтской сказки,
Какъ очертанія працудливой волны.

Ни слова мы съ тобой другъ другу не сказали,
 Но былъ нашъ разговоръ безъ словъ краснорѣчивъ,
 Съ тобой разстался я безъ муки, безъ печали,
 Но сохранилъ въ душѣ восторженный порывъ.

...Теперь другую страсть, страсть знойную, лелѣя,
 Я болѣе плененъ той чистою мечтой,—
 Какъ блѣдный Сѣверъ миѣ и ближе, и милѣе,
 Чемъ свѣтлый, внойшій Югъ съ своею красотой.

XXVI.

* * *

Когда между тучекъ туманныхъ
 Полночной порой загорится Луна,
 Душа непонятной печали полна,
 Исполнена думъ несказанныхъ,
 Тѣхъ чувствъ, для которыхъ названія нѣть,
 И той Красоты безкопечной,
 Что, вспыхнувъ, заринею вѣчной,
 Сиять потомъ въ черномъ сумракѣ дѣть.

XXVII.

* * *

Катерина Алексеевна Андреевская.

Я разстался съ печальной Луною,—
 Удалилась царица небесъ,
 Тамъ, въ горахъ, за ихъ черной стѣною,
 Ея ликъ омраченный исчезъ.

И въ предутреннемъ сумракѣ ясномъ
Мнѣ послышался вздохъ вѣтерка,
И въ лазури, на небѣ прекрасномъ,
Отразилась пѣная тоска.

Силуэты лѣсныхъ великановъ
Молчаливо представали вдали,
И покровы дрожащихъ тумановъ
Надъ зашлаканнымъ лугомъ легли.

Вся Природа казалась больною
И какъ будто молила меня,
И грустила, прощааясь съ Лупою,
Въ ожиданіи злойнаго дня.

XXVIII.

РАЗЛУКА.

Вдыхая морской освѣжительный воздухъ,
Качаясь на сине-зеленыхъ волнахъ,
Въ виду береговъ Скандинавіи,
Я думалъ, мой другъ, о тебѣ,—
О тебѣ,
Чей образъ со мной иеразлученъ,
Точно такъ же, какъ часть возвѣщающей дню
Приближеніе ночи
Неразлученъ съ красавицей неба, Вечерней Звѣздой,—
Какъ морская волна иеразлучна съ пугливою чайкой.
Многояркихъ свѣтиль въ безграницномъ пространствѣ Лазури,—
Лучезарный Арктуръ, Береники блестище кудри,
Орионъ, и созвѣздіе Леды,
Большая Медиѣдица,

Но среди миллионовъ свѣтиль
 Иѣть свѣтила прекрасный—Вечерней Звѣзды.
 Много птицъ, много гостей крылатыхъ, летить черезъ Море,
 Бросивъ берегъ его, направляясь къ другому,
 Что вдали гдѣ-то тамъ затерялся среди синевы и тумановъ,—
 Но только одну бѣлокрылую чайку
 Съ любовью баюкаеть, точно въ родной колыбели,
 Морская волна.
 Чайка взлетаетъ къ нависнувшимъ тучамъ,
 Чайка умчится въ далекія страны,—
 Куда и зачѣмъ, врядъ ли знаетъ сама,—
 Но снова, какъ странникъ,
 Уставшій бродить въ безпріютныхъ краяхъ,
 Прилетитъ она къ синей родимой волнѣ,
 Прильнетъ къ пей своей бѣлоспѣжною грудью,—
 И Солнце смеется, взирая на нихъ,
 И шлетъ имъ лучистыя ласки.
 Такъ и я, разлучившиесь съ тобой,
 О, мой другъ безконечно любимый,
 Былъ сердцемъ съ тобой перазлученъ,
 Я баюкалъ твой ласковый образъ въ своей трепетавшей груди,
 Вдыхая морской освѣжительный воздухъ,
 Качаясь на сине-зеленыхъ волнахъ,
 Въ виду береговъ Скандинавіи.

XXIX.

* * *

Есть красота въ постояннствѣ страданія
 И въ неизмѣнности скорбной мечты.
 Знойнаго яркаго Солнца сіяніе,
 Пышной Весны молодыя черты

Въ сердцѣ не такъ вызываютъ сознаніе
Ласки больной, неземной красоты,
Какъ замка сѣдя руины, печальной Луны трепетаніе,
Застѣпчивыхъ сумерекъ скорбь, или осени грустной листы.

XXX.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Лиши душистой цветы распускаются...
Спи, моя радость, усни!
Ночь насть окутастъ ласковымъ сумракомъ,
Въ небѣ далекомъ зажгутся огни,
Вѣтеръ о чёмъ-то зашепчетъ таинственно,
И позабудемъ мы прошлые дни,
И позабудемъ мы муку грядущую...
Спи, моя радость, усни!

Бѣдный ребенокъ, больной и застѣпчивый,
Мало на горькую долю твою
Выпало радости, много страданій.
Какъ наклоняется иѣжико къ ручью
Ива плакучая, ива пенальная,
Такъ заглянула ты въ душу мою,
Ищешь отвѣта въ ней... Спи! Колыбельную
Я тебѣ пѣсню спою!

О, моя ласточка, о, моя дѣточка,
Въ мірѣ холодномъ съ тобой мы одни,
Радость и горе раздѣлимъ мы поровну,
Крѣпче къ надежному сердцу прильви,

Мы не изменимся, мы не разстанемся.
 Будем мы вместе и ночи и дни.
 Вместе с тобою навек успокоимся...
 Спи, моя радость, усни!

XXXI.

ПѢСНЬ ЮДИӨИ.

изъ БИБЛИИ.

Пусть кимвалы поютъ,
 Пусть тимпаны звучать,
 Богу Нашему гимнъ,
 Стройный гимнъ возгласять.
 Пойте священные пѣсни
 Въ честь Вседержителя-Бога,
 Онъ за народъ Свой смиренный
 Поднялъ десницу Свою.

Съ сѣверныхъ горъ, изъ далекой земли,
 Полчища вражьи Ассура пришли,
 Какъ саранча, не десятки, а тьмы,
 Конница ихъ заняла всѣ холмы.

Врагъ грозилъ, что предѣлы мои онъ сожжетъ,
 Что мечомъ моихъ юношь онъ истребить,
 И о камень младенцевъ моихъ разобьетъ,
 И расхитить дѣтей,
 И плѣнить дочерей,
 Дѣвъ прекрасныхъ плѣнить.

Но Господь-Вседержитель рукою жены
Низложилъ всѣхъ враговъ Іудейской страны.

Не отъ юношей паль Олофернъ-великанъ,
Не рукою своей съ нимъ сражался титанъ.
Но Юдиеv красотою лица своего
Погубила его.

Громче звените, кимвалы,
Пойте звучнѣе, тимшавы,
Господу Нашему Богу
Пѣснь вознесемъ до Небесъ.

XXXII.

АВГУСТЬ.

СОНЕТЪ.

Какъ ясень Августъ, иѣжный и спокойный,
Созиавшій мимолетность красоты.
Позолотинъ древесные листы,
Онь чувства заключиль въ порядокъ стройный.

Въ немъ кажется ошибкой полдень знойный,—
Съ пимъ больше сродны грустныя мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха отъ жизни безнокойной.

Въ послѣдній разъ, предъ остріемъ серна,
Красуются колосья наливные,
Взамѣнъ цвѣтовъ вездѣ плоды земные.

Отрадень видъ тяжелаго снопа,
А въ небѣ журавлей летить толпа,
И крикомъ шлетъ „прости“ въ мѣста родныя.

XXXIII.

* * *

Марусь С***.

О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня,
Пока въ твоихъ глазахъ сверкаетъ утро Мая.
Твой голосъ чуть дрожитъ, какъ серебро звения,
Съ улыбкой на тебя взираеть мать родная.
О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня!

Вездѣ пасъ ждѣть печаль. Мрачна юдолъ земная.
Мпъ страшно за тебя. Я плачу. Я скорблю.
Изъ темнаго угла, твоимъ словамъ внимая,
Смотрю я на тебя и Господа молю:—
Пусть будеть для иея легка стезя земная!

Увы, и предо мной блестали краски дня.
Мой день давно погасъ. Со мною тьма ѿчная.
И я когда-то пѣлъ, чужую скорбь гоня,
Когда-то и ко мнѣ склонялась мать родная...
О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня!

XXXIV.

ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА *).

1.

Уходяще дни. И вотъ ужь десять лѣтъ
 Прошло съ тѣхъ поръ, какъ смерть къ тебѣ склонилась.
 Но смерти для твоихъ созданій нѣтъ,
 Толща твоихъ видѣній, о, поэты,
 Безсмертіемъ павѣки озарилась.

2.

Въ вѣмомъ гробу ты спишь глубокимъ сномъ.
 Родной страны суроыя мятежи
 Рыдаютъ скорбно въ сумракѣ почномъ.
 Баякаютъ тебя въ тисей постели,
 И шепчутъ о блаженствѣ паземломъ.

3.

Ты заслужилъ его. Во тѣхъ невзгоды,
 Когда, подъ тяжкимъ гнетомъ, край родной,
 Томясь напрасной жаждою свободы,
 Переживалъ мучительные годы,
 Ты былъ исполненъ думою одной: —

* Было прочитано авторомъ 31-го октября 1893 года
 въ Москвѣ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской
 Словесности, посвященному памяти И. С. Тургенева.

4.

Кумиръ певоли сбросить съ пьедестала,
 Живой волной ударить въ берега,
 Сломить ту силу, что умы сковала, —
 И ты поклялся клятвой Ганибала,
 Жить лишь затѣмъ, чтобъ растоптать врага.

5.

И ты спустился въ темныя пучины
 Народной жизни, горькой и простой,
 Плѣняющей печальной красотой,
 И подсмотрѣлъ цветы средь грязной тины,
 Средь груности—люви порывъ свитой.

6.

И слизся ты съ той свѣтлою плеядой,
 Предъ чимъ огнемъ разсѣялася тьма,
 Предъ чимъ тепломъ расстаяла зима;
 Нахлынули борцы живой громадой,—
 И пала крѣпостничества тюрьма.

7.

Но въ этотъ мигъ, зиждительный и чудный,
 Ты не хотѣлъ душою отдохнуть,
 Святымъ огнемъ твоя горѣла грудь,
 И вотъ опять — далекій, многотрудный,
 Передъ тобой открылся новыи путь.

8.

Дворянскихъ гнѣздъ забѣтныя аллеи.
 Забытый садъ. Полузаросшій прудъ.
 Какъ хорошо, какъ все знакомо тутъ!
 Сирень, и резеда, и эпомеи,
 И георгины гордые цвѣтутъ.

9.

Затмилась ночь. Чуть слышенъ листьевъ шопотъ.
 За рощей чуть горитъ Луны эмаль.
 И въ сердцѣ молодомъ встаетъ печаль.
 И слышенъ чай-то странный, грустный шопотъ.
 Кому-то въ этотъ часъ чего-то жаль.

10.

И тамъ вдали, гдѣ роща такъ тумана,
 Гдѣ лучъ едва трепещетъ надъ тропой,—
 Елена, Маша, Лиза, Маріанна,
 И Ася, и несчастная Сусанна—
 Собралисъ воздушною толпой.

11.

Знакомыя причудливыя тѣни,
 Созданія любви и красоты,
 И дѣственной, и жепственной мечты,
 Ихъ вызывалъ къ жизни чистый нѣжный гений,
 Опь далъ имъ форму, краски, и черты.

12.

Не будь его, мы долго бы не знали
 Страданій женской любящей души,
 Ея завѣтныхъ думъ, иѣ мой печали,
 Лишь съ нимъ для пась впервые прозвучали
 Тѣ пѣсни, что таились въ тиши.

13.

Онъ возмутилъ стоячихъ водъ молчанье,
 Запросамъ тайнымъ громкій даль отвѣтъ,
 Изъ тьмы онъ вылья женщину на свѣтъ,
 Въ широкій міръ стремлевій и сознанья,
 На путь живыхъ восторговъ, битвъ, и бѣдъ.

14.

Вотъ почему, съ любовью вспоминая
 О томъ, кто удалился въ міръ иной,
 Предъ кѣмъ зажегся свѣточъ неземной,
 Здесь собралась толпа ему родная,
 Съ нимъ слившаяся мыслю одной: —

15.

Пусть мы съ тобой разлучены судьбою
 Ужь десять невозвратныхъ долгихъ лѣтъ,
 Но ты, нашъ другъ, учитель, и поэтъ,
 Средь насъ живешь! Сверкаетъ надъ тобою
 Безсмертія нетленный чистый свѣтъ!

XXXV.

ЗАРЯ.

Ильину Ильичу Стороженко

Брызнули первыя искры разсвѣта,
 Дымкой туманной покрылся ручей.
 Въ утренній часъ его рокотъ звончій.
 Ночь умираетъ... И вотъ ужъ одѣта
 Въ перукотворлія ткани изъ свѣта,
 Въ поясъ пышномъ изъ яркихъ лучей,
 Мчится Заря благовоннаго лѣта
     Изъ-за лѣсовъ и морей,
 Медлить на высихъ обрывистыхъ горъ,
 Смотрится въ зеркало синихъ озеръ,
     Мчится Богиня Рассвѣта.

Слѣдомъ за нею
 Легкой гирляндою эльфы несутся,
 Хоромъ поютъ: „Пробудилась Заря!“
 Эхомъ стократнымъ ихъ пѣсни вездѣ отдаются,
 Листья другъ къ другу съ безмолвною ласкою жмутся,
 Въ небѣ—и блескъ изумруда, и блескъ интаря,
 Нѣжныхъ малиновокъ пѣсни кристальный лютятся:
     „Кончилась Ночь! Пробудилась Заря!“

XXXVI.

ДУХИ ЧУМЫ.

Мы спѣшимъ, мы плывемъ
На могучей волиѣ,
Незнакомы со сномъ,
Но всегда въ полуспѣ.

Слезы женъ и дѣтей
Не замѣтить нашъ глазъ,
И гдѣ смерть для людей,
Тамъ отрада для настъ.

Нашей властью звучать
Панихиды въ церквиахъ,
Въ двери къ людямъ стучать.
Смерть, и гибель, и страхъ.

Между вешнихъ листовъ,
Символъ сгибувшихъ силъ,
Милліоны крестовъ,
Милліоны могилъ.

Любо нѣжную мать
Умертвить, погубить,
Мы не можемъ заскать,
Не умѣемъ любить.

Въ эти дни, какъ и встарь,
Каждый мигъ, каждый часъ,
Лучшій даръ на алтарь
Жизнь приносить для настъ.

И спѣшимъ, и плывемъ
Мы въ ночной тишинѣ,
Незнакомы со сномъ,
Но всегда въ полуспѣ.

XXXVII.

ЧЕЛНЬ ТОМЛЕНИЯ.

6

Клякъ А. И. Урусову.

Вечеръ. Взморье. Вздохи вѣтра.
Величавый возгласъ волнъ.
Близко буря. Въ берегъ бьется
Чуждый чарамъ черный челнъ.

Чуждый чистымъ чарамъ счастья,
Челнъ томленья, челнъ тревогъ,
Бросилъ берегъ, бьется съ бурей,
Ищетъ свѣтлыхъ сновъ чертогъ.

Мчится взморьемъ, мчится моремъ,
Отдаваясь волѣ волнъ.
Мѣсяцъ матовый взираетъ,
Мѣсяцъ горькой грусти полно.

Умеръ вечеръ. Ночь чернѣеть.
Ропщетъ море. Мракъ ростетъ.
Челнъ томленья тьмой охваченъ.
Буря воетъ въ безднѣ водъ.

XXXVIII.

* * *

О, женщина, дитя, привыкшее играть
 И взоромъ иѣжихъ глазъ, и лаской поцѣлуя,
 Я долженъ бы тебя всѣмъ сердцемъ презирать,
 А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
 Люблю я рвусь къ тебѣ, прощаю и люблю,
 Живу одной тобой въ моихъ терзаньяхъ страстныхъ,
 Для прихоти твоей я душу ногублю,
 Все, все возьми себѣ—за взглядъ очей прекрасныхъ,
 За слово лживое, что истины иѣжитѣй,
 За сладкую тоску восторженіахъ мученій!
 Ты, море странныхъ сповѣдей, и звуковъ, и огней!
 Ты, другъ въѣчный врагъ! Злой духъ и добрый гений!

XXXIX.

ЦВѢТОКЪ.

Умеръ бѣдный цвѣтокъ на груди у тебя,
 Онъ павѣки поблекъ и завиль,
 Но онъ умеръ тревожно и иѣжно любя,
 Опь недаромъ страдалъ.

Долго ждалъ онъ тебя на просторѣ полей,
 Цѣлый деньца груди красовался твоей,
 Какъ онъ пышно, какъ чудно, какъ ярко блесталъ,
 Онъ недаромъ любилъ и страдалъ.

XL.

* * *

Дышали твои ароматныя плечи,
 Упругій груди неровно вздымались,
 Твои сладострастныя тихія рѣчи
 Миѣ чѣмъ-то далекимъ и смутнымъ казались.

Надъ нами повиснули складки алькова,
 За окнами полночь шептала невнятно,
 И было мнѣ это такъ чуждо, такъ ново,
 И такъ несказанно, и такъ непонятно.

И грезилось мнѣ, что, прильнувъ къ изголовью,
 Какъ въ сказкѣ, лежу я подъ райскою сѣнью,
 И призрачной бытъ я исполненъ любовью,
 И ты мнѣ казалась воздушною тѣнью.

Забыть о борьбѣ, о тоскѣ, о проклятияхъ,—
 Какъ иектарь, тревогу я пилъ неземную,—
 Какъ будто лежалъ я не въ грѣшихъ объятьяхъ,
 Какъ будто леѧлъ я душу родную.

XLI.

ДВА ГОЛОСА.

Скользять стрижи въ лазури неба чистой.
 — Въ лазури неба чистой горить закать. —
 Въ вечерний часъ какъ иѣженъ лугъ росистый!
 — Какъ иѣженъ лугъ росистый, и прудъ, и садъ! —

Вечерній часъ—предчувствіе полночи.
 — Въ предчувствіи полночи душа дрожитъ.—
 Предъ красотой минутной плачутъ очи.
 — Какъ горько плачутъ очи! Какъ мигъ бѣжитъ!—

XLII.

ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ.

Ландышъ, лютинки. Ласки любовныя.
 Ласточки лепетъ. Лобзанье лучей.
 Лесь зеленѣющій. Лугъ расцвѣтающій.
 Свѣтлый свободный журчащий ручей.

День догораетъ. Закатъ загорается.
 Шопотомъ, ронотомъ роши полны.
 Новый восторгъ воскресаетъ для жителей
 Сказочной свѣтлой свободной страны.

Вѣтра вечерняго вздохъ замирающій.
 Полной Луны перемѣнчивый ликъ.
 Радость безумная. Грусть непонятная.
 Мигъ невозможнаго. Счастія мигъ.

XLIII.

РАБСТВО.

СОНЕТЪ.

Ты льпешь ко мѣ, какъ гибкан лоза,
 И всѣ твои движенія красивы,
 Твоихъ волосъ капризные извины
 Пышнѣе, чѣмъ полночная гроза.

Настолько же прекрасны, какъ и лживы,
Глубокіе спокойные глаза,
Гдѣ искрится притворная слеза,
Гдѣ видны сладострастные порывы.

Тотъ будеть твой безвольпый рабъ всегда,
Кого ты отравила поцѣлуемъ,
Въ немъ прошлое погибнетъ безъ слѣда,

Въ немъ вѣчно будетъ жгучая вражда
Къ тому, чѣмъ прежде былъ онъ такъ волнуемъ,
Къ святыни, что погасла, какъ звѣзда.

XLIV.

КОШМАРЪ.

СОНЕТЬ.

Въ печальный мигъ, въ печальный часъ ночной,
Въ альковѣ пышномъ, полномъ аромата,
Покоялась она передо мной,
Дремотою изнѣженной обята.

И попялъ я, что миѣ ужъ нѣть возврата
Къ прошедшему, къ Лазури неземной:—
Я увидалъ не человѣка-брата,
Со мною былъ бездушный звѣрь лѣсной.

Незримыми иѣмыми голосами
Душа моя наполнилася вдругъ
Отъ этихъ губъ, отъ этихъ ногъ и рукъ.

Мгновения сменялися часами,
И ведъ я вездѣ — вездѣ вокругъ —
Змѣю съ полузакрытыми глазами.

XLV.

* *

Нѣть, мнѣ никто не сдѣлать столько зла,
Какъ женишина, которая твердила
Мнѣ каждый мигъ: „Люблю тебя, люблю!“

Она украдкой кровь мою,
Какъ злой вампиръ, пила.

Она во мнѣ все чистое убила,
Она меня къ могилѣ привела.

Забывъ весь міръ, забывъ, что люди, братья,
Томятся гдѣ-то тамъ, во тьмѣ, вдали,
Я заключилъ въ преступныя объятья
Тебя, злой духъ, тебя, о, нердъ Земли.
Озарены болыимъ сиянемъ луннымъ,
Окутани туманной полумглой,
Подобно духамъ тьмы иль звукамъ струиннымъ,
Витаемъ мы между Небомъ и Землей.

Твой образъ, то наемѣсливый, то милый,
Мнѣ грезится въ какомъ-то смутномъ спѣ,
Цвѣты любви сбирая надъ могилой,
Я вижу, какъ ты гробъ готовишь мнѣ.

Какъ мертвцу, мнѣ чуждо все живое...
Но кто же ты, мой гений неземной,

Во мнѣ зажегшій пламя роковое?
 Страдаю я, покуда ты со мной,—
 А пѣть тебя—и я страдаю вдвое.
 Въ твоей душѣ слились добро и зло...
 Зачѣмъ твое дыханье огневое
 Меня сожгло?

О, какъ прекрасна ты неотразимо,
 Какъ властна ты заставить все забыть!
 Твой пѣжный смѣхъ—улыбка серафима,
 И я тебя не въ силахъ не любить!
 Но почему жъ во мнѣ неудержимо
 Желаніе встаетъ—тебя убить?

XLVI.

ЛАСТОЧКИ.

СОПЕТЬ.

Земля покрыта тьмой. Оконченъ день заботъ.
 Я въ царствѣ чистыхъ думъ, живыхъ очарованій.
 На башнѣ вдалекѣ протяжно полночь бѣть,
 Часть тайныхъ встрѣчъ, любви, блаженства, и рѣдавій.

Невольная въ душѣ тоска ростеть, ростеть.
 Ветасть передо мной толпа воспоминаній,
 То вдругъ отирянеть прочь, то вдругъ опять прильнетъ
 Къ груди, исполненной несбыточныхъ желаній.

Такъ въ знойный лѣтній день, надъ гладью водъ рѣчныхъ
 Порою ласточка игриво пронесется,
 За ней вслѣдъ толпа сестеръ ея живыхъ,

Веселыхъ спутницъ рой какъ будто бы смеется,
Щебечутъ громко всѣ,—и каждая изъ нихъ
Лазури водъ на мигъ крыломъ своимъ коснется.

XLVII.

ВЪ СТОЛИЦЪ.

Свѣжій запахъ душистаго сѣна мнѣ напомнилъ далекіе дни,
Невозвратнаго свѣтлаго дѣтства предо мной загорѣлись огни;
Предо мною воскресло то время, когда міръ я безгрѣшно любилъ,
Когда не былъ еще человѣкомъ, но когда уже богомъ я былъ.

Мнѣ снятся родные луга,
И звонкая пѣсня косца,
Зеленаго сѣна стога,
Веселье и смѣхъ безъ конца.
Іюльскаго дня красота,
Зарница іюльскихъ ночей,
И дѣтскаго сердца мечта
Въ синихъ нездѣшнихъ луچей.
Протяжное пѣнье стрекозъ,
Чуть слышныя всплески рѣки,
Роптаніе липъ и березъ,
Въ полуночной тьмѣ свѣтляки.
И все, что въ родной сторонѣ.
Меня озарило на мигъ,
Теперь пробудило во мнѣ
Печали пѣвучій родникъ.

И зачѣмъ истомленною грудью я вдыхаю живой ароматъ,
Вспоминая луга съ ихъ раздольемъ, и забытый запущенный садъ?
Свѣжій запахъ душистаго сѣна только болью терзаетъ меня:
Опь мнѣ душною ночью напомнилъ отлетѣвшія радости дня.

XLVIII.

ГРУСТЬ.

Внемля вѣтру, тополь гнется, съ неба дождь осенний льется,
 Надо мною раздается мѣрный стукъ часовъ стѣпныхъ;
 Миѣ никто не улыбнется, и тревожно сердце бьется,
 И изъ устъ невольно рвется монотонный грустный стихъ;
 И какъ тихій дальний топотъ, за окномъ я слышу ропотъ,
 Непонятный странный шопотъ—шопотъ капель дождевыхъ.

Отчего такъ вѣтру скучно? Плачетъ, ноеть онъ докучно,—
 И въ отвѣтъ ему стоявучно капли бьются и бѣгутъ;
 Я внемлю, миѣ такъ же скучно, грусть со мною неразлучна,
 Равномѣрно, однозвучно риомы стройныя текутъ;
 Въ эту пору пепогоды, подъ унылый плачъ Природы,
 Дни, мгновенія, точно годы—годы медленно идутъ.

XLIX.

* * *

Въ полѣ искрилась роса,
 Въ небесахъ царилъ покой,
 Молодые голоса
 Звонко пѣли за рѣкой.

Но межъ тѣмъ какъ пѣсни звукъ
 Озарялъ нѣмую даль,
 Точно тѣнь, бродила вкругъ
 Неутѣшила печаль.

И, скорбя о трудномъ днѣ,
 Гдѣ-то духъ страдалъ людской,
 Кто-то плакалъ въ тишинѣ
 Съ безконечною тоской.

L.

СМЕРТЬ.

СОНЕТЬ.

Суровый призракъ, демонъ, духъ всесильный,
Владыка всѣхъ пространствъ и всѣхъ временъ,
Нѣть дня, чтобы жатвы ты не снялъ обильной,
Нѣть битвы, где бы ты не бралъ знаменъ.

Ты плещь очамъ безсоннымъ сонъ могильный,
Несчастному, кто къ ныtkамъ присужденъ,
Какъ вольный вѣтеръ, шепчешь въ кельѣ пыльной,
И свѣтъ даришь тому, кто тьмой стѣсненъ.

Ты всѣмъ несешь свой даръ успокоенья,
И даже тѣмъ, кто суетной душой
Исполненъ дерзновеннаго сомнѣнья.

Къ тебѣ, о, царь, владыка, духъ забвенья,
Изъ бездны золъ несется возгласъ мой:—
Прави Я жду. Я жажду примиренья!

II.

СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ.

Жизнь утомила меня.
Смерть, наклонись надо мной!
Въ небѣ—предчувствіе дня,
Сумракъ блѣдишь очей...
Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
Въ утренней дѣственной мглѣ,
Дубъ зашепчетъ съ сосной.
Грустно поникнетъ къ землѣ
Ласковый ландышъ лѣсной.

Вѣстникъ безсмертнаго дня,
Гдѣ-то зашепчетъ родникъ,
Гдѣ-то проснется, звения...
Въ этотъ таинственный мигъ,
Смерть, убаюкай меня!

Въ Безбрежности

Землю цѣлуй, и неустанно
иснастимо люби, всѣхъ люби,
все люби, иши восторга и изту-
пленія сего

Достоевскій

1895—Зима.

* * *

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни поясавшаю днія,
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ ясный рисовались,
Тѣмъ ясный рисовались очертанья вѣтви,
И какіе-то звуки вдали раздавались,
Вокругъ меня раздавались отъ Небесъ и Земли.

Чѣмъ я выше входилъ, тѣмъ сильнѣе сверкали.
Тѣмъ сильнѣе сверкали высі дремлющихъ горъ,
И сіяніемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманиній взоръ.

И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня-же блестало дневное свѣтило,
Оневое свѣтило доврали вдали.

Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаю днія,
И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

ЗА ПРЕДЪЛЫ

Въчность движения—
Область мои;
Смерть и рожденье,
Ткань бытия.

Гете. Лукъ Зевели

I.

БОЛОТНЫЯ ЛИЛИИ.

Поблѣдившіе, иѣжно-стыдливые,
Распустились въ болотной глухи
Бѣлыя лилий цветы молчаливые,
И вкругъ нихъ шелестять камыша.

Бѣлыя лилий цветы серебристые
Выростаютъ съ глубокаго дна,
Гдѣ не свѣтить лучи золотистые,
Гдѣ вода холодна и темна.

И не манить ихъ страсти преступныя,
Ихъ волненья къ себѣ не зовутъ;
Для нескромныхъ очей недоступныя,
Для себя они только живутъ.

Ироникась рѣшимостью твердою
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются съ нынѣшностью гордою
Бѣлыя лилий пѣмые цветы,

Расцвѣтуть, и поблекнуть безграстныя,
Далеко отъ владѣній людскихъ,
И распустятся снова, прекрасныя,—
И никто не узнаеть о нихъ.

II.

* * *

Все мы грезится Море да Небо глубокое,
 Безконечная грусть, безграничая даль,
 Трепетаніе звѣздъ, ихъ мерцанье стокое,
 Догорающихъ тѣчекъ иѣмая печаль.

Все мы чудится вдохъ камыша почернѣлаго,
 Глушь родимыхъ лѣсовъ, заповѣдный затонъ,
 И надъ озеромъ пѣние лебедя бѣлаго,
 Точно сердца несмѣлаго жалобный стонъ.

III.

НА ДАЛЬНЕМЪ ПОЛЮСѢ.

На дальнемъ полюсѣ, гдѣ Солнце никогда
 Огнемъ своихъ лучей цветы не возращаетъ,
 Гдѣ въ мертвомъ воздухѣ оплоты изо льда
 Безумная Луна, не грѣя, освѣщаетъ,—

Въ предѣлахъ Сѣвера тоскуетъ Океанъ
 Неумирающимъ безцѣльнымъ рокотаньемъ,
 И, точно вспугнутый, крутится ураганъ,
 И вдалъ уносится со вздохомъ и съ рыданьемъ.

На дальнемъ полюсѣ, гдѣ жизнь и смерть—одно,
 Моментъ спокойствія предъ вечеромъ подкрался:—
 Все было яркимъ сномъ лучей озарено,
 И только Океанъ угрюмо волновался.

Но вотъ застылъ и онъ. Была ясна вода,
Огнестая, она терялася въ пространствѣ,
И, какъ хрустальные нѣмые города,
Вадымались глыбы льдовъ—въ нетронутомъ убранствѣ.

И точно вопрошалъ пустынныій міръ: „За что?“
И красота кругомъ бессмертная блестала,
И этой красоты не увидалъ никто,
Увы, она сама себя не увидала.

И быстротечный мигъ былъ полонъ странныхъ чаръ,—
Полуугасшій день обнялся съ Океаномъ.
Но жизни не было. И Солнца красный шаръ
Тонулъ въ безстрастіи, склоняясь къ новымъ странамъ.

IV.

КАМЫШИ.

Полночной порою въ болотной глухи
Чуть слышно, безшумно, шуршать камыши.

О чёмъ они шепчутъ? О чёмъ говорятъ?
Зачѣмъ огоньки между пими горятъ?

Мелькаютъ, мигаютъ,—и слова ихъ нѣть.
И снова забрезжилъ блуждающій свѣтъ.

Полночной порой камыша шелестятъ.
Въ нихъ жабы гнѣздаются, въ нихъ змѣи свистятъ.

Въ болотѣ дрожитъ умирающій ликъ,
То Мѣсяцъ багровый печально поникъ.

И типой запахло. И сырость ползетъ.
Трясина заманить, сожметь, власосеть.

„Кого? Для чего?“—камыши говорять.
„Зачѣмъ огоньки между нами горятъ?“

Но Мѣсяцъ печальный безмолвно поникъ.
Не знаетъ. Склеваетъ все ниже свой ликъ.

И, вздохъ повторяя погибшей души,
Тоскливо, безшумно, шуршать камыши.

V.

ПОДВОДНЫЯ РАСТЕНИЯ.

СОНЕЦЪ.

На днѣ морскомъ подводныя растенія
Распространяютъ блѣдные листы,
И тянутся, ростуть какъ привидѣнья,
Въ безмолвіи угрюмой темноты.

Ихъ тяготитъ покой уединенья,
Ихъ манитъ міръ безвѣстной высоты,
Имъ хочется любви, лучей, волненія,
Имъ снятся ароматные цветы.

Но нѣтъ пути въ страну борьбы и свѣта,
Молчать кругомъ холодаю вода.
Акулы проплываютъ иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привѣта,
И сверху посыпаетъ зыбъ морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

VI.

ПУСТЫНЯ.

Я видѣлъ Норвежскіе фьорды съ ихъ жесткой бездушной красотой,
Я видѣлъ долину Арагвы, омытую свѣжей росой,
Исландіи берегъ холодный, и Альпъ снѣговыя хребты.—
Люблю я Пустыню, Пустыню, царицу земной красоты.

Моря, и долины, и фьорды, и глыбы тоскующихъ горъ
Лишь краткой окутаютъ лаской, на мигъ убаюкаютъ взоръ,
А образъ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты,
Войдя, не выходитъ изъ сердца, навѣкъ отравляетъ мечты.

Въ молчаны песковъ безпределныхъ я слышу невѣдомый шумъ,
Какъ будто въ дали неоглядной встаетъ и крутится самумъ,
Встаетъ, и бѣжитъ, пропадаетъ,—и снова молчанье ростеть,
И снова миражъ лучезарный обманно узоры плететь.

И манить куда-то далеко незримая чудная власть,
И мысль поднимается къ Небу, чтобы снова беспомощно упасть:
Какъ будто бы Жизнь задрожала, съ напрасной мечтой и борьбой,
И Смерть на неё наступила своею тяжелой стопой.

VII.

ЗМѢИНЫЙ ГЛАЗЪ.

Датскому лирику Тору Лавге.

Огней полночныхъ караванъ
Въ стени Небесъ плыветь.
Но кто меня въ почной туманъ
Такъ ласково зоветъ?

Зачѣмъ отъ сердца далека
Мечта о Небесахъ?
Зачѣмъ дрожать моя рука?
Зачѣмъ такъ манить прахъ?

Болото спить. Ночная тишина
Ростетъ и все ростетъ.
Шуршитъ загадочно камышъ,
Змѣиный глазъ цвѣтеть.

Змѣиный глазъ глядить, ростетъ,
Его ледѣть ночь.
Къ нему кто близко подойдетъ,
Уйти не можетъ прочь.

Онъ смутно слышитъ свистъ змѣи,
Какъ пѣжный близкій зовъ,
Онъ еле видитъ въ забытии
Огни иныхъ мировъ.

Не манить блескъ былыхъ угѣхъ,
Далекъ живой родникъ.
Въ болотѣ слышитъ чей-то смѣхъ,
И чей-то слабый крикъ.

VIII.

ГИБЕЛЬ.

Предчувствіемъ бури окутанъ былъ садъ.
 Сильнѣй заструился цветовъ ароматъ.
 Узлистые сучья какъ змѣи сплелись.
 Змѣистыя молниіа въ тучахъ зажглись.

Какъ хохотъ стократный, громовой раскатъ
 Смутилъ, оглушилъ зачарованный садъ.
 Свернулась, закрылись цветовъ лепестки.
 На тоякихъ осинахъ забились листки.

Запрыгалъ мелькающій бѣшеный градъ.
 Врасплохъ былъ захваченъ испуганный садъ.
 Съ грозою обняться и слиться хотѣль.
 Погибъ—и учится грозой не успѣль.

IX.

* * *

Е. А. Барженевской.

Вечерній свѣтъ погасъ.
 Чуть дышетъ гладь воды.
 Насталъ завѣтный часъ,
 Для искристой Звѣзды.

Она теперь горить,
 Окутанныя мглой,
 И свѣтомъ говорятъ
 Не съ Небомъ, а съ Землей.

Увидѣла она,
Какъ тамъ внизу темно,
Какъ сладко спить волна,
Какъ спить рѣчное дно.

И вотъ во мглѣ, вдали,
Открывъ лицо свое,
Кувшинки расцвѣли
И смотрятъ на нее.

Они горять въ ночи,
Ихъ пѣхитъ гладь воды,
Ласкаютъ ихъ лучи
Застѣничной Звѣзды.

И будуть надъ водой
Всю ночь они горѣть,
Чтобъ съ Утренней Звѣздой
Стыдливо умереть.

X.

ИСПОЛИНСКІЯ ГОРЫ.

Исполинскія горы,
Заповѣдныя скалы.
Вы—земные узоры,
Вы—вселеній кристалы.

Вы всегда благородны,
Неизмѣнио прекрасны,
Отъ стремленій свободны,
Къ человѣку безстрашны.

Вы простили изломы,
Обрамленные мохомъ.
Вы съ борьбой незнакомы,
Незнакомы со вдохомъ.

Вы спокойно безмолвны,
Васъ не тронуть рыданья,
Вы—застывшія волны
Отъ временъ Мірозданья.

XI.

КОВЫЛЬ.

Точно призракъ умирающій,
На степи ковыль качается,
Смотритъ Мѣсяцъ догорающій,
Бѣлой тучкой омрачается.

И блуждаютъ тѣни смутныя
По пространству неоглядному,
И непрочныя, минутныя,
Что то шепчутъ вѣтру жадному.

И мерцаніе мелькнувшее
Исчезаетъ за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникаетъ надъ курганами.

Мѣсяцъ меркнетъ, омрачается,
Догорающій и тающій,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призракъ умирающей.

XII.

ОКЕАНЪ.

СОНЕТЪ.

Вдали отъ береговъ Страны Обѣтованной,
Храня на днѣ души надежды блѣдныій свѣтъ.
Я волны вопрошалъ, и Океанъ туманный
Угрюмо рокоталъ и говорилъ въ отвѣтъ.

„Забудь о свѣтлыхъ снахъ. Забудь. Надежды нѣть.
„Ты вѣрился мечтѣ обманчивой и странной.
„Сkitайся дни, года, десятки, сотни лѣтъ,—
„Ты не найдешь нигдѣ Страны Обѣтованной“.

И вдругъ понявъ душой всѣхъ дерзкихъ сновъ обманъ,
Охваченъ пламенnoй, но безутѣшной думой,
Я горько вопросилъ безбрежный Океанъ.—

Зачѣмъ онъ страстныхъ бурь питаетъ ураганъ,
Зачѣмъ волнуется,—но Океанъ угрюмый,
Свой ропотъ заглушивъ, окутался въ туманъ.

XIII.

* * *

Вѣчно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море,
 Оба окутаны свѣтомъ мертвенно-блѣдной Луны.
 Вѣтеръ въ пространствѣ смутился, смолкъ въ безутѣшномъ просторѣ,
 Небо, и Вѣтеръ, и Море грустью одною болыны.

Въ холодѣ гибнетъ и меркнетъ все, что глубоко и иѣжно,
 Въ ужасѣ Небо застыло, страшно мерцаеть Луна.
 Горькая влага бездонна, Море спѣть безбрежно,
 Скорбь бытія неизбѣжна, пѣть и не будетъ ей дна.

XIV.

ЛЕБЕДЬ.

Заводь спить. Молчитъ вода зеркальная.
 Только тамъ, гдѣ дремлютъ камыши,
 Чья-то пѣсня слышится, печальная,
 Какъ послѣдній вздохъ души.

Это плачетъ лебедь умирающій,
 Онъ съ своимъ прошедшимъ говорить,
 А на пѣбѣ вечеръ догорающій
 И горитъ и не горѣтъ.

Отчего такъ грустны эти жалобы?
 Отчего такъ бьется эта грудь?
 Въ этотъ мигъ душа его желала бы
 Невозвратное вернуть.

Все, чѣмъ жилъ съ тревогой, съ наслажденiemъ,
 Все, на что падѣлась любовь,
 Проскользнуло быстрымъ сновидѣнiemъ,
 Никогда не вспыхнетъ вновь.

Все, на чемъ печать неоправимаго,
 Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ слизъ,
 Точно онъ у озера родимаго
 О прощеніи молилъ.

И когда блеснули звѣзды дальния,
 И когда туманъ вставалъ въ глухи,
 Лебедь иѣль все тише, все печальнѣе,
 И шептались камыши.

Не живой онъ иѣль, а умирающій,
 Оттого онъ иѣль въ предсмертный часъ,
 Что иредъ смертью, вѣчной, примиряющей,
 Видѣлъ правду въ первый разъ.

XV.

БЕЗПРИЮТНОСТЬ.

СОНЕТЪ.

Меня не манитъ тихая отрада,
 Покой, тепло родного очага,
 Не спятся миѣ цвѣты родного сада,
 Родимые безмолвные луга.

Краса иная сердцу дорога,
Я слышу ревъ и рокотъ водопада.
Мкѣ грезятся морскіе берега,
И горъ неумолимая громада.

Среди другихъ обманчивыхъ утѣхъ
Есть у меня занѣтная утѣха:
Забыть, что значить плачъ, что значить смѣхъ,—

Будить въ горахъ грохочущее эхо,
И въ бурю созерцать, подъ громъ и вой,
Величие пустыни міровой.

XVI.

НАДЪ ПУЧИНОЙ МОРСКОЙ.

Фондъ ***.

Надъ пучиной морской, тяготѣя, повисла скала,
У подножья скалы бьются волны толстой неустанной,
Грѣеть зпой ея камни, къ ней ластятся вѣтеръ и мгла,
Но безмолвна она — въ часъ почной, въ часъ зари златотканной.

Бѣлоснѣжная тучка мелькнетъ и растаетъ наѣй,
Прощебечетъ блуждающихъ птицъ перелетная стая,
Загорится, забрезжитъ за моремъ звѣзда золотая,
Небо вспыхнетъ въ отвѣтъ миріадами синихъ огней.

Но не видя, не внемля, гранитная дремлетъ громада,
Если жь волны сильнѣе нахлынутъ, журча и звеня,
Словно шепчетъ она еле слышно: „Не надо... не надо...
„Утишите волшенье свое... Не будите меня...“

XVII.

ВЪ ПЕЩЕРЪ.

Въ пещерѣ угрюмой, подъ сводами скаль,
Гдѣ свѣточъ дневной никогда не сверкалъ,
Иду я па-ощупь, не видя ни зги,
И гулко во тьмѣ отдаются шаги.

И кто-то со мною какъ будто идетъ,
Ведеть въ лабиринтѣ впередъ и впередъ.
И, вскрикнувъ, я слышу, какъ тотчасъ вокругъ,
Отвѣтный, стократный, разносится звукъ.

Скользя по уступамъ, иду безъ конца,
Невольно мнѣ чудится очеркъ лица,
Невольно хочу я кого-то обнять,
Кого,—не могу и не смѣю поять.

Но тщетно безумной томлюсь я тоской:—
Лишь голые камни хватаю рукой,
Лишь чувствую сырость на влажной стѣнѣ,—
И ужасъ вливается въ сердце ко мнѣ.

„Кто шепчетъ?“—кричу я. „Ты другъ мнѣ? Приди!“
И голосъ гремитъ и хохочетъ: „Иди!“
И въ страхѣ кричу я: „Скажи мнѣ, куда?“
И съ хохотомъ голосъ гремитъ: „Никуда!“

Безплодно скитанье въ пустынѣ земной,
Близнецъ мой, страданье, повсюду со мной.
Гдѣ выходъ, не знаю,—въ пещерѣ темно,
Все слито въ одно роковое звено.

XVIII.

АЮДАГЪ.

Синѣеть пиръ морская, чернѣеть Аюдагъ.
 Тѣснится изъ-за Моря, ростеть, густѣеть мракъ.
 Холодный вѣтеръ вѣтеть, туманы поднялись,
 И звѣзды между тучекъ чуть видныя зажглись.

Неслышно Ночь ступаетъ, вступаетъ въ этотъ міръ,
 И таинство свершаетъ, и шествуетъ на пиръ.
 Безмолвіе ей шепчетъ, что дню пришелъ копецъ,
 И звѣзды ей сплетаютъ серебряный вѣнецъ.

И все полнѣй молчанье, и все чернѣе мракъ.
 Застыль, какъ изваяніе, тяжелый Аюдагъ.
 И Ночь, смѣясь, покрыла весь міръ своимъ крыломъ,
 Чтобы тотъ, кто настрадался, вздохнула предъ новымъ зломъ.

XIX.

Въ этой жизни смутной
 Насъ повсюду ждетъ—
 За восторгъ минутный—
 Долгой скорби гнетъ.

Радость совершенства
 Смѣшана съ тоской.
 Есть одно блаженство: —
 Мертвениій покой.

Жажду наслажденья
Въ сердцѣ побѣди,
Усыпъ волненія,
Ничего не жди.

XX.

* * *

Нѣть, не могу я заснуть, и не ждать, и смириться,
Въ сердцѣ волненіе ростетъ и ростетъ!
Можетъ ли вѣтеръ свободный кому покориться?
Можетъ ли звѣздъ не блестать хороводъ?

Нѣть, мнѣ не нужно покоя, не нужно забвенья,
Если же счастіе намъ не дано,—
Въ море отчаянья, въ темную бездну мученья
Брошусь на самое дно!

XXI.

ВЪ ЧАСЬ РАЗСВѢТА.

Надъ ущельемъ осторожныи, межъ тревожныхъ чуткихъ скаль,
Перекличкѣ горныхъ духовъ въ чась разсвѣта я внималъ.
Со скалы къ скалѣ срывался, точно зовъ, неясный звукъ.
Освѣженій, улыбался, пробуждался міръ вокругъ.

Гдѣ-то серна пробѣжала, гдѣ-то коршунъ промелькнулъ,
Оборвался тяжкій камень, между скаль раздался гулъ.
И гитѣздится, и клубится легкій паръ, источникъ тучъ,
Зацѣпляясь, проползаетъ по уступамъ влажныхъ кручь.

И за гранью отдаленной,—радость горъ, долинъ, полей,—
Открываетъ ликъ побѣдный, все полныи и все свѣтлый,
Ярко-красное Свѣтило расцвѣтающаго дня,
Какъ цвѣтокъ садовъ гигантскихъ, полный жизни и огня.

XXII.

ВѢТЕРЪ.

Я жить не могу настоящимъ,
Я люблю беспокойные сны,
Подъ солнечнымъ блескомъ палиющимъ,
И подъ влажнымъ мерцаньемъ Луны.
Я жить не хочу настоящимъ,
Я внимаю намекамъ струны,
Цвѣтамъ и деревьямъ шумящимъ,
И легендамъ приморской волны.

Желаньемъ томясь несказаннымъ,
Я въ неясномъ грядущемъ живу,
Вздыхаю въ разсвѣтъ туманиомъ,
И съ вечернею тучкой плыву.
И часто въ восторгѣ нежданномъ
Поцѣлуемъ тревожу листву.
Я въ бѣгствѣ живу неустаниомъ,
Въ иенасытной тревогѣ живу.

XXIII.

ПРИЗРАКИ.

Шелестъ листьевъ, шопотъ травъ,
 Переплескъ рѣчной волны,
 Ропотъ вѣтра, гулъ дубравъ,
 Ровный блѣдныи блескъ Луны.

Словно въ дѣствѣ предо мною,
 Надъ рѣчию глубиною,
 Нимфы блѣдною гирляндой обнялись, переплелись.
 Брызнутъ пѣной, разомкнутся,
 И опять плотнѣй сожмутся,
 Опускаясь, поднималась, па волнѣ и вверхъ и внизъ.

Шепчутъ темныя дубравы.
 Шепчутъ травы про забавы
 Этихъ блѣдныхъ, этихъ пѣжинихъ обитательницъ волны.
 Къ пимъ изъ дали неизвѣстной
 Опустился эльфъ чудесный,
 Какъ на нити золотистой, на прямомъ лучѣ Луны.

Выше истины земной,
 Обольстительниче зла,
 Эта жизнь въ тиши почвой,
 Эта призрачная мгла.

XXIV.

ЗАРОЖДЕНИЕ РУЧЬЯ.

На вершинѣ скалы, гдѣ потокомъ лучей
Солнце жжетъ горячѣй, гдѣ гнѣздятся орлы,
Изъ тумановъ и мглы зародился ручей,
Все звончѣй и звончѣй по уступамъ скалы
Онъ волной ударялъ, и гранатъ повторялъ
Мѣрный отзвукъ на звукъ, возникавшій вокругъ.

Какъ прозрачный кристалъ, какъ сверкающій лучъ,
Неремѣнчивый ключъ между камней трепеталь,
На гранитѣ блесталь, и красивъ, и пѣвучъ,
Жаждой жизни могучъ, онъ отъ счастья ридаль,
Цкричали орлы, на уступахъ скалы,
У истоковъ ручья, въ торжествѣ бытія.

XXV.

ДУХЪ ВѢТРОВЪ.

Духъ вѣтровъ, Зефиръ игривый
Пропашумѣлъ среди листовъ,
Прикоснулся шаловливый
Къ нѣжнымъ чашечкамъ цветовъ.

И шепнуулъ неуловимый,
И волною шевельнуулъ,
Къ арфѣ звучной и пезримой
Дланью быстрою прильнуулъ.

И съ безпечностью ребенка,
Не заботясь ни о чём,
Опь игралъ легко и звонко
Въ ясномъ воздухѣ почномъ.

И влюбленныя паяды
Показались изъ волны,
И къ нему кидали взгляды
Въ свѣтѣ гаснущей Луны.

Нимфа съ нимфою шепталась,
О блаженствѣ говоря.
А за Моремъ пробуждалась
Розоперстая зари.

XXVI.

* * *

Вѣтеръ перелетный обласкалъ меня
И шепнулъ печально: „Ночь сильнѣе дня“.
И закатъ померкнулъ. Тучи почернѣли.
Дрогнули, смутнись пасмурныя ели.

И надъ темнымъ моремъ, гдѣ крутился валъ,
Вѣтеръ перелетный зыбью пробѣжалъ.
Ночь царила въ мірѣ. А межъ тѣмъ далеко,
За моремъ зажглося огненное око.

Новый распустился въ небесахъ цвѣтокъ,
Свѣтомъ возрожденіемъ заблисталъ Востокъ.
Вѣтеръ измѣнился, и пахнулъ мнѣ въ очи,
И шепнулъ съ усмѣшкой: „День сильнѣе ночи“.

XXVII.

РУЧЕЙ.

(съ восточнаго).

Что ты плачешь, печальный прозрачный ручей?
Пусть ты скованъ цѣпями сурою зимы,
Скоро вспыхнетъ весна, запоешь ты звончей,
На зарѣ, подъ покровомъ нѣмой полутины.

И свободный отъ мертвыхъ бездушныхъ оковъ,
Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,
И на твой жизнерадостный сладостный зовъ
Вольный откликъ послышится въ чащѣ лѣсной.

И, подъ шелестъ листка, вѣтерка поцѣлуй
Заволиуетъ твою блоснѣжную грудь,
И застѣпчивымъ ліліямъ въ зеркало струй
На себя будѣтъ любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится подъ лаской лучей,
И безслѣдо растаютъ оковы зимы.
Что жъ ты плачешь, скорбящій звенящій ручей,
Что жъ ты рвешься такъ страстно изъ темпой тюрмы?

XXVIII.

* * *

Утомленное Солнце, стыдясь своего утомленья,
Раскраснѣвшійся лицъ наклонило и скрыло за лѣсомъ,
Гдѣ чутъ дышѣть, чутъ шепчеть въ вѣтвяхъ вѣтерка дуновенье,
Гдѣ листва чутъ трепещетъ въ лучахъ изумруднымъ навѣсомъ.

Распростертую Землю ласкало дневное Свѣтило,
И уплю на покой, по Земля не насытилась лаской,
И съ блѣднющимъ Мѣсяцемъ Солнцу она памѣнила,
И любовь ихъ зажглась обольстительной новою сказкой.

Вся небесная даль озарила улыбкой стыдливой,
На фіалкахъ лѣсныхъ заблистали росою слезинки,
Зашепталаась рѣчная волна съ серебристою ивой,
И, качаясь на влагѣ, другъ другу кивали кувшинки.

XXIX.

ЗВУКИ ПРИБОЯ.

Какъ глухъ сердитый шумъ
Взволнованшаго Моря!
Какъ сводъ Небесъ угрюмъ,
Какъ боятся тучи, споря!

О чёмъ шумитъ волна,
О чёмъ протяжно стоить?
И чья тамъ тѣнь видна,
И кто тамъ въ Морѣ тонеть?

Гремитъ морской прибой,
И долотъ вой упорный:
„Идемъ, идемъ на бой,
На бой съ Землею черной!

„Разрушимъ грань Земли,
„Покроемъ все водою!
„Внемли, Земля, внемли,
„Нашъ крикъ грозить бѣдою!

„Мы все зальемъ, возьмемъ,
 „Поглотимъ жадной бездной,
 „Громадой волиъ плеснемъ,
 „Взберемся въ міръ надзвѣздны!“

„Шуми, греми, прибой!“
 И стонуть всплески смѣха.
 „Идемъ, идемъ па бой!“ —
 „На бой“—грохочеть эхо.

XXX.

МОРСКОЕ ДНО.

СОНЕЦЪ.

Съ морского дна безмолвные упреки
 Доносятся до ласковой Луны —
 О томъ, что эти области далеки
 Отъ воздуха, отъ вольной вышины.

Тамъ все живеть, тамъ звучетъ плескъ волны,
 А здѣсь на жизнь лишь блѣдныя памеки,
 Здѣсь вѣчный сонъ, пустыня тишины,
 Пучины Моря мертвенно-глубоки.

И вотъ Луна, проснувшись въ высотѣ,
 Понять огнемъ кипучіе приливы,
 И волнамъ рвутся къ дальней Красотѣ.

Луна горить, играютъ переливы,—
 Но тамъ, подъ блескомъ волиъ, морское дно
 По-прежнему безжизненно-темно.

XXXI.

* * *

Е. И. Лисагоровской.

Кто это ходить въ ночной тишинѣ,
Кто это бродитъ при блѣдной Лунѣ?

Сонные вѣтви рукою качаетъ,
Вздохомъ протяжнымъ па вздохъ отвѣчаетъ.

Кто надъ иѣмою дремою стоить,
Влажнымъ дыханіемъ травы поить?

Чье это видно лучистое око—
Ближе и ближе—и спова далеко?

Слышно, какъ старыя сосны шумятъ,
Слышенъ гвоздики ночной ароматъ.

Въ сонномъ болотѣ знакомыя травы
Больше не дышутъ дыханіемъ отравы.

Тише! Останься, помедли со мной!
Кто ты,—не знаю, о, призракъ ночной.

Сладко съ тобой подъ Луною встрѣчаться,
Съ призракомъ—призракомъ легкимъ качаться.

Что же ты вновь убѣгаешь, скользи,—
Или намъ ближе обняться нельзя?

Или подвластны мы чарамъ запрета
Въ царствѣ холоднаго луннаго свѣта?

Кто жь это гонится тамъ за тобой?—
Призракъ сверкаетъ блестящей стопой.

Легкимъ видѣніемъ тѣнь убѣгаешьъ,—
Только на небѣ зарина мелькаешьъ.

XXXII.

ОСТРОВЪ ЦВѢТОВЪ.

Графиня Е. Н. Толстая.

Жемчужина морей,
Цвѣтушій Островъ дремлетъ,
И въ пышности своей
Волнамъ влюбленнымъ внемлетъ.

Надъ нимъ—просторъ Небесъ,
Кругомъ—пустыня Моря.
На немъ зеленый лѣсъ
Шумитъ, прибою вторя.

Здѣсь пѣть людскихъ слѣдовъ,
Здѣсь легкій вѣтеръ вѣтеть,
Онъ чашечки цвѣтовъ
Дыханіемъ леѣтъ.

Безмолвные цвѣты—
Властители пространства,
И жаждой красоты
Живетъ цвѣтовъ убранство.

И вогъ за грани горъ
Встаетъ дворецъ Востока,—
Украшень травъ коверъ
Цвѣтами златоока.

И снова въ свой чередъ
Вздохнеть Закатъ усталый,
И берегъ вновь цвѣтеть,
Лазурный, желтый, алый.

Проходить жизнь какъ сонъ,
Разсвѣть, какъ прежде, пышенъ,
Полетъ сѣдыхъ временъ
Надъ Островомъ не слышенъ.

Лучи съ Небесъ глядятъ,
И кротокъ свѣтъ Заката,
Цвѣты лучамъ кадятъ
Струями аромата.

Кадильница морей,
Цвѣтами Островъ дышеть,
А вѣтеръ сѣть вѣтвей
Колышеть и колышеть.

XXXIII.

ТУМАНЫ.

Туманы таяли и вновь росли надъ лугомъ,
Поззли, холодные, надъ мертвю травой,
И блѣдныя цветы шепталися другъ съ другомъ,
Скорбя застывшую листвой.

Они хотѣли жить, блестая лепестками,
 Вздыхать, дышать, горѣть, леѣть ароматъ,
 Любиться съ пчелами, дрожать подъ мотыльками,
 Изъ міра сдѣлать пышный садъ.

Они изнемогли подъ сыростью тумана,
 И жаждали зари, и жаждали огня,
 И плакали, что смерть приходитъ слишкомъ рано,
 Что поздно всыпнуть краски дия.

И день забрезжился. Туманы задрожали,
 Воздушнымъ кораблемъ повисли надъ землей.
 И вѣтры буйные, смѣясь, его качали,
 И свѣтъ боролся съ тусклой мглой.

Все жарче день пыпалъ сверкающимъ привѣтомъ,
 Холодный кругъ земли дыханьемъ горяча, —
 И облако заиклось, пронизанное свѣтомъ
 Непобѣдимаго луча!

XXXIV.

ЧАХЛЫЯ СОСНЫ.

Хмурятся скалы, оплоты земной тишины:
 Вѣтеръ въ пролетахъ свиститъ отъ стѣны до стѣны.

Таинство жизни трепещетъ средь мертвыхъ камней,
 Что-то забилось, какъ будто бы тѣни тѣней.

Чахлые сосны ростутъ на отвѣсной стѣнѣ,
 Шепчутъ подъ Солнцемъ, и зябнутъ при тусклой Лунѣ.

Хочется соснамъ на горную высь посягнуть:
Цѣпкіе корни вѣдаются въ твердую грудь.

Скупо ихъ кормятъ бездушныя глыбы скалы.
Съ жадными криками посятся сверху орлы.

Чахлые сосны безъ влаги ростуть и ростуть.
Чахлые сосны къ Лазурн дорогу найдутъ!

ЛЮБОВЬ И ТЪНИ ЛЮБВИ

Amore e'l cor gentil sono una cosa.

Dante

Вспоминание граничит съ раскаяниемъ.

Бальмонтъ

I.

* * *

Въ пустынѣ безбрежнаго Моря
 Я островъ нашелъ голубой,
 Гдѣ, арфѣ невидимой вторы,
 И рошеть и плачетъ прибой.

Тамъ есть позабытая вилла,
 И, точно видѣніе, въ ней
 Гадаетъ сѣдая Сибilla,
 Въ мерцааніи певѣрныхъ огней.

И тотъ, кто взойдетъ на ступени,
 Предъ Вѣщій преклонится ницъ,—
 Увидѣть поблекшія тѣни
 Знакомыхъ исчезнувшихъ лицъ.

И кто, преклоняясь, замѣтить,
 Какъ тускло змѣятся огни,
 Тотъ взглядомъ сильнѣй ихъ засвѣтить,—
 И вспомнить погибшіе дни.

И жаднымъ вливанія взоромъ
 Въ черты безтѣлесныхъ тѣней,
 Внимая беззвучнымъ укорамъ,
 Что бури громовой слышнѣй,—

Онъ вскрикнетъ, и кинется страшно
 Туда, гдѣ быдая стезя...
 Но тѣни пройдутъ безучастно,
 И съ ними обняться—нельзя.

II.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ и тихой лѣни,
 Въ царствѣ счастія земного и небесной красоты,
 Я всѣмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайныхъ откровеній,
 Я рвался душой въ предѣлы недоступной высоты,
 Для меня блестало Солнце въ дни весенніхъ упоеній.
 Иѣли птицы, павѣвая лучезарныя мечты,
 И акаціи густыя и душистыя сирени
 Надо мною наклоняли блоснѣжные цвѣты.

Точно сказочныя змѣи, безконечныя аллеи
 Извивались и сплетались въ этой ласковой странѣ,
 Эльфы свѣтлые скликались, и толпой скользили феи,
 И водили хороводы при сверкающей Лунѣ,
 И съ улыбкою богини, съ иѣжнымъ профилемъ камеи,
 Чья-то тѣнь ко мнѣ безшумно наклонялась въ полуснѣ,
 И зардѣвшіяся розы и стыдливая лилей
 Иашу страсть благословляли въ полуночной тишинѣ.

III.

НОЧЬ.

Скоро на небѣ Мѣсяцъ проглянетъ.
 Листья застыли. Время уснуть.
 Ночь пропесется. Утро настанетъ.
 Снова забота сдавить намъ грудь.

Птички замолкли. Другъ безпріютныи,
 Птички заснули.—что жь ты не спишъ?
 Сердцемъ отдайся грезѣ минутной.
 Въ Небѣ глубокомъ звѣздная тинь.

Скоро двурогий Мъсяцъ засвѣтить.
 Слышишь, какъ дышеть, шепчетъ сирень?
 Сумракъ полночный мыслямъ отвѣтить.
 Тьма насть ласкаеть. Кончился день.

Что же ты плачешь? Видишъ—мы рядомъ.
 Будемъ другъ друга тихо любить.
 Что-же ты смотришь горестнымъ взглядомъ?
 Или не можешь полдень забыть?

Все, что смущало, все, чѣмъ обмануть,
 Встало волною, плещется въ грудь.
 Звѣзды свѣтить намъ дважды не станутъ.
 Ночь убываетъ. Сновъ не вернутъ.

Страя чайка плачетъ надъ моремъ.
 Въ Небѣ свинцовомъ тусклая мгла.
 Ахъ, не разстаться съ тягостнымъ горемъ!
 Гдѣ-же мы были? Ночь ужъ прошла.

IV.

БАЮШКИ - БАЮ.

Спи, моя печальная,
 Спи, многострадальная,
 Грустная, стыдливая,
 Вѣчно молчаливая.
 Я тебѣ спою
 Баюшки-баю.

Съ радостью свиданія
 Къ намъ вдуть страданія,
 Лучше—отреченіе,
 Скорбь, самозавеніе.

Счастія не жди,
 Въ сердце не гляди.

Въ жизни кто огляднется,
 Тотъ во всемъ обманется,
 Лучше безразсудными
 Жить мечтами чудными.

Жизнь проспать свою.
 Баюшки-баю.

Гдѣ-то море пѣнится,
 И оно измѣнится,
 Утомится шумное,
 Шумное, безумное.

Будетъ подъ Луной
 Чуть дышать волной.

Сни же, спи, печальная,
 Спи, многострадальная,
 Грустная, стыдливая,
 Птичка боязливая.

Я тебѣ пою
 Баюшки-баю.

V.

* * *

Не могу я забыть неотступный укоръ,
 Что застылъ въ глубинѣ неподвижныхъ очей,
 Онъ повсюду со мной, этотъ мертвенный взоръ,
 И въ сіяніи дня, и въ молчанья ночей.

Всюду вижу ее, хоть ея уже нетъ,
 Съ кемъ когда-то восторгъ и страданье дѣлилъ,
 Ту, въ чьемъ сердцѣ всегда находилъ я отвѣтъ,
 Ту, кого я ласкалъ, и, лаская, убивъ.

Сколько разъ я внималъ рокотанью морей,
 Сколько разъ уходилъ въ безматежіе горь,
 Но во мракѣ ночномъ и въ сіяніи лучей
 Предъ собой я встрѣчалъ укоризненный взоръ.

Всюду вижу какъ сонъ—запрокинутый трупъ,
 Онъ молчитъ, онъ живеть выраженьемъ лица,
 И усмѣшкой нѣмой исказившихся губъ
 Онъ со мной говорить—говорить безъ конца.

VI.

* * *

День за днемъ ускользаетъ несмѣло,
 Ночи стелютъ свой черный покровъ.
 Снова полночь нѣмая приспѣла,
 Слышенъ бой колокольныхъ часовъ.

Гулкій звонъ разрастается, стонеть,
 Заунывнымъ призывомъ звучить,
 И въ застывшемъ безмолвіи топеть.—
 И пустыниа полночь молчитъ.

Мѣдный говоръ такъ долго тянулся,
 Что, казалось, не будетъ конца.
 И какъ-будто вдали улыбнулся
 Милый очеркъ родного лица.

И забылся весь ужасъ изгнанья,
Засвѣтился родимый очагъ...
Но мгновенно настало молчанье,
Неоглядный раскинулся мракъ.

Дверь открылась и, спова замкнулась,
Лучъ блеснула, и его не видать,—
И безсильно въ груди шевельнулось
То, чemu не бывать, не бывать.

VII.

* * *

Мы шли въ золотистомъ туманѣ,
И выйти на свѣтъ не могли,
Тонули въ нѣмомъ Океанѣ,
Какъ тонуть во млѣ корабли.

Намъ снились видѣнія Гая,
Чужие лѣса и луга,
И прочь отъ родимаго края
Иные влекли берега.

Стремясь ускользающимъ взглядомъ
Къ предѣламъ безвѣстной земли,
Дышали съ тобою мы рядомъ,
Но былъ я какъ-будто вдали.

И лгали намъ вѣтры и тучи,
Смѣялись извины волны,
И были такъ странно пѣвучи
Беззвуковые смутные сны.

И мы безконечно топули,
 Стремяся отъ влаги къ землѣ—
 И звѣзды печально шепнули,
 Что мы утонули во мглѣ.

VIII.

ОАЗИСЬ.

Ты была какъ оазисъ въ пустынѣ,
 Ты мерцала стыдливой звѣздой,
 Ты Луною зажглась золотой,
 И тебѣ, недоступной богинѣ,
 Отдаваль я мечту за мечтой.

Я рѣшился въ желаніи смѣломъ
 По кремнистой дорогѣ идти
 И не медлить нигдѣ на пути,
 Ты казалась мнѣ высшимъ предѣломъ,
 За который нельзѧ перейти.

И потомъ... О, какое мученье!
 Къ недоступному доступу найденъ.
 Я какъ жалкій ребенокъ смущенъ.
 Гдѣ любовь, гдѣ восторгъ упоенъ?
 Все прошло, ускользнуло, какъ сонъ.

Я мечты отдаваль не богинѣ,
 Ты къ всѣ, ты—земля на землѣ,
 Я одинъ въ удушающей мглѣ.
 Я очнулся въ бесплодной пустынѣ,
 Я проснулся на жесткой скалѣ.

IX.

* * *

Колеблются стебли зеленої долины,
Ихъ краситъ цвѣтовъ разноцвѣтный уборъ.
А справа и слѣва дымятся вершины,
Дымятся вершины торжественныхъ горъ.

Я бросилъ свой домъ, онъ исчезъ за горами,
Оставилъ панѣки родную семью.
Подъ Небомъ глубокимъ съ его облаками,
Межъ горъ многоснѣжныхъ, въ раздумья стою.

Я жду, чтобы брызнули краски разсвѣта,
Чтобъ легкій отъ горъ удалился дымокъ.
Но въ сердцѣ напрасно ящу я отвѣта.
Гдѣ Западъ и Сѣверъ, гдѣ Югъ и Востокъ.

Я жду. Все воздушнѣй оттѣнки Лазури.
Надъ сонной долиной—іѣмой полусвѣтъ.
Блѣднѣютъ обрывки умолклившей бури.
И вотъ загорается гдѣ-то разсвѣтъ.

Блеснули цвѣты пробужденной долины.
Въ небесномъ пространствѣ заискрился день.
Но съ лѣвой горы, съ недоступной вершиной,
Легла на меня исполинская тѣнь.

Я сталъ удаляться отъ тѣни угрюмой,
Но тѣнь, выростая, скользила за мной.
Долина блестала смыющейся думой,
А я былъ преслѣдуемъ тьмою ночной.

И вспыхнулъ закатъ перламутрово-алый,
За горы склонялся задумчивый день,
До новой горы доходилъ я, усталый,
И съ правой горы опрокинулась тѣнь.

И тѣни слились. И заря догорѣла.
И горы окутались въ сумракъ ночной.
Съ вершины къ вершинѣ, протяжно, несмѣло,
Пророчества духовъ неслись надо мной.

X.

* * *

Въ молчаныи забывшайся ночи
Уснулъ я при блѣдной Лунѣ,
И странно-знакомыя очи
Во снѣ наклонялись ко мнѣ.

И странно-печальная рѣчи
Я слышалъ смущенной душой,
И зналъ, что дождался я встречи
Съ родной, отдаленно-чужой.

И вотъ блѣснѣжныя крылья
Ростуть и дрожать въ полуночѣ,
И плавно, легко, безъ усилия,
Мы близимся къ блѣдной Лунѣ.

И чье-то остывшее тѣло
Внизу разглядѣть я хочу.
Но вѣтъ для безсмертья предѣла,
Я выше, все выше лечу!

XI.

* * *

Не буди воспоминаний. Не волнуй меня.
Мнѣ отраденъ мракъ полночный. Страшенъ свѣточъ дня.

Былъ и я когда-то счастливъ. Вѣрилъ и любилъ.
Но когда и гдѣ, не помню. Все теперь забыть.

Съ кѣмъ я жизнь свою размыкалъ? И зачѣмъ, зачѣмъ?
Самъ не знаю. Въ сердцѣ пусто. Умъ безсильный нѣмъ.

Дождь струится безпощадный. Вѣтеръ бѣть въ окно.
Смѣхъ беззечный стихъ и замеръ—далеко, давно.

Для чего-жь ты вновь со мною, позабытый другъ?
Точно тѣнь, встаешь и манишь. Но темно вокругъ.

Мнѣ не нуженъ запоздалый, горький твой привѣтъ.
Не хочу изъ тьмы могильной выходить на свѣтъ.

Нѣть въ душѣ ни думъ, ни звуковъ. Нѣть въ глазахъ огня.
Тише,тише. Засыпаю. Не буди меня.

XII.

ТРИОЛЕТЫ.

1.

Твоя застѣнчивая вѣжность—
Въ землѣ скрытый водопадъ,
Въ ней страсти дремлющей безбрежность.
Твоя застѣнчивая вѣжность—

Ростущей тучи безмятежность,
 Цвѣтовъ несмятыхъ ароматъ.
 Твоя застѣпчивая нѣжность—
 Готовый вспыхнуть водопадъ.

2.

Нѣмая царственная вѣчность
 Для нась зажгла свои огни,
 Любви блаженства и безопасность.
 Нѣмая царственная вѣчность
 Насъ увлекаетъ въ безконечность.
 И въ цѣломъ мірѣ—мы одни:
 Нѣмая царственная вѣчность
 Для нась зажгла свои огни.

3.

Любви цвѣтокъ необычайный,
 Зачѣмъ такъ рано ты поблекъ!
 Твое рожденье было тайной,
 Любви цвѣтокъ необычайный,
 Ты миѣ блеснула мечтой случайнай,
 И я, какъ прежде, одинокъ.
 Любви цвѣтокъ веобычайный,
 Зачѣмъ такъ рано ты поблекъ!

4.

Ты промелькиула, какъ видѣнѣе,
 О, юность быстрая моя,
 Одно сплошное заблужденье!
 Ты промелькнула, какъ видѣнѣе,

И мнѣ осталось сожалѣніе,
И поздней мудрости змѣя.
Ты промелькнула, какъ видѣніе,
О, юность быстрая моя!

XIII.

РУСАЛКИ.

Мы знаемъ страсть, но страсти не подвластны.
Красою нашихъ душъ и нашихъ тѣлъ нашихъ
Мы только будимъ страсть въ другихъ.
А сами холодно-безстранны.

Люби любовь, безсильны мы любить.
Мы дразнямъ и зовемъ, мы вводимъ въ заблужденье,
Чтобы напитокъ охлажденья
За знойной испышкой жадно пить.

Нашъ взглядъ глубокъ и чистъ, какъ у ребенка.
Мы ищемъ Красоты и миръ для насть красавъ,
Когда, безумца погубивъ,
Смѣемся весело и звонко.

И какъ свѣтла измѣнивалъ даль,
Когда любовь и смерть мы заключимъ въ объятье,
Какъ сладокъ этотъ стонъ проклятия,
Любви предсмертная печаль!

XIV.

ПОЗДНО.

ДВА СОНЕТА.

1.

О, если бъ кто-нибудь любилъ меня, какъ ты,
 Въ тѣ дни далекіе предчувствій и печали,
 Когда я полонъ былъ дыханьемъ красоты,
 И гимны ангеловъ заоблачныхъ звучали.

На думы тайныя миѣ тучки отвѣчали,
 Луна сочувственно глядѣла съ высоты,
 Но струны лучшія въ душѣ моей молчали,
 И призракъ женщины смутилъ мои мечты.

И призракъ женщины склонялся надо мною.
 Я жаждалъ счастія. Но призракъ измѣнялъ.
 И много дней прошло. Ты встрѣтилась со мною.

Я полюбилъ тебя. Но точно бурный валъ,
 Предвестникъ гибели, какой-то голосъ грозно
 Гремитъ насмѣшкою и вторитъ: „Поздно! Поздно!”

2.

Съ невѣрнымъ спутникомъ—непрочнымъ членокомъ—
 Присталъ я къ берегу и ждалъ успокоенія.
 Увы, я опоздалъ, застигнутъ былъ врагомъ:
 Гремучій валъ скользилъ, дрожалъ отъ ветеранія.

Прилива жаднаго капучея волненье
Окутало меня. За легкимъ вѣтеркомъ
Нахлынула гроза, и силою теченыя
Я схваченъ, унесенъ, лежу на днѣ морскомъ.

Я въ Морѣ утонулъ. Теперь моя стихія—
Холодная вода, безмолвіе, и мгла,
Вокругъ меня кипятъ чудовища морскія.

Постелью служить мнѣ подводная скала,
Подводные цветы цвѣтутъ безъ аромата.
И къ звѣздамъ нѣть путь, и къ Солнцу путь возврата.

XV.

АРГУЛИ.

Слышай! Ужь колоколь плачетъ вдали.
Я умираю.
Что мнѣ осталось? Прижаться лицомъ къ Аргули!
Точно свѣча, я горю и горю.

Милый мой другъ.
Если бездушная полночь свой сумракъ раскинетъ вокругъ,
Голосу друга умершаго чутко внемли,
Сердцемъ задумчиво-блѣжнимъ
Будешь ты вѣчно мою, о, птичка моя, Аргули!

Будь далека отъ земли, и крыломъ блескѣжнымъ
Вѣчно скользи
Въ чистыхъ предѣлахъ небесной стези.
Мыслямъ отдаiseя безбрежнымъ,
Плачи и мечтай,
Прочь отъ враждебной земли улетай.

Лучше бродить по вершинамъ холоднымъ и сѣжнымъ,
 Взоръ навсегда обратить къ Красотѣ,
 Лучше страдать, но страдать на такой высотѣ,
 Духомъ мятеожнымъ
 Такъ унастись, чтобы земля чуть виднѣлась вдали.
 О, моя птичка! Моя Аргули!

XVI.

МОРИ.

СОНЕТЪ

Когда въ глухой тиши старинаго музея,
 Исполненный на мигъ несбыточной мечты,
 Смотрю на вѣчныя соданья красоты,
 Мнѣ кажется живой иѣмая галлереи.

И предъ Мадоннами душой благоговѣя,
 Я вижу много въ нихъ священной простоты,
 И въ книгѣ прошлаго завѣтныя листы
 Читаю я одинъ, волнуясь и блѣднѣя.

Такъ точно близъ тебя душою я постигъ,
 Что можно пережить вѣка въ едипный мигъ,
 Любить и тосковать, о томъ сказать не смѣя,

И выразить всѣхъ чувствъ волшебныхъ не умѣя.—
 Я вѣчной Красоты въ тебѣ позналъ родникъ,
 Мечта художника, безмолвная камея.

XVII.

* * *

Слова смозкали на устахъ,
Мелькахъ смычекъ, рыдала скрипка,
И возникала въ двухъ сердцахъ
Безумно-свѣтлая ошибка.

И взоры жадные слились
Въ мечтѣ, которой пѣть названья,
И витью зыбкою сплелись,
Томясь, и не страшась признанья.

Среди толпы, среди огней
Любовь росла и возрастала,
И скрипка, точно слившись съ ней,
Дрожала, пѣла, и рыдала.

XVIII.

ТРУБАДУРЪ.

Мадонна, солнце между звѣздъ, мадоннъ прекрасныхъ украшение,
Ты въ сладость обращаешь скорбь, даешь и смерть и возрожденье.
Какъ саламандра, я горю въ огнѣ любви, но не сгораю,
Какъ лѣбедь, пѣсю я пою, и послѣ пѣсни умираю.

Мадонна, цвѣтъ среди цвѣтовъ, среди красавицъ украшение,
Тебѣ—мой вдохъ, тебѣ—мой стихъ, пѣжѣй, чѣмъ утра дуновеніе.
Какъ фениксъ, я хочу сгорѣть, чтобы возстать преображенныемъ,
И для мадонны умереть, и для мадонны жить влюбленнымъ.

XIX.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви всегда безсвязны,
 Они дрожать, они алмазы,
 Какъ въ часъ предутренний—звѣзда,
 Они журчатъ, какъ ключъ въ пустынѣ,
 Съ начала мѣра и донынѣ,
 И будуть первыми всегда.
 Всегда дробясь, повсюду цѣльны,
 Какъ свѣтъ, какъ воздухъ, безцрѣльны,
 Легки, какъ всплески въ тростникахъ,
 Какъ взмахи птицы опьяниенной,
 Съ другою птицею сплетеній
 Въ летучемъ бѣгѣ, въ облакахъ.

XX.

• • •

Смыкались дни и ночи,
 Едва гляжу на свѣтъ,
 Видѣній ищутъ очи,
 Родныхъ видѣній иѣтъ.

Все то, чему смыкалась
 Влюбленная душа,
 Къ безвѣстному умчалось,
 И плача, и спѣша.

Поблекли маргаритки,
Склонивъ головки внизъ,
И липкія улитки
На листьяхъ собрались.

И если предо мною,
Надъ лономъ сонныхъ водъ,
Безсмертною Луною
Блестаетъ небосводъ,—

Мнѣ кажется, что это
Луна погибшихъ дней,
И въ ней не столько свѣта,
Какъ скорби и тѣней.

И если вѣтеръ злится,
И если дождь идетъ,
Моя душа томится
И страшно счастья ждетъ.

И плачутъ, плачутъ очи,
И Солица больше иѣть,
Смѣшились дни и ночи,
Слились и тьма, и свѣтъ.

XXI.

БЕАТРИЧЕ.

СОНЕТЪ.

Я полюбилъ тебя, лишь увидалъ впервые.
Я помню, шелъ кругомъ пичтовый разговоръ.
Молчала только ты, и рѣчи огневыя,
Безмолвныя слова мнѣ посыпалъ твой взоръ.

За днями гасли дни. Ужь годъ прошелъ съ тѣхъ поръ.
И снова шлетъ Весна лучи свои живые,
Цвѣты одѣли вновь причудливый уборъ.
А я? Я все люблю, какъ прежде, какъ впервые.

И ты попрежнему безмолвна и грустна,
Лишь взоръ твой искрится и говорить порою.
Не такъ ли иногда владычица Луна

Свой лучезарный ликъ скрываетъ за горою,—
Но и за гранью скалъ, склонивъ свое чело,
Изъ тѣсной темноты она горить свѣтло.

XXII.

* * *

Отчего пась всегда опьяняетъ Луна?
Оттого, что она холодна и блѣдна.
Слишкомъ много сіянья намъ Солнце даетъ,
И никто ему пѣсни такой не споетъ,
Что къ Лунѣ, при Лунѣ, между темныхъ вѣтвей,
Ароматною ночью поеть соловей.

Отчего между женщинъ намъ дороги тѣ,
Что безстрастны въ побѣдной своей красотѣ?
Оттого, что въ волшебной холодности ихъ
Больше скрытыхъ восторговъ и ласкъ огневыхъ,
Чемъ въ сіяпіи щедрой покорной мечты,
Чемъ въ облытьяхъ доступной для пась красоты.

XXIII.

ЧЕРНОГЛАЗАЯ ЛАНЬ.

1.

Печальные глаза, изогнутыя брови,
 Какая властная въ васъ дышеть красота!
 Усмѣшкой горькою искажены уста.
 Зачѣмъ?

Такъ глубоко волнишь ты и манишь,—
 И страшной близости со мной достигнувъ,—вдругъ
 Ты измѣняешься. И вновь темно вокругъ.
 Ты вновь чужая мнѣ. Зачѣмъ?

Я умираю.

Что значитъ этотъ смѣхъ? Что значитъ этотъ взглядъ?
 Глядѣть такъ ангелы? Такъ духи тьмы глядѣть?

2.

Черноглазая лань, ты глядишь на мене,
 И во взорѣ твоемъ больше тьмы, чѣмъ огня.

Не гляди. Погляди. Отъ любви я умру.
 Я люблю этихъ глазъ роковую игру.

Чтѣ мнѣ жизни! Все забылъ, все утратилъ любя.
 Не пойму я тебя. Но люблю я тебя.

Ты ничья. Никому этихъ глазъ не понять.
 Подожди! Подожди! Дай хоть взглядомъ обнять!

XXIV.

* * *

Я боюсь, что любовью вспучай
Я, быть-можеть, тебя оскорбиль.

Милый другъ, это чувство нахлынуло тучей,
Я бороться не могъ, я тебя полюбиль.
О, прости! Точно сказкой пъвучай,
Точно сномъ зачарованъ я былъ.

Я уйду, и умрутъ укоризны,
И ты будешь одна, холода.

Только скорбной мольбой замолкающей тряны
Донесется къ тебѣ иѣспоѣтній волна.
Точно цѣсни забытой отчизны,
Точно вздохъ отлетѣвшаго сна.

XXV.

НОЧНЫЕ ЦВѢТЫ.

Въ воздухѣ пѣжномъ прозрачнаго мал
Дышетъ влюблениность живой теплоты:
Въ легкихъ объятьяхъ другъ друга сжимая,
Дышутъ и шепчутъ почные цветы.

Тѣни какія-то смутно блуждаютъ,
Звуки неизвѣстные гдѣ то звенятъ,
Въ воздухѣ таютъ, и вновь возрастаютъ,
Льется съ цветовъ упоительный ядъ.

То не жасминъ, не фіалки, не розы,
 То не застѣнчивыхъ ландышей цвѣтъ,
 То не душистый восторгъ туберозы,—
 Этимъ растеніямъ названія нѣть.

Только влюбленимъ дано ихъ увидѣть,
 Съ ними душою весь міръ позабыть,
 Тѣмъ, что не могутъ другъ друга обидѣть,
 Тѣмъ, что умѣютъ ласкать и любить.

Знай же, о, счастье, любовь золотая,
 Если тебя я забыться молю,
 Это—дыханье прозрачнаго Мая,
 Это—тебя я всѣмъ сердцемъ люблю.

Если видѣнья въ душѣ пролетаютъ,
 Если ты жаждешь и ждешь Красоты,—
 Это вблизи гдѣ-нибудь расцвѣтаютъ,
 Гдѣ-нибудь дышутъ—ночные цвѣты.

XXVI.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Легкій вѣтеръ присмирѣлъ,
 Вечеръ блѣдный догорѣлъ,
 Съ неба звѣздныя огни
 Говорятъ тебѣ: „Усни!”
 Не страшись передъ Судьбой,
 Я какъ нянѣя здѣсь съ тобой
 Я, какъ нянѣя здѣсь пою:
 „Баю-баюшки-баю”.

Тотъ, кто знаетъ скорби гнетъ,
 Темной ночью отдохнетъ,
 Все, что дышетъ на Землѣ,
 Сладко спить въ полночной мглѣ,
 Дремлють птички и цветы,
 Отдохни, усни и ты,
 Я всю ночь здѣсь пропою:
 „Баю-баюшки-баю“.

XXVII.

* * *

Засвѣтилась лампада
 Прѣдь иконою святой.
 Міръ далекій, міръ-громада,
 Отлетѣль, какъ сонъ пустой.

Мы въ тиши уединенной.
 Часъ, когда колокола
 Будятъ воздухъ полусовиной,
 Часъ, когда прозрачна мгла.

Паска этой мглы вечерней
 Убаюкиваетъ взглядъ,
 И уколы жгучихъ терпій
 Сердце болыше не явить.

Номолись въ тиши безмолвной
 Прѣдь иконою святой,
 Чтобы міръ, страданьемъ полный,
 Вспыхнулъ новою мечтой.

Помолись со мной, родная,
Чтобы жизнь светлой прошла,
Чтобы на съезде земной
Вместе к гробу привела.

Надь пучиной неизвестной
Пусть мы склонимся вдвоемъ,
Пусть чудесный гимнъ небесный
Вместе Богу мы споемъ.

XXVIII.

ЛУНИЙ ЛУЧЬ.

Я лунный лучъ, я другъ влюбленныхъ.
Смѣливъ вечернюю зарю,
Я почю ласково горю,
Для всѣхъ, безумьемъ озаренныхъ.
Полуживыхъ, неутоленныхъ;
Для всѣхъ тоскующихъ, влюбленныхъ.
Я свѣтомъ сказочнымъ горю,
И о восторгахъ полусонныхъ
Невнятной рѣчью говорю.

Мой свѣтъ скользить, мой свѣтъ змѣится,
Но я тебѣ не измѣню,
Когда отдашься ты огню,
Тому оглю, что не дымится,
Что въ тѣсной комнатѣ томится,
И все сплытѣй горѣть стремится—
Наперекоръ нѣмому дню.
Тебѣ, въ чьемъ сердцѣ страсть томится,
Я никогда не измѣню.

XXIX.

* * *

Предъ разсвѣтомъ дремлють воды,
Дремлють сумракъ молчаливый,
Ликъ застѣничной Природы
Дышетъ ласкою стыдливой.

Но постой—вдали зажгутся,
Вспыхнутъ полосы огия,
Воды шумно разольются,
И сверкая, и звения.

Такъ и ты молчишь безстрастно,
Нѣтъ въ душѣ твоей порыва,
Ты застѣнично-прекрасна,
Ты чарующе-стыдлива.

Но настанетъ пробужденье,
Новымъ чувствомъ вспыхнетъ взглядъ,
„Возрожденье! Возрожденье!”
Струны сердца зазвенятъ.

XXX.

ЭЛЬЗИ.

Эльзи! Красавица горной Шотландіи!
Я люблю тебя, Эльзи!

Лунный лучъ проскользнулъ черезъ высокое окно.
Лунный ликъ потерялся за сѣтью развѣистыхъ елей.
Какъ прекрасенъ полуночный часъ!
Какъ прекрасна любовь въ тишнѣ полуночи!

Эльзи, слушай меня.

Я тебѣ пашенчу мимолетныя чувства,
Я тебѣ пашенчу гармоичныя думы,
Какихъ ты не знала до этой минуты, вдали отъ меня,
Не знала, когда надѣя тобою шептались,
Родимыя сосны далекой Шотландіи.
Не дрожи и не бойся меня.
Моя любовь воздушна, какъ весеннее облачко,
Моя любовь вѣжна, какъ колыбельная пѣсня.

Эльзи, какъ случилось, что мы съ тобою вдвоемъ?

Здѣсь, среди Скандинавскихъ скалъ,
Насъ ничто не потревожить.
Никто не напомнитъ мнѣ
О печальной Россіи,
Никто не напомнитъ тебѣ
О туманий Шотландіи.
Въ эту чась лунныхъ лучей и лунныхъ мечтаний
Мы съ тобою похожи на двухъ безтѣлесныхъ эльфовъ,
Мы какъ будто летимъ все выше и выше,—
И нѣть у меня родины, кромѣ тебя,
И нѣть у тебя родины, кромѣ меня.

Какъ странно спутались приди

Твоихъ золотистыхъ волосъ.

Какъ странно глядѣть

Твои глубокіе и темные глаза!

Ты молчишь, какъ русалка.

Но много говорить мнѣ

Твое стыдливое молчаніе.

Знойны ласки сказали бы меныше.

И зачѣмъ намъ ласки,

Когда мы переполнены счастьемъ,
 Когда сквозь окно
 Для насть горячъ своимъ спѣгами высоты Ронданэ,
 И смутное эхо
 Вторитъ далекому говору
 Сѣдыхъ водопадовъ,
 И угрюмый горный король
 Своей тяжелой стопою будить успнувшія ели.

Я не сжимаю твоей руки въ моей руки,
 Я не цѣлую твоихъ губъ.
 Но мы съ тобою два цветка одной и той же вѣтви,
 И наши взоры говорятъ на такомъ языке,
 Который виляетъ только нашимъ душамъ.

Хочешь,—расскажу тебѣ старую сагу.
 Хочешь,—спою тебѣ пѣсню.
 Здѣсь, подъ Сѣвернымъ небомъ,
 Я противъ воли дѣлаюсь скальдомъ,
 А скальды,—ты знаешь,—
 Могли пѣть свои пѣсни каждый мигъ.
 Будь же моей Торбѣргъ Кольбрунъ,
 Будь моей вдохновительницей.
 Смотри, передъ тобою твой—твой пѣвецъ,
 Тормоддъ Кольбрунарскальдъ.

Ужъ я слышу звуки незримыхъ голосовъ,
 Трепетанье струнъ нездѣшней арфы.
 Пусть будетъ моя пѣсня воздушна, какъ чувство любви,
 Легка какъ шелестъ камышей,
 И если въ ней будетъ
 Хоть капля того яда,

Которымъ я былъ когда-то отравленъ,—
Да не коснется онъ тебя.

Слушай, Эльзи.

Въ часъ ночной, во мглѣ туманной, гдѣ-то тамъ за синей далью,
Убаюканила вѣтромъ, озаренная Луной,
Изгибаясь красиво, наклоняясь съ печалью,
Шепчеть плачущая ива съ говорливою волной.
И томительный, и праздный, этотъ шопотъ безконечный,
Этотъ вздохъ однообразный надъ алмазною рѣкой
Языкомъ своимъ невиннымъ, точно жалобой сердечной,
Говорить о невозвратномъ съ непопытною тоской.
Говорить о томъ, что было, и чего не будетъ спаса,
Что любила, разлюбила охладѣвшая душа,
И, тая въ очахъ слезинки, полны иаждой несемшаго,
Бѣлонѣжная кувшинки задремали, чутъ дыша.
И отравленъ скорбью странной, уязвленъ иѣмой печалью,
Въ мигъ туманный, въ мигъ нежданий, умъ опять
живеть былымъ,
Гдѣ-то тамъ, гдѣ вѣтъ испастъя, гдѣ-то тамъ за синей далью,
Полонъ счастья сладострастя предъ видѣньемъ неземнымъ.

Что съ тобой, моя Эльзи? Ты спишь?
Нѣть, не спишь?
Отчего жь ты закрыла глаза?
Что жь ты такъ поблѣдила?

Лунный ликъ засверкалъ
Изъ-за сѣти успущихъ развесистыхъ елей.
Лунный лучъ задрожалъ
На твоемъ, поблѣдѣвшемъ отъ страсти, лицѣ.

Эльзи, Эльзи, я здѣсь, я съ тобой!
Я люблю тебя!—
Эльзи!

XXXI.

* * *

Есть стыдливости нѣмой есть много красоты:
Полурасцвѣтшіе цвѣты
Внушаютъ памъ любовь и нѣжное участье,
И дѣственій Луны плѣнительна мечта.

Но есть иная красота:
Души влюбленной сладострастье.
Прѣдъ этой чудной вспышкой счастья
Полубожественнаго сна,
Стыдливость чуть горитъ воспоминаньемъ блѣднымъ,
Какъ потускнѣвшая Луна
Прѣдъ Солнцемъ пышнымъ и побѣднымъ.

XXXII.

НЕПОПРАВИМОЕ.

М. А. Дурнову.

Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій,
Ужасенъ полуночный часъ для бездомныхъ тѣней.
Какъ сладко блаженство обѣятій и страстныхъ рыданій,
И какъ безутѣшна печаль о возможномъ несбытии дней!
Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій.

Земля не устанеть любить, и любить безъ конца.
 Промчатся столѣтія и будуть мгновеньемъ казаться,
 И горькія слезы польются, польются съ лица,
 И тотъ не устанеть ридать, кто любви былъ безсиленъ отдаваться,
 А міръ будетъ вѣчно любить, и любить безъ конца.

Франческа, Паоло, воздушныя нѣжныя тѣни,
 Вы свято любли, и светить вамъ нѣжность въ Аду.
 Но горе тому, кто замедлилъ на первой ступени,
 Кто вѣриться спамъ не посмѣлъ и всю жизнь промотился въ бреду.
 Франческа, Паоло, въ несчастыи счастливыя тѣни!

XXXIII.

Тебя я хочу, мое счастье,
 Моя неземная краса!
 Ты—Солнце во мракѣ пепастья,
 Ты—жгучему сердцу роса!

Любовью къ тебѣ окрыленный,
 Я брошусь на битву съ судьбой.
 Какъ колось, грозой опаленный,
 Склонюсь я во прахъ предъ тобой.

За сладкій восторгъ упоены
 Я жизнью своей заплачу!
 Хотя бы цѣной преступленья—
 Тебя я хочу!

XXXIV.

* * *

Былъ покинутъ очагъ. И скользящей стопой
На морскомъ берегу мы блуждали съ тобой.

Въ Небесахъ передъ нами сверкалъ Скорпионъ,
И преступной любви ослѣпительный сонъ

Очаровывалъ настъ все полнѣй и иѣжнѣй
Красотой содрогавшихся яркихъ огней.

Сколько таинства было въ полночной тиши!
Сколько смѣлости въ мощномъ размахѣ души!

Цѣлый міръ задремалъ, не вставала волна,
Намъ никто не мѣшалъ выпить чашу до дна.

И какъ будто надъ нами виталъ Серафимъ,
Покрывалъ настъ крыломъ бѣлоснѣжнымъ своимъ.

И какъ будто съ Небесъ чуть послышался зовъ,
Чуть послышался зовъ неземныхъ голосовъ.

„Нетъ грѣха въ тѣхъ сердцахъ, что любовь пьють до дна,
Гдѣ любовь глубока—глубока и полна.

„Если жь стынетъ очагъ, пусть остынетъ совѣтъ,
Тотъ, въ комъ чувство молчать, пусть совѣтъ будеть нѣмъ”.

И отъ прошлаго прочь шли мы твердой стопой,
Уходили все дальше, и дальше съ тобой.

Въ Небесахъ потускнѣлъ, поблѣднѣлъ Скорпіонъ,
И пурпурной зарей былъ Востокъ напоенъ.

И пурпурной зарей озарился весь міръ:
Просвѣтленной любви онъ привѣтствовалъ пиръ.

XXXV.

Я ЖДУ.

Ужь почь зажигаетъ лампады
Предъ лицомъ пресвѣтлымъ Творца.,
Илѣнителенъ роютъ прохлады,
И ведная даль—безъ конца.

Мечта напѣваетъ мнѣ, вторя:
„Мой милый, желанный... Приду!“
Надъ синею влагою Моря,
Въ ладъ легокрылой я жду.

Я жду, и завѣтное слово
„Люблю“ повторяю, любя,
И все, что есть въ сердцѣ святого,
Зовѣть, призываешьъ тебя.

Приди, о, любовь золотая,
Простишися съ добромъ и со зломъ,
Все Море отъ края до края
Измѣряемъ быстрымъ весломъ.

Умчимся съ тобой въ беаконечность,
 Къ дворцу сверхземной Красоты,
 Гдѣ мигъ превращается въ вѣчность,
 Гдѣ „я“ превращается въ „ты“.

Хочу несказанныхъ мгновеній,
 Восторговъ безумно святыхъ,
 Призаній, любви, пѣснопѣній
 И нетронутыхъ струинъ золотыхъ.

Тебѣ я отдамъ безвозвратно
 Весь пыль вдохновенной души,
 Чѣмъ жизни какъ цветокъ ароматна,
 Что дышетъ грядущимъ въ тиши.

Съ тобою хочу я молиться
 Свѣтизамъ неадѣлшей страны,
 Обніться, смѣшаться, и слиться
 Съ тобой, какъ съ дыханьемъ Весны.

Съ тобою какъ призракъ я буду,
 Какъ тѣнь за тобою пойду,
 Всегда, непрѣменно, повсюду...
 И жду!

МЕЖДУ НОЧЬЮ И ДНЕМЪ

Immer weiter...

Goethe

I.

* * *

Восходящее Солнце, умирающей Мѣсяцъ,
 Каждый день я люблю васъ и жду.
 Но сильнѣе, чѣмъ Мѣсяцъ, и вѣжнѣе, чѣмъ Солнце,
 Я люблю Золотую Звѣзду.

Ту звѣзду золотую, что мерцаеть стыдливо
 Въ предразсвѣтной мистической мглѣ,
 И въ молчанья вечернемъ, холодна и прекрасна,
 Посыпаетъ сіяніе Землѣ.

Тѣмъ, кто днемъ утомился и враждой и заботой,
 Этотъ блескъ о любви говорить,
 Для того, кто во мракѣ тосковалъ безпросвѣтно.
 Онь съ высотъ упованьемъ горитъ.

Оттого такъ люблю я ту Звѣзду-Чаровницу:
 Я живу между почью и днемъ,
 Отъ нея мое сердце научилося брезжить
 Не побѣднымъ, но пѣжнимъ огнемъ.

II.

ДАНТЕ.

видѣніе.

Пророкъ, съ душой восторженной поэта,
 Чуждавшейся малѣйшей тѣни зла,
 Одинъ, въ ночной тиши, вдали отъ свѣта,
 Молился онъ,—и Тѣнь къ нему пришла.

Святая Тель, которую увидеть
 Здесь на земле немногим суждено.
 Тем избранным съ ней говорить дано,
 Что могут безкорыстно исповидеть
 И быть всегда—съ Любовью заодно.

И долго Тель безмолвие хранила,
 На Данте устремивъ пылаивый взоръ.
 И вотъ, вздохнувъ, она заговорила,
 И вздохъ ея рѣчей звучалъ уныло,
 Какъ вѣтра шумъ среди угрюмыхъ горъ.

„Зачѣмъ зовешь? Зачѣмъ меня тревожишь?
 Тебѣ одно могу блаженство дать,
 Ты молодъ, ты понять его не можешь:
 Блаженство за другихъ душой страдать.
 „Тотъ путь суровъ. Пустынею безлюдной
 Среди песковъ онъ странника ведетъ.
 Достигнетъ ли изгнаникъ цѣли чудной,—
 Иль не дойдя безсильно упадетъ?
 „Осмыслиши глухой толпой людекою,
 Ты сталешь исповидящихъ любить,
 Питаться будешь пламенистой тоскою,
 Ты будешь слезы собственныхъ пить.
 „И холодна, какъ ледъ, людская злоба!
 Пытаясь тщетно цѣни тьмы порвать,
 Какъ ложа ласка, ты будешь жаждать гроба,
 Ты будешь смерть, какъ друга, призывать!“

И отвѣчалъ мечтатель благородный:
 „Не страшенъ мнѣ бездушной злобы ледъ,
 Любовью я согрѣю мракъ холодный.
 Я въ путь хочу! Хочу вдти впередъ!“

И долго Тень безмолвие хранила,
Печальна и страдальчески^й бледна.
И въ Небесахъ, изъ темныхъ тучъ, уныло
Взошла кроваво-красная Луна.

И говорила Тень:

„Себя отринуть,
Себя забыть—избраннику легко.
Но тѣхъ, съ кѣмъ жизнь связалъ, навѣкъ покинуть,
Отъ нихъ уйти куда-то далеко,—
Навѣкъ со всѣмъ, что дорого разстаться,
Оставить свой очагъ, жену, дѣтей,
И много дней, и много лѣтъ скитаться,
Въ чужой странѣ, среди чужихъ людей,—
Какая скорбь! И ты ее узнаешь!
И пусть тебѣ отчизна дорога,
Пусть ты ее, любя, благословляешь,
Она тебя отвергнетъ, какъ врага!
Придѣть ли девъ, ты будешь жаждать ночи,
Придѣть ли ночь, ты будешь ждать утра,
И всюду зло, и нѣтъ нигдѣ добра,
И скрыть нельзя заплаканныя очи!
И ты поймешь, какъ горекъ хлѣбъ чужой,
Какъ тяжелы чужихъ домовъ ступени,
Поднимешься—въ борьбѣ съ самимъ собой,
И внизъ пойдешь—своей стыдяся тѣни.
О, ужасъ, о, мучительный позоръ:
Выпрашиваетъ милостыню—Гений!”

И Данте отвѣталъ, потупя взоръ:
„Я принимаю бремя всѣхъ мученій!”

.....

И Тень его отмѣтила перстомъ,
И вдругъ упла, въ беззвучіи рыдая,
И Данте въ путь пошелъ, изнемогая
Подъ никому невидимымъ крестомъ.

III.

ПОГИБНИИ.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ПОЭМЫ.

1.

Ужь ночь. Калитка заперта.
Аллея длинная пуста.

Окованъ блѣдпою Луной,
Весь паркъ уснулъ во мглѣ ночной.

Весь паркъ не шелохнеть листомъ.
И заколдованъ старый домъ.

Могильны окна, лишь одно
Мерцають свѣчъ озарено.

Не спить—изгнаникъ средь людей.—
И мысли другъ,—и врагъ страстей.

Опъ въ чась любви, обѣятій, сновъ
Читаетъ книги мудрецовъ.

Онъ слышить, какъ плыветъ Луна,
Какъ дышетъ, шепчетъ тишина.

Онъ видить въ мірѣ міръ иной,
И въ немъ живеть онъ часть почпой.

Тотъ міръ—лишь въ немъ, и съ нимъ умретъ,
Въ томъ мірѣ свѣточъ онъ беретъ.

То бѣглый свѣтъ, то краткій свѣтъ,
Но для него забвенья нѣтъ.

2.

Помогите! помогите! Я одинъ въ почпой тиши.
Цѣлый міръ попшу я въ сердцѣ, по со мною ни душа.

Для чего кровавымъ потомъ обагряется чело?
Какъ мнѣ тяжко! Какъ мнѣ душно! Вѣковое давить зло!

Помогите! помогите! Но никто не внемлетъ мнѣ.
Только звѣзды, улыбаясь, чутъ трепещутъ въ вышинѣ.

Только ликъ Луны мерцасть, да въ саду, среди вершинъ,
Шенчетъ Вѣтеръ перелетный: Ты одинъ—одинъ—одинъ.

IV.

ТРИ СОНЕТА.

1. вопросъ.

Меня плѣняетъ все: и свѣтъ, и тѣни,
И тучи мракъ, и красота цветка,
Упорный трудъ, и иѣга тихой лѣни,
И бурный громъ, и шопотъ ручейка.

И быстрый бѣгъ обманчивыхъ мгновеній,
И цѣль событий, дѣлающихъ вѣка;
Во всемъ саѣмы талисмановъ величій,
Во всемъ видна Создателя рука.

Лишь одного постичь мой умъ не можетъ:—
Зачѣмъ Господь въ борьбѣ намъ не поможетъ,
Не сниметъ съ насъ терноваго вѣнца?

Зачѣмъ Онъ создалъ смерть, болѣзнь, страданье,
Зачѣмъ Онъ далъ намъ жгучее желанье—
Грѣшить, роптать, и ирокливать Творца?

2. откликъ.

Кто тамъ вздыхаетъ въ нѣдрахъ темной бездны?
Чьи слезы льются скорбию по лицу?
Кто шлетъ свой крикъ безсильный въ міръ надзвѣздныій,
Взывая святотатственно къ Творцу?

Богохуленыя ропотъ бесполезныій,
Слова упрека, отъ дѣтей къ отцу.
Нейметъ ли человѣкъ законъ желѣзныій:—
Безъ вѣчныхъ муکъ пришелъ бы міръ къ концу.

Ужели маловѣрныи, непонятно,
Что правда—только въ образѣ Христа?
Его слова звучать свѣтло и внятно.

„Я—жизни смыслъ, печаль и красота...
„Къ блаженству Я пришелъ стезей мученья...
„Смерть побѣдилъ Я свѣтомъ отреченья...“

3. Библия.

Въ тиши полуразрушенной гробницы
Намъ истина является на мигъ.
Передо мной завѣтная страницы,
То Библія, святая книга книгъ.

Людьми забытый, сладостный родникъ,
Текущій близъ покинутой станицы.
Въ раздумьяхъ вокругъ него, склонивъ свой ликъ,
Былыхъ вѣковъ столпились вереницы.

Я вижу узель жизни—строгій долгъ—
Въ суровомъ Пятикнижіи Моисея;
У Соломона, злата-еврея,

Любовь и жизнь одѣты въ яркій шелкъ;
Но Іовъ жизнь клянетъ, клянетъ, блѣднѣтъ,
И этотъ стонъ донынѣ не умолкъ.

V.

О, только бы знать, что могу и молиться,
Что можно молиться, кому я молюсь!
О, только бы въ мысляхъ, въ желаніяхъ сдѣлаться
Съ тѣмъ чистымъ, къ чему я такъ жадно стремлюсь!
И что мнѣ лишенія, и что мнѣ страданія,
И что мнѣ рыдающихъ струнъ трепетанія,—
Пусть буду я ждать и томиться года,
Безумствовать, падать во тьмѣ испытанія,—

Но только бы върить всегда,
Но только бы видѣть изъ бездны преступной,
Что тамъ, надо мной, въ высотѣ недоступной,
Горитъ—и не меркнетъ Звѣзда!

VI.

* * *

Свѣча горитъ и меркнетъ и вновь горитъ сильнѣй,
Но меркнетъ безвозвратно сіянье юныхъ дней,
Гори же, разгорайся, пока еще ты юнь,
Сильнѣй, полнѣй касайся сердечныхъ звонкихъ струнъ.
Чтобъ было что припомнить на склонѣ трудныхъ лѣтъ,
Чтобъ старости холодной свѣтилъ петльный свѣтъ—
Мечтапії благородныхъ, порывовъ молодыхъ,
Безумныхъ, но прекрасныхъ, безумныхъ—и святыхъ.

VII.

НАДГРОБНИЕ ЦВѢТЫ.

Среди могилъ пеясный шопотъ,
Неясный шопотъ вѣтерка.
Испачальный вздохъ, тоскливыи ропотъ,
Тоскливыи ропотъ ивицы.

Среди могилъ блуждаютъ тѣни
Усопшихъ дѣдовъ и отцовъ,
И изъ церковныхъ ступеней
Восходятъ тѣни мертвцевъ.

И въ дверь церковную стучатся,
Они стучатся до зари,
Пока вдали не загорятся
На небѣ блѣдномъ янтари.

Тогда, понявъ, что жизнь минутна,
Что безуспѣшиа ихъ борьба,
Рыдала горестно и смутино,
Они идутъ въ свои гроба.

Вотъ почему подъ утро блещутъ
Цвѣты надъ темпою плитой:
Въ нихъ слезы горькия трепещутъ
О жизни—жизни прожитой.

VIII.

ИЗЪ-ПОДЪ СЪВЕРНАГО НЕБА.

Изъ-подъ съвернаго неба я ушелъ на свѣтлый Югъ,
Гдѣ звучнѣе поцѣлуи, гдѣ пышнѣй цвѣтуши лугъ.
Я хотѣлъ забыть о смерти, я хотѣлъ убить печаль,
И умчался беззаботно въ непрѣданныю даль.

Отчего же здѣсь на Югѣ миѣ мерещится мятель,
Сияніе сиѣжные сугробы, тусклый мѣсяцъ, сосны, ель?
Отчего же здѣсь на Югѣ, гдѣ широкъ мечты полетѣ,
Миѣ такъ хочется увидѣть воды, убранныя въ ледѣ?

Да, не понять я, не понять, что съ тоскливою душой
Не должны мы вдали стремиться, въ край волшебный и чужой!
Да, не понять я, не понять, что родимая печаль
Лучше, выше, и волшебнѣй, чѣмъ чужбинны шири и даль!

Полнымъ слезъ, туманнымъ взоромъ я вокругъ себя гляжу,
Съ обольстительного Юга вновь на Съверъ ухожу.
И какъ узникъ, полюбившій долголѣтній мракъ тюрьмы,
Я отъ Солнца удаляюсь, возвращаясь въ царство тьмы.

IX

БОЛЬНОЙ.

Ахъ, мнѣ хотѣлось бы немножко отдохнуть!
Я такъ измучился, мнѣ въ тягость всѣ заботы,
И ждать, надѣяться—иѣтъ спѣ и иѣть охоты,
Я слишкомъ долго жилъ, мнѣ хочется уснуть.
Вотъ видишь, я усталъ. Я жилъ еще немнога,
Но слишкомъ долго жилъ: Мой день длиннѣй, чѣмъ годъ.
Я столько зналъ тоски, я столько зналъ невзгодъ,
Что безкощечно мнѣ кажется дорога,—
Дорога прошлаго. Еще одна ступень,
Еще ступень, еще... И вотъ слабѣютъ силы,
И тѣни прошлаго мнѣ болѣе не мили,
И ночь заманича, и ненавистенъ день...
Успутъ, навѣкъ уснуть! Какое наслажденіе!
И развѣ смерть страшна? Жизнь во сто кратъ страшнѣй.
Всего несноснѣй цѣль минутъ, часовъ, и дней,
Ужасно правды ждать и видѣть заблужденіе.
И пыль своей души безцѣльно расточать,
Жить въ неизвѣстности мучительной и странной,
И вѣчно раздражать себя мечтой обманной,
Чтобы тотчасъ же ее съ насмѣшкой развѣнчать.
Но ты не сердишься? Я жалуюсь, тоскую...
Ну, иѣть, конечно иѣть... И знаю, ты добра,
О, запоздалая, о, иѣжная сестра!

Дай руку ми^в свою... вотъ такъ... я поцѣлую,
 Я буду цѣловать всѣ пальчики твои,—
 Ты знаешь, никогда ми^в счастье не смѣялось,
 И въ дѣствѣ надо мной ни разу не склонялось
 Родимое лицо съ улыбкою любви.
 Но около тебя я полонъ чѣмъ-то новымъ,
 Ми^в кажется, что я отъ горя отдохнула;
 Вотъ если бы еще немножко и уснула,
 Съ постели я бы встала совсѣмъ-совсѣмъ здоровымъ...
 А если я умру? Ты каждую весну
 Вѣдь будешь приходить пошлакать у могилы?
 Ахъ, какъ-то странно мнѣ... Совсѣмъ теряю силы...
 Послушай, не сердись... И... кажется... усну!

X.

МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ.

Бѣютъ часы. Бѣгутъ мгновенія.
 Вечерь вспыхнула и погасъ.
 И настойчивы мученія
 Въ этотъ поздній горькій часъ.
 Лучъ Луны кладетъ узоры
 На морозное стекло.
 Сердца трепетные взоры
 Ищутъ правды, видѣть зло.
 Ить отрады, ить привѣта
 Всѣ Земли и на Земль,
 Въ царствѣ солнечнаго свѣта,
 И въ холодной лунной мглѣ.
 Миръ молчить, а сердце внемлеть,
 Мчатся годы и вѣка,

Не заспеть и не задремлетъ
 Неустанная тоска.
 Въ Небесахъ плывутъ Свѣтила
 Безутѣшной чередой,
 И безсмѣнико и уныло
 Тучи стелются грядой.
 Зло съ добромъ, печаль съ мечтою
 Нераздѣльная семья,
 И безцѣльной Красотою
 Венчнуль свѣточъ Бытія.
 И какъ будто кто-то тонетъ
 Въ этой бездѣлѣ міровой,
 Кто-то плачетъ, кто-то стонетъ
 Полумертвый, но живой.
 И бѣгутъ, бѣгутъ мгновенья,
 Новый вечеръ вновь погасъ,
 И настойчивы мученія
 Въ этотъ поздній горькій часъ.
 И напрасно ищутъ взоры
 Разгадать добро и зло.
 И Луна кладетъ узоры
 На морозное стекло.

XI.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

Мѣсяца не видно. Свѣтить Млечный Путь.
 Голову сѣдую свѣсиши на грудь,
 Спятъ ямщикъ усталый. Кони чутъ идутъ.
 Звѣзды межъ собою разговоръ ведутъ.
 Звѣзды золотыя блещутъ безъ конца.
 Звѣзды прославляютъ Господа Творца.

„Господи”, спросонокъ прошепталъ ямщикъ,
И, крестясь, зѣваеть, и опять поникъ.
И опять склонилъ онъ голову на грудь.
И скрипятъ полозья. Убѣгаеть путь.

XII.

НЕСКОНЧАЕМЫЙ КОШМАРЪ.

Едва-едва горятъ мерцанье
Пустынной гаснущей Луны,
Среди безбрежной тишины,
Среди бездоннаго молчанья.
Иду одинъ... Вездѣ снѣга,
Снѣга и льды, и воздухъ мертвый,
Надъ мертвымъ царствомъ рас простертый.
Пустыни снѣжной берега
Вдали рисуются туманно;
На нихъ гигантскіе цветы,
Въ расцвѣтѣ блѣдной красоты,
Встаютъ и гаснутъ безпрестанно.
Бросаю къ Небу тусклый взоръ
И тамъ не вижу тверди синей:
Тамъ блѣдный, блѣлый, мертвый иней
Сплелся въ пависнувшій соборъ.
Иду... Пространству пѣть предѣла!
И въ этой страшной тишинѣ
Мои шаги не слышны мнѣ.
Мое замерзшее тѣло
Бѣжитъ впередъ, скорѣй, скорѣй,—
Гонимо жаждою безцѣльной,

Бѣжать въ пустынѣ безпредѣльной.
И тѣни собственной моей
Не вліжу въ этомъ бѣгъ вѣчномъ.—
И лишь гигантскіе цвѣты,
Какъ вѣчныхъ снѣжныхъ горъ хребты,
Ростуть въ пространствѣ безконечномъ!

XIII.

НЕБЕСНАЯ РОСА.

День погасъ, и ночь пришла.
Въ черной тымѣ душа свѣтла.
Въ смерти жизнь, и таеть смерть.
Неба гасящая твердь
Новой вспыхнула красой:
Тамъ серебряной росой,
Въ самой смерти жизнь любя,
Ночь усыпала себя.
Ходятъ Ангелы во мглѣ,
Слезы счастья шлютъ землѣ,
Славятъ свѣтлаго Творца,
Любить, любить безъ конца.

XIV.

* * *

Ночью мнѣ видѣлся Кто-то таинственный.
Тихо склонялся Онъ, тихо шепталъ;
Лучшей надеждою, думой единственной,
Свѣтомъ нездѣшнимъ во мнѣ троетъ.

Ждалъ меня, звалъ меня долгими взорами,
Къ небу родимому путь открывалъ,
Гимны оттуда звучали укорами,
Сонъ позабытый все ярче вставалъ.

Что отъ пезримыхъ очей заслонялся
Тканью тѣлесною, грезами дня,
Все это съ ласкою нѣжной склонялся,
Выше и выше манило меня.

Пали преграды, и сладкими муками
Сердце воскресшее билось во мнѣ,
Тѣни вставали и таяли звуками,
Тѣни къ родимой влекли сторонѣ.

Звали Эдема воздушные жители
Въ царство, гдѣ Роза цвѣтеть у Креста.
Вотъ ужъ я съ ними... въ ихъ тихой обители...
„Гдѣ же я медлилъ?“—шептали уста.

XV.

ПОСЛѢДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ.

Благородному борцу
Петру Себоровичу Николаеву.

Вдали отъ блеска дня, вдали отъ шума,
Я живъ пе годъ, не два, а сотни лѣтъ.
Тюремщикъ злой всегда молчалъ угрюмо,
Онъ мнѣ твердилъ одно лишь слово:—„Нѣть“.
И я забылъ, что въ мірѣ дышеть свѣтъ,
И я забылъ, чтѣзначать звуки смѣха,

Я ждалъ—чего-то ждалъ—хоть новыхъ бѣдъ.
И мнѣ одна была дана утѣха:—
Крича, будить въ тюрьмѣ грохочущее эхо.

Въ умѣ вставали мысли прежнихъ дней,
И гасли вновь, какъ бѣглый зарница,
Какъ проблески блуждающихъ огней,
Какъ буквы строкъ сжигаемой страницы
И вместо нихъ тянулись вереницы
Насмѣшилыхъ кроваво-смутныхъ сновъ;
Какъ хищныя прожорливыя птицы,
Какъ полчища уродливыхъ враговъ,
Неслись они ко мнѣ на звонъ моихъ оковъ.

И все же въ этой черной тѣмѣ изгнанья
Зажегся блескъ, зажегся, наконецъ;
Кипучія и жгучія страданья
Валеяли сверкающій вѣнецъ,
И первый лучъ смѣялся, какъ гонецъ
Моей весны, душестаго разсвѣта;
Со вздохомъ я привѣтствовалъ конецъ
Ночной тоски въ пустынѣ безъ отвѣта,
И видѣлъ взглядъ любви, и слышалъ гулъ привѣта.

И вотъ я вновь живу среди людей,
Подъ Солнцемъ осѣнительно-лучистымъ.
И вижу я дѣтей моихъ дѣтей,
Внимаю въ полдень птичкамъ голосистымъ,
Роптанью травъ, струямъ кристально-чистымъ.—
Но я опять вернулся бы въ тюрьму,
Къ уступамъ скаль, безжизненному и мглистому,
Когда бы впалъ, что, выбравъ скорбь и тѣму,
Я съ чьей-нибудь души тяжелый грѣхъ спиму!

XVI.

НА МОТИВЪ ПСАЛМА XVIII-го.

Ночь ночи открываетъ знапье,
Дню ото дня передается рѣчь.
Чтобъ славу Господа непопранной сберечь,
Возславить Господа должны Его созданья.

Все отъ Него—и жизнь, и смерть.
У ногъ Его легли, простерлись бездны,
О шумылахъ Его вѣщаетъ громко твердь,
Во славу дѣлъ Его сияетъ свѣточъ звѣздный.

Выходитъ Солице-исполинъ,
Какъ будто бы женихъ изъ брачнаго чертога.
Смѣется свѣтлый лицъ луговъ, садовъ, долинъ,
Отъ края къ край небесъ идетъ его дорога.

Святъ, святъ Господь, Владыка мой!
Передъ лицомъ Твоимъ разсыпалась забота.
И сладостнѣй, чѣмъ медъ, и слаще капель сота
Единой жизни мигъ, дарованный Тобой!

XVII.

ВЪ БЕЗДОННОМЪ КОЛОДЦѢ.

Межъ стѣнъ отсыревшихъ, покрытыхъ грибками,
Въ бездонномъ колодцѣ, на днѣ, глубоко,
Мы ждемъ, притавившиесь, и дышемъ легко,
И звѣзды въ Лазурні сияютъ надъ нами,—

Лучистыя звѣзды, горящія днемъ
Для тѣхъ, кто умѣеть во тьму опускаться,
Чтобъ въ царствѣ беззувчья полнѣе отдаться
Мечтамъ, озареннымъ небеснымъ огнемъ.

Вдали отъ людскаго нестройнаго гула,
Не видя, какъ скользкая иллесень ростетъ,
Мечтой мы бѣжимъ все впередъ и впередъ.—
Всепениая спомъ безмятежнимъ успула.

И чище, чѣмъ свѣтъ суетливаго дня,
Воздушній, чѣмъ звуки земныхъ иѣспопній,
Средь звѣздъ пролетаетъ блуждающій Геній,
На лютнѣ незримой чуть слышно звени.

И въ Небѣ какъ будто расторглась завѣса,
Дрожитъ отъ восторженныхъ мукъ небосклонъ,
Трепещутъ Илеяды, блеститъ Орионъ,
И брезжитъ далекій огонь Геркулеса.

Сплетаются звѣзды—и искрятся днемъ
Для тѣхъ, кто умѣеть во тьму опускаться,
Для тѣхъ, кто умѣеть во тьму отдаваться
Мечтамъ, озареннымъ небеснымъ огнемъ.

XVIII.

* * *

И Сонъ и Смерть равно смежаютъ очи,
Кладутъ предѣль волнешіямъ души,
На сѣнѣ для приводить сумракъ ночи,
Даютъ страстямъ заспуть въ пѣмой тиши.

И въ чьей груди еще живеть стремленье,
Къ тому свой взоръ склоняетъ Ангель Сна,
Чтобъ онъ узналъ блаженство пробужденья,
Чтобъ за зимой къ нему пришла весна.

Но кто постигъ, что вѣчный мракъ—отрада,
Съ тѣмъ вступить Смерть въ союзъ любви живой,
И отъ ея внимательнаго взгляда
Къ страдальцу сонъ нисходитъ гробовой.

XIX.

ИЛ МОТИВЪ ЭККЛЕЗІАСТА.

Родъ проходить и снова приходитъ,
Бновь къ истокамъ стекаются рѣки,
Солнце восходить и Солнце заходитъ,
А Земля пребываєтъ вовѣки.

Вѣтеръ вѣтеръ отъ Сѣвера къ Югу,
И отъ Юга на Сѣверъ стремится,
И бѣжитъ онъ во мракѣ по кругу,
Чтобы снова подъ Солнцемъ кружиться.

Суета! Чѣмъ премудрость и знанье!
Намъ одно всѣ вѣка завѣщали:
Тотъ, кто хочетъ умножить познанья,
Умножаетъ тѣмъ самыи печали.

Полдень жжетъ ослѣпительнымъ зноемъ,
Ночь смиряетъ нѣмыи усыщеніемъ:
Лучше горѣть съ невозбраннымъ покоемъ,
Чѣмъ пригоршни съ трудомъ и томленьемъ.

Смѣхъ напрасень, забота сурова,
И никто ничего не откроеть,
И ничто здѣсь подъ Солнцемъ не ново,
Только Смерть—только Смерть успоконты!

XX.

ВОСКРЕСІІЙ.

Полузломанный, разбитый,
Съ окровавленной головой,
Очуился я на мостовой,
Лучами яркими облитой.

Зачѣмъ я бросился въ окно?
Цѣною страшнаго паденя
Хотѣлъ купить освобожденье
Отъ узъ, наскучившихъ давно.

Хотѣлъ убѣсть змѣю печали,
Забыть позоръ погибшихъ дней...
Но пять воздушныхъ саженей
Моихъ надеждъ не оправдали.

И вдругъ открылось мнѣ тогда,
Что все, что сдѣлазъ я,—преступно.
И было Небо недоступно,
И высоко, какъ нигдѣ.

Въ себѣ уніявшъ человѣка,
Я отъ своей ушелъ стези,
И вотъ лежалъ теперь въ грязи,
Полурастоптанный калѣка.

И сквозь столичный шумъ и гулъ,
 Сквозь этотъ грохотъ безучастныій
 Ко мнѣ донесся звукъ неясный:
 Знакомый духъ ко мнѣ прильнулъ.

И смутный шопотъ, замирая,
 Вздыхалъ чуть слышно надо мной,
 И былъ тотъ шопотъ—звукъ родной
 Давно утраченного рая:—

„Ты не исполнилъ свой предѣль,
 Ты захотѣлъ успокоеныи,
 Но нужно заслужить забвенье
 Самозабвеньемъ чистыхъ дѣль.

„Умри, когда отдашь ты жизни
 Все то, что жизнь тебѣ дала,
 Иди сквозь мракъ земного зла,
 Къ небесной радостной отчизнѣ.

„Ты обманулся самъ въ себѣ
 И въ той, что льетъ теперь рыданья,—
 Но это мелкія страданья.
 Забудь. Служи иной судьбѣ.

„Душой отзывкою страдая,
 Страдай за міръ, живи съ людьми
 И послѣ—мой вѣнецъ прими”...
 Такъ говорила тѣнь святая.

То Смерть-владычица была,
 Она явилась на мгновеніе,

Дала мнъ жпэпи откровенье
И прочь—до времени—ушла.

И новый, лучшій день, алѣя,
Зажегся для меня во мглѣ.—
И прикоснувшись къ землѣ,
Я всталъ съ могуществомъ Антея.

XXI.

* * *

Символъ смерти, символъ жизни, бѣть полночный часъ.
Чтобы новый день зажегся, старый день угасъ.

Содрогнулась ночь въ зачатыи новыхъ бодрыхъ силъ,
И заплаканныя тѣни вышли изъ могиль.

Лишь на краткія мгновенія мраку власть дана,
Чтобъ созрѣла возрожденія новая волна.

Каждый день понынѣ видимъ чудо изъ чудесъ,
Входить Солнце, свѣтить міру, гонить мракъ съ Небесь.

Міръ исполненъ восхищенья миллионы лѣтъ,
Видя тайну превращенія тьмы въ лучистый свѣтъ.

XXII.

* * *

Горящій атомъ, я лечу
Въ пространствахъ—сердцу лишь известныхъ,
Остановиться не хочу,
Покорный жгучему лучу,

Который жнеть въ поляхъ небесныхъ
 Колосья мыслей золотыхъ
 И съ неба зерна посыпаетъ,
 И въ этихъ зернахъ жизнь пылаеть.
 Сверкалье блестокъ молодыхъ,
 Огни для атомовъ мятежныхъ,
 Что мчатся, такъ же, какъ и я,
 Въ туманной мглѣ пустынь безбрежныхъ,
 Въ бездонныхъ сферахъ Бытія.

XXIII.

* * *

Да, я вѣду, да, я знаю: Въ этой жизни счастья нѣть.
 Счастье бренжетъ, какъ мерцанье умирающихъ планетъ.

Тамъ въ пространствахъ недоступныхъ, вѣчно полныхъ, тишини,
 Ярко дышутъ, ярко свѣтятъ Неба огнеплье сны.

Дышутъ стройный Свѣтила, блещутъ только для себя,
 Къ намъ невольный свѣтъ бросаютъ, часъ, безвѣстныхъ, не любя

Милліоны, миріады нескончаемыхъ вѣковъ,
 Мы, отринутые, стонемъ, слыша звонъ своихъ оковъ.

Мы не знаемъ, гдѣ родится новой истины звѣзда.
 Нами править два проклятия: *Навсегда* и *Никогда*.

Навсегда въ предѣлахъ жизни, къ мимой смерти мы вдемъ,
 И страданье намъ смѣется надъ обманчивымъ путемъ.

Къ намъ доходить свѣтъ небесный—въ часъ когда умреть звѣзда
 И съ живой душой обняться мы не можемъ никогда.

XXIV.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ.

За краткій мигъ существованья
 Я сотни лѣтъ готовъ страдать,
 И новыхъ—новыхъ пытокъ ждать
 За эту сладость упованья,
 Что въ тусклой мглѣ пебытія
 Зажгутся быстрою слезою
 Цвѣты, сшаленные грозою,
 И брызнетъ звонкій всплескъ ручья,
 И сонъ любви, какъ призракъ, встанетъ,
 И вновь и вновь меня обманетъ
 Улыбкой блѣднаго лица,
 И крикъ души сквозь Вѣчность грянетъ
 Восторгомъ жгучимъ безъ конца!

XXV.

* * *

За предѣлы предѣльшаго,
 Къ безднамъ свѣтлой Безбрежности!

Въ ненасытной мятежности,
 Въ жаждѣ счастія цѣльшаго,

Мы, воздушные, летимъ
 И помедлить не хотимъ.

И едва качаемъ крыльями.

Все захватимъ, все возьмемъ,
Жаднымъ чувствомъ обойнемъ!

Дерзкими усилиями
Устремляясь къ высотѣ,
Дальше, прочь отъ грани тѣсной,

Мы домчимся въ міръ чудесный.
Къ неизвѣстной
Красотѣ!

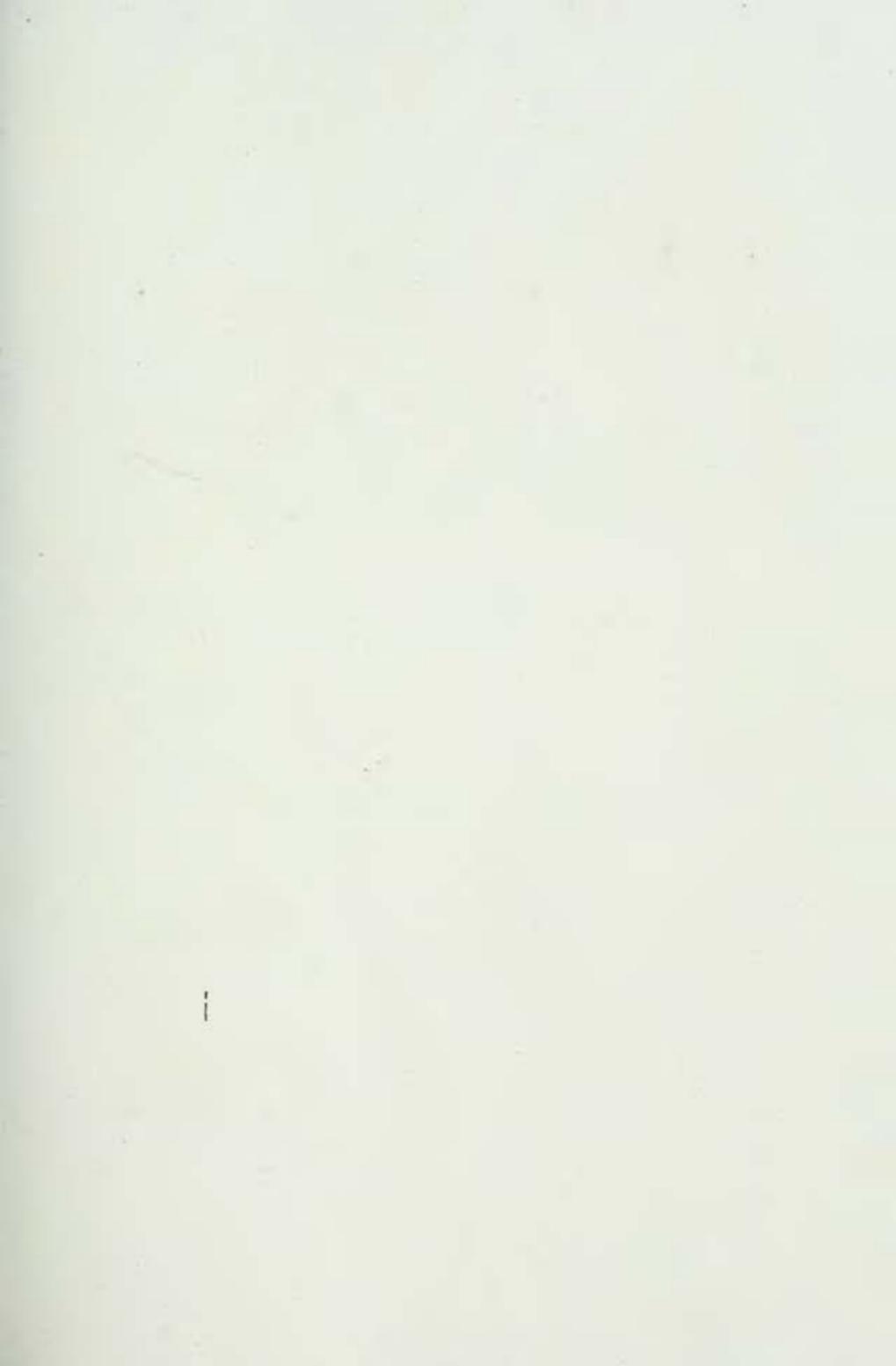
Тишина

ЛИРИЧЕСКИЯ ПОЭМЫ

Есть искрь въ всемирнаго молчанья

Тютчевъ

1897.—Зима.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Сонетъ.

Близъ пышиной Мексики, въ предъилахъ Аризоны,
 Межъ рудниковъ нашли скаменѣлый лѣсъ.
 Въ потухшемъ кратерѣ, иль скаты и уклоны
 Безмолвно говорятъ о дняхъ былыхъ чудесъ.

+

Прѣдъ взоромъ пристальнѣмъ ниспала мѣта завѣсъ,
 И вотъ горитъ агатъ, сафиры, халцедонъ,—
 Въ тропическихъ лучахъ цветущей Аризоны
 Сквозь тьму временъ воссталъ давно отжившій лѣсъ.

60

Онъ былъ засыпанъ земль мокримъ садемъ пыли,
 Стихийной вспышкою отторинутъ отъ земли.
 Съ ея Созидающими, Торяющими вдалъ,

Но канули вѣка, и кратеры остали,
 Скитальцы блыдные влажнками пришли,—
 И новымъ сномъ зажились обломки даечей быти.

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ

Прежде чѣмъ душа найдетъ возможность
постигать, и дерзнетъ припомнить, она должна
соединиться съ Безмолвнымъ Глаголомъ,—и тогда
для внутреннаго слуха будетъ говорить Голосъ
Мозговъ.

Изъ Индійской Мудрости

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ.

1.

Между льдовъ затерты, спяты въ тиши морей
 Остовы пѣмые мертвыхъ кораблей.
 Вѣтеръ быстролетный, тронувъ паруса,
 Прочь спѣшить въ испугѣ, мчится въ небеса.
 Мчится—и не смѣеть бить дыханье твердь.
 Всюду видя только—блѣдность, холодъ, смерть.
 Точно саркофаги, глыбистые льды
 Длинною толпою встали изъ воды.
 Бѣлый спѣгъ ложится, вѣтсѧ падъ волной,
 Воздухъ заполненъ мертвой блїзной.
 Вѣются хлопья, вѣются, точно стаи птицъ.
 Царству бѣлой смерти путь нигдѣ границъ.
 Что-жъ вы здѣсь искали, выброски зыбей,
 Остовы пѣмые мертвыхъ кораблей?

2.

„На Полюсъ! На Полюсъ! Вѣжимъ, поспѣшимъ,
 И новыя тайны откроемъ!
 Тамъ, вѣро, есть островъ—красивъ, недвижимъ,
 Окованъ плѣнительнымъ зиоемъ!

„Намъ скучны предѣлы родимыхъ полей,
 Извѣданныхъ думъ и желаній.
 Мы жаждемъ качанья пѣмыхъ кораблей.
 Мы жаждемъ далекихъ скитаній.

„Въ безвѣстномъ—услада тревожной души,
 Въ туманностяхъ манять зарвицы.
 И сердцу рокочутъ приливы: „Спѣши!“
 И дразнить свободныя птицы.

„Намъ вѣтеръ бездомный шепнулъ въ полуночѣ,
 Что сбудутся наши надежды:
 Для новаго Солица, въ цветущей странѣ,
 Проснувшись, откроемъ мы вѣжды.

„Мы гордо раздвинемъ предѣлы Земли,
 Намъ свѣтить нашъ разумъ стоекій.
 Плывите, плывите скорѣй, корабли,
 Плывите на Полюсъ далекій!“

3.

Солнце свершаетъ
 Скучный свой путь.
 Что-то мѣшаеть
 Сердцу вздохнуть.

Въ морѣ приливы
 Шумно ростутъ.
 Мирвяя нивы
 Гдѣ-то цветутъ.

Пѣнясь, про нѣгу
 Шепчетъ вода.
 Гдѣ-то къ почлегу
 Гонять стада.

4.

Грусть утихаєтъ:
Съ другомъ легко.
Кто-то вздыхаетъ—
Тамъ—далеко.

Счастливъ, кто мирной
Долей живетъ.
Кто-то въ обширной
Безды плыветъ.

Нѣжная ива
Спинть и молчать.
Гдѣ-то тоскливо
Чайка кричитъ.

5.

„Мы пыли—все дальше—мы пыли,
Мы пыли не день и не два.
Отъ влажной крутящейся пыли
Кружилась не разъ голова.

„Туманы клубились густые,
Вставать и гудѣть Океанъ,—
Какъ будто бы вѣдьмы сѣдя
Раскинули вражескій станъ.

„И туча бѣжала за тучей,
 За валомъ мятежился валь.
 Встрѣчали мы островъ пловучій,
 Но опь отъ очей ускользалъ.

„И тамъ, гдѣ пѣтъ водяного пѣна
 На морѣ возставали цвѣты,
 Крутилась лишь бѣлая пѣна,
 Сверкая среди темноты.

„И дерзко смеялись зарницы,
 Манившія міромъ чудесь.
 Кружились зловѣщія птицы
 И подъ склѣпомъ пустынныхъ Небесъ.

„Буруны закрыли со стономъ
 Сверканье Полярной Звѣзды.
 И вотъ ужъ съ пророческимъ звономъ
 Идутъ, надвигаются льды.

„Такъ что-жъ, и для насъ развернула
 Свой свитокъ єдана печаль?
 Такъ, значитъ, и насъ обманула
 Богатая сказками даль?

„Мы отданы бѣлимъ пустынямъ,
 Мы тризну свершаемъ на льдахъ.
 Мы топемъ, мы гаснемъ, мы стынемъ
 Съ проклятьемъ на блѣдныхъ устахъ!“

6.

Скрипя, бѣжитъ среди валовъ,
Гигантскій гробъ, скелетъ пловучій.
Въ тѣлахъ обманутыхъ пловцовъ,
Изсякъ свѣтильникъ жизни жгучей.

Огромный остовъ корабля
Въ пустынѣ Моря быстро мчится,
Какъ будто едѣ-то есть земля,
Къ которой жадно онъ стремится.

За нимъ, скрипя, среди выбей
Несутся бѣшено другіе,
И привидѣнья кораблей
Тревожатъ области морскія.

И шепчутъ волны межъ собой,
Что дальше ихъ цускатъ не надо,—
И встала бѣлою толпой
Спѣговъ и льдистыхъ глыбъ громада.

И иѣсни имъ надгробной пѣтъ,
Бездушечъ міръ пустыни сопной,
И только Солица красный свѣтъ
Горить, какъ факель похоропный.

7.

Да легкіе хлопья летаютъ,
И беззву чную сказку поютъ,
И бѣлые ткани сплетаютъ,
Созидаютъ для Смерти пріютъ.

И шепчутъ: „Мы—дѣти Эонра,
 „Мы—любимцы нѣмой тишины,
 „Враги беспокойнаго міра,
 „Мы—пушистые чистые сны.

„Мы падаемъ въ синее Море,
 „Мы по воздуху молча плывемъ,
 „И мчимся въ безбрежномъ просторѣ,
 „И къ покою другъ друга зовемъ.

„И вѣчно мы, вѣчно летаемъ,
 „И не нужно намъ шума земли,
 „Мы вьемся, бѣжимъ, пропадаемъ,
 „И летаемъ, и таемъ вдали...“

ИСКРЫ

И они отошли отъ Великаго Источника, и
падая зажглись невѣрнымъ свѣтомъ.

Изъ Лѣтописи Мира

ИСКРЫ.

1.

Туманъ ли собирается,
 Скрывая небосводъ,
 Звѣзда ли загорается
 Надъ лономъ синихъ водъ,—
 Безмѣлко-одицкая,
 Душа груститъ всегда,
 Душа душѣ далекая,
 Какъ для звѣзды звѣзда.

2.

Повсюду сказка блѣдная—
 Загадкой иredo мной,
 Горить заря побѣдная,
 Смыкается Луной,—
 Но пѣть отвѣта иѣжности,
 И гасну я безъ словъ,
 Затерянный въ безбрежности
 Тоскующихъ міровъ.

3.

Какъ медленно движеніе
 Томительныхъ часовъ!
 Какъ мало отраженій
 Въ обманѣ нашихъ словъ!

Какъ мало отраженія
Негаснущихъ огней,
Что дремлють безъ движенія
За гранью нашихъ дней!

4.

За гранью отдаленою
Безчисленныхъ свѣтиль,
За этой возмущенною
Толпой живыхъ могилъ,
Есть ясное Безвѣтре
Безъ плачущаго я.
Есть свѣтлое Безвѣтре
Безъ жажды бытія.

5.

Но то не Смерть, печальная
Владычна людей,
Не пляска погребальная
Надъ грудами костей.
За гранями алмазными
Ии ночи, ии утра.
Ии зла съ его соблазнами,
Ии тусклаго добра.

6.

Тамъ вѣчны сны блаженные
Въ прозрачной мглѣ мечты,
Тамъ вѣчны сокровинныя
Видѣнья Красоты.

Нетленнымъ светомъ нѣжности
 Тамъ все озарено,
 Тамъ счастіе Безбрежности,
 Гдѣ слито все въ одно.

7.

Зачѣмъ же,—духъ стремления,
 Въ разлукѣ съ Красотой,—
 Я жажду отдаленія
 Отъ родныи святой!
 Я—искра, отступившая
 Отъ Солнца своего,
 И Бога позабывшая,
 Не знаю для чего!

ВОЗДУШНО-БЪЛЫЕ

I tell thee, when I pass away, it is to ten-fold life, to love, to peace, and raptures holy
Unseen descending weigh my light wings upon
balmy flowers.

Blake

Я говорю тебе, — уходя, я ухожу къ удесятеренной жизни, къ миру, къ любви, къ святымъ восхищениемъ. Незримо нисходя, тяготы мои легкия крылья надъ бальзамическими цветами.

Блэкъ

I.

СНИЖНЫЕ ЦВѢТЫ.

1.

Въ жаждѣ сказочныхъ чудесъ,
 Въ тихой жаждѣ сновъ таинственныхъ,
     Я пришелъ въ полночный лѣсъ,
     Я раздвинулъ ткань завѣсъ
 Въ храмѣ Геніевъ единственныхъ.

Въ храмѣ Геніевъ Мечты
 Смыли возгласы несмѣлые,
     То—обѣты чистоты,
     То—нездѣшніе цвѣты,
 Все цвѣты воздушно-бѣлые.

2.

Я тревожный призракъ, я стихійный геній,
 Въ мірѣ сповидѣній жить миѣ суждено,
 Быть среди дыханья сказочныхъ растеній,
 Видѣть, какъ безмолвно спить морское дно.

Только вснышиеть Весперъ, только Мѣсяцъ глянетъ,
 Только ночь настанетъ раннею весной,—
 Сердце жаждетъ чуда, ночь его обманетъ,
 Сердце умираетъ съ гаснущей Луной.

Вновь бѣлѣеть утро, таетъ рой видѣній,
 Каждый вздохъ растеній шепчетъ для меня:
 „О, мятежный призракъ, о, стихійный гений,
 Будемъ жаждать чуда, ждать кончины дня!“

3.

Въ глубинѣ души рожденныя,
 Чуткимъ словомъ пробужденныя,
 Мимолетныя мечты,
 Еле вспыхнувъ, улыбаются,
 Пылью свѣтлой осыпаются,
 Точно снѣжные цвѣты,—

 Безмятежныя, свободныя,
 Миру чуждыя, холодныя
 Звѣзды призрачныхъ Небесъ,
 Тѣхъ, что свѣтятъ надъ пустынями,
 Тѣхъ, что властствуютъ святынями
 Въ царствѣ сказокъ и чудесъ.

4.

Я когда-то былъ сыномъ Земли,
 Для меня маргаритки цвѣли,
 Я во всемъ былъ похожъ на другихъ,
 Былъ въ цѣпяхъ заблужденій людскихъ.

Но, земную почъ разлюбивъ,
 Разлученъ я съ колосьями пивъ,
 Я ушелъ отъ родимой межи,
 За предѣлы — и правды, и лжи.

И въ душѣ не возникнетъ упрекъ,
Л постигъ въ младенчествѣ памекъ,
Я услышалъ таинственный зовъ,
Безконечность пѣмыхъ голосовъ.

Миѣ открылось, что Время нѣть,
Что падвигны узоры плашетъ,
Что Безсмертіе къ Смерти ведеть,
Что за Смертью Безсмертіе ждеть.

5.

Ожиданье утомленній, одинокій, оскорблениій,
Надъ пустыней полуносной умирающихъ морей,
Непохожъ на человѣка, я блуждаю вѣкъ отъ вѣка,
Вѣкъ отъ вѣка вижу волны, вижу брызги янтарей.

Ускользающа пѣна... Помилугная измѣна...
Жажда вырваться изъ пѣна, вновь извѣдать глѣть оковъ.
И въ туманности далекой, оскорблениій, одинокій,
Шесть геній свѣтлоокій плавѣстныхъ береговъ.

Слышать крики: „Свѣтлый геній!.. Возвратись на стопъ мученій...
Для прозрачныхъ сновидѣй... Къ мирнымъ храмамъ... Къ очагу...“
Но за далью небосклона гаснетъ звукъ родного звона,
Человѣческаго стона полюбить я не могу.

6.

Миѣ странно видѣть лицо людское,
Я вижу взоры существъ иныхъ,
Со мною вѣтеръ, и все морское,
Все то, что чуждо для думъ земныхъ.

Со мною тьи, за мною тьи,
 Я слышу склаку морскихъ глубинъ,
 Я царь надъ царствомъ живыхъ видѣній,
 Всегда свободный, всегда одинъ.

Я слышу бурю, удары грома,
 Пожары молний горятъ вдали,
 Я вижу Островъ, где все знакомо,
 Гдѣ я—владыка моей земли.

Въ душѣ холодной мечты безмолвны,
 Я слышу сердцемъ полетъ времень,
 Со мною волны, за мною волны,
 Я вижу вѣтшій—все тотъ же—Сонъ.

7.

Я вольный вѣтеръ, я вѣчна вѣю,
 Волную волны, ласкаю ивы,
 Въ вѣтвяхъ вздохнешь, вздохнувъ, пѣмъ,
 Ласкю травы, ласкю ивы.

Всеною свѣтлой, какъ вѣстникъ Мая,
 Цѣлаю ландышъ, въ мечту влюбленный,
 И внемлетъ вѣтру Лазурь нѣмая,—
 Я вѣю, млѣю, воздунный, сонный.

Въ любви певѣрни, росту циклономъ,
 Взметаю тучи, взрываю Море,
 Промчусь въ равнинахъ протяжнымъ стопомъ,
 И громъ проснется въ нѣмомъ просторѣ.

Но слова легкий, всегда счастливый,
Нежный, чьмъ фея ласкаеть фею,
Я льну къ деревамъ, дышу падъ пивой,
И, вѣчно вольный, забвеньемъ вѣю.

II.

СВѢТЛЫЙ СЕБЯ.

Прекрасенъ ликъ звѣзды съ прозрачнымъ взоромъ,
Когда она, не рдѣя, не скорбя,
И знає только Небо и себя,
Струить лучи нетающимъ узоромъ,
Средь дальнихъ звѣздъ, поющіхъ свѣтлымъ хоромъ.

Но какъ она свѣтлѣй самой себя,
Когда, воспламененіемъ метеоромъ,
Огни лучей стремительно дробя,
Горятъ—предъ смертью, надаетъ—любы!

III.

ЗОЛОТАЯ ЗВѢЗДА.

Золотая звѣзда падъ Землею въ пространствѣ летѣла,
И съ Лазури на сопную Землю упасть захотѣла.

Обольстилась она голубыми земными цвѣтами,
Изумрудной травой и шуршащими въ полночь листами.

И, раскинувши путь золотой по Лазури бездонной,
Излетѣла какъ ангель—какъ ангель преступно-влюбленный.

Чѣмъ быстрѣй улетала она, тѣмъ блестала яснѣе,
И горѣла, сгорала, въ восторгѣ любви пламенѣя.

И, зардѣвшись блаженствомъ, она уступила безсилью,
И, Земля не коснувшись, разсыпалась яркою пылью.

IV.

КАКЪ ЦВѢТОКЪ.

Какъ цвѣтокъ я хочу расцвѣсти
И угаснуть безъ слова упрека,
И въ душѣ я сумѣю пайти
Безконечный расцвѣтъ златоока.

Я какъ ландышъ, блѣдиꙗ, цвѣту
Для мечтательныхъ, иѣжихъ, влюбленныхъ,
И въ лѣсу создаю красоту
Для сердецъ, красотой утомленныхъ.

Полюбить молодую Весну,
Въ поцѣлухъ силетенныхъ тѣни,
Я порою всю почь не усну
И мечтаю какъ вѣтка сирени.

И, узнавши изъ пѣпія птицъ,
Что окончились празднства Мая,
Я при свѣтѣ полночныхъ зарницъ
Расцвѣту какъ гвоздика лѣсная.

И когда, разлюбивши мечты,
Я забудусь въ могильной постели,
Надо мнѣ, въ торжествѣ Красоты,
Навсегда расцвѣтутъ иммортели.

V.

ЦВѢТЫ НАРЦИССА.

Точко изъ легкаго камня изсѣчены,
Въ воду глядѣть лепестки блѣснѣжные.
Собственныи образомъ пристально встрѣчены,
Въ глубь заглянули цвѣты безмятежные.

Мягкое млѣтъ па нихъ трепетаніе,
Двойственно-блѣдны, рѣстутъ очертаанія.
Въ глубь заглянули пѣмые цвѣты,—
Поняли, поняли свѣтъ Красоты!

Сердце, багряной чертой окаймленное,
Тайно хранить золотыя признатанія.
Только въ себя непозвратно-влюблѣнное,
Стыпеть, блѣднѣть, въ мечтахъ безъ названія.

Съ чистою грезой цвѣтокъ обручается,
Грезу любя, онъ со Смертью вѣнчается.
Мигъ,—и отъ счастія гаснутъ цвѣты,—
Какъ они поняли свѣтъ Красоты!

VI.

БРОМЕЛИЯ.

Въ окутанной снѣгомъ пльвигельной Швеціи
На зимній стекла я молча глядѣлъ,
И ярко мѣтъ спились капалы Венеціи,
Мнѣ спился далекій забытый предѣлъ.

Впивая дыханье цветущей бромелии,
Цветка золотого съ лазурной каймой,
Я видѣлъ въ глазахъ наклонившейся Леліи
Печаль, затѣпншую страстью пѣмой.

Встрѣчалися взоры съ отѣтными взорами,
Мы были далеко, мы были не тѣ.
Баюкалъ настъ иней своими узорами,
Звала настъ бромелия къ дальней мечтѣ.

И снова, какъ прежде, звения отголосками,
Водна сладкоозвучно росла за волной,
И светлыя тѣни, подъятны всилесками,
На гондолахъ плыли подъ блѣдной Луной.

VII.

ЗДЕЛЬВЕЙСЬ.

Я на землю смотрю съ голубой высоты.
Я люблю здѣльвейсь, неземные цветы,
Что ростуть далеко отъ обычныхъ оковъ,
Какъ застѣничный совъ звездныхъ сѣтевъ.

Съ голубой высоты я на землю смотрю,
И безгласной мечтой я съ душой говорю,
Съ той незримой Душой, что мерцаеть во мнѣ
Въ тѣ часы, какъ иду къ неземной вышинѣ.

И, помедливъ, уйду съ высоты голубой.
Не оставивъ слѣда на сѣтяхъ за собой,
Но сдѣливъ лишь намекъ, блоскѣжий цветокъ,
Мнѣ напомнить, что Миръ безконечно широкъ.

VIII.

БЪЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

Бѣлый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.

Подъ тобою—глубь пѣмая,
Безъ привѣта, безъ отвѣта,
Но скользишь ты, утопая
Въ безднѣ воздуха и свѣта.

Иадъ тобой—Эонръ бездонный
Съ яркой Утренней Звѣздою.
Ты скользишь, преображеній
Страженій красотою.

Символъ нѣжности безстрастной,
Недосказанной, несмѣлой,
Призракъ женственно-прекрасный
Лебедь чистый, лебедь бѣлый!

IX.

ВДАЛИ ОТЪ ЗЕМЛИ.

Вдалі отъ Земли, безнокойной и мглистой,
Въ предѣлахъ бездонной, нѣмой чистоты,
Я выстропль замокъ воздушно-лучистый,
Воздушно-лучистый Дворецъ Красоты.

Какъ островъ пловучій падъ буріымъ волпеніемъ,
 Падъ вѣчной тревогой и зыбью вѣды,
 Я полонъ въ томъ замкѣ иѣмъ упоеніемъ,
 Иѣмъ упоеніемъ безстрастной звѣзды.

Со мною бесѣдуютъ Гепіи Свѣта,
 Прозрачнія тучки со мной говорять,
 И звѣзды рѣдныя огнями привѣта,
 Огнями привѣта горятъ и горятъ.

И вижу я горы и вижу пустыни,
 Но чѣмъ до вѣчной людской суеты,—
 Миѣ ласково свѣтять пныя святыни,
 Пныя святыни въ Дворцѣ Красоты.

ВЪТЕРЪ СЪ МОРЯ

Marinero soy de amar
Y en su piélagos profundo
Navego sin esperanza
De llegar á puerto alguno.

Cervantes

Я морякъ люблю, и въ ея глубокомъ океанѣ плыву безъ надежды достичь до какой-нибудь гавани.

Сервантесъ

I.

МОРСКАЯ ПѢСНЯ.

Все, что любимъ, все мы килемъ,
 Каждый мигъ для насъ другой:—
 Мы сжились душой морской
 Съ вѣчнымъ вѣтромъ, съ Моремъ синимъ.
 Нашъ полетъ
 Все впередъ,
 Къ цѣлямъ сказочнымъ ведеть.

Рдяный вечеръ, добрая,
 Тонетъ въ зеркалѣ Небесъ.
 Вотъ онъ, новый міръ чудесъ,
 Вотъ она, волна морская.
 Чудный видъ!
 Все молчатъ,
 Только валъ морской звучитъ.

Если мы вернемся вскорѣ
 Неремѣнчивымъ путемъ,
 Мы съ добычею придемъ:—
 Намъ дары приносить Море.
 Въ часъ почной,
 Подъ Луной,
 Мы сѣдшимъ къ странѣ иной.

Если жь даль не переспоримъ
 И проблѣтъ конецъ мечтѣ,—
 Мы потонемъ въ Красотѣ,
 Мы сольемся съ спящимъ Моремъ.

И на днѣ,
Въ полуночи,
Будемъ грезить о волни.

II.

ВЪ НЕПОЗНАНИЙ ЧАСЬ.

И новыя волны,
Въ непознаний часъ,
Все новыя волны
Вставали для насъ.

Шумѣли, сверкали,
И къ дали влекли,
И гнали печали,
И пѣли вдали.

„Гляди, погляди же,
„Какъ бездна свѣтла!
„Все ближе и ближе
„Лазурная мгла!“

Какъ синія горы,
Упавшія внизъ,
Морскіе узоры
Въ громаду слились.

Закрыли громадой
Меня и тебя.
Я гибну съ отрадой,
Я гасну любя.

Въ загадочномъ взорѣ,
Волнуясь, тону,
И слушаю въ Морѣ
Мorskую волну.

III.

ОНА КАКЪ РУСАЛКА.

Она, какъ русалка, воздушна и странно-блѣдна,
Въ глазахъ у нея, ускользая, играетъ волна,
Въ зеленыхъ глазахъ у нея глубина—холодна.

Приди,—и она обойметъ, заласкаетъ тебя,
Себя не жалѣя, терзая, быть-можеть, губя,
Но все же она попѣлуетъ тебѣ не любя.

И вмигъ отвернется, и будеть душою вдали,
И будеть молчать подъ Луной въ золотистой пыли,
Смотря равнодушно, какъ тонуть вдали—корабли.

IV.

КАКЪ ВОЛНЫ МОРСКІЯ.

Какъ волны морскія,
Я не знаю покоя и вѣчно сѣтшу.
Какъ волны морскія,
Я слезами и холodomъ горькимъ дышу.

И какъ волны морскія,
Надъ равниной хочу высоко вознестиись.
И какъ волны морскія,
Восходя, я спѣшу опрокинуться внизъ.

V.

ПОБЛѢДНѢВШАЯ НОЧЬ.

Зашумѣла волна,
Покачнулся челнокъ.
И возсталъ ото сна
Пробужденный Востокъ.

Покачнулся челнокъ.
И уносится прочь.
И не видить Востокъ
Поблѣднѣвшую почь.

И уносится прочь
Все, чѣмъ счастливъ я былъ,
Что въ короткую ночь
Беззавѣтно любилъ.

VI.

ПОЛОСА СВѢТА.

Море чуть мерцаеть подъ Луной
Зеркаломъ глубокимъ и холоднымъ.
Вѣять сномъ и грустью поземной,
Чѣмъ-то дальнимъ, сладостнымъ, свободнымъ.

Точно духъ павѣкъ ушедшихъ дней
Всталъ въ тѣни нѣмыхъ воспоминаній,
Сталъ шептать слышній и все слышній
Сказку счастья съ музыкой рыданій.

Свѣточесъ болѣзниеннымъ сверкнуль,
Ярко вспыхнулъ дрогнувшей слезою,
Прожилъ мигъ—и въ безднѣ утонулъ,
Бросивъ свѣтъ широкой полосою.

VII.

БЕЗДОМНЫЕ.

Небосклонъ опрокинутыи,
Уходящая даль.
Объ отчизнѣ покинутой
Замираетъ печаль.

Надъ пустынами водными
Виденъ иѣнныи узоръ.
И слезами холодными
Затуманился взоръ.

И надъ мачтой мелькающей
Все темнѣй пебеса.
И корабль уѣгающій
Уронилъ паруса.

Надъ свинцовыми тучами
Альбатросы летять,
За волнами кипучими
Съ поднебесья слѣдять.

Такъ и ждуть, что раздвиутся
Очертаныи волны,
Чтобъ стремительно кинуться
Съ поземной вышины.

И почуявъ, раскатами
Набѣгающій, громъ,
Вновь рядами крылатыми
Выкликаютъ кругомъ.

И бездомные, темные,
Посылаютъ—въ Лазурь
Эти крики заемные,
Эти отклики бурь.

ВЪ ДЫМКѢ НѢЖНО-ЗОЛОТОЙ

Hay mas dicha, mas contento
Que adorar una hermosura,
Brujuleada entre los lejos
De lo Imposible?

Calderon

Есть ли большее счастье, большая радость
какъ обожать красоту, медленно вставшую въ
даллхъ невозможнаго?

Кальдеронъ

I.

Я ЗНАЛЪ.

М. А. Лопатиной.

Я зналъ, что, однажды тебя увидавъ,
 Я буду любить тебя вѣчно.
 Изъ женственныхъ женщинъ богиню избравъ,
 Я жду—я люблю—безконечно.

И если обманна, какъ всюду, любовь,
 Любовью и мы уладимся,
 И если съ тобою мы встрѣтимся вновь,
 Мы снова чужими простимся.

А въ часъ преступленья, улыбокъ, и сна
 Я буду—ты будешь—далеко,
 Въ странѣ, что для насъ навсегда создана,
 Гдѣ иѣть ни любви, ни порока.

II.

НѢМАЯ ТѢНЬ.

Нѣмая тѣнь среди чужихъ тѣней,
 Я зналъ тебя, но ты не улыбалась,—
 И, стройная, едва-едва склоняясь
 Подъ бременемъ навѣкъ ушедшихъ дней,—

Какъ лилія, смущенная волною,
 Склоненная надъ зеркаломъ рѣки,—
 Какъ лебедь, ослаѣпленный блѣзною
 И полный удивленья и тоски.

III.

ОДНОДНЕВКА.

Я живу своей мечтой
 Въ дымкѣ нѣжно-золотой,
 Близъ уступовъ мертвыхъ скалъ,
 Тамъ, гдѣ вѣтеръ задремалъ.

Весь я сотканъ изъ огня,
 Я лучистый факель дня,
 Въ дымкѣ утренней рожденія,
 Къ свѣтлой смерти присужденія.

Однодневкой золотой
 Вьюсь и рѣю падь водой,
 Вижу Солнце, вижу свѣтъ,
 Всюду чувствую привѣтъ.

Только умеръ, вновь я живъ,
 Чуть шепчу въ колосьяхъ пивъ,
 Чуть звеню волной ручья,
 Слышу откликъ соловья.

Вижу взоры красоты,
 Слышу голосъ: „Милый! Ты?“
 Вновь спѣшу въ любви сгорѣть,
 Смертью сладкой умереть.

IV.

ИЗЪ-ЗА ДАЛЬНИХЪ МОРЕЙ.

Изъ-за дальнихъ морей, изъ-за синихъ громадъ,
Изъ-за горъ, где шумитъ и гремитъ водопадъ,
Въ твой альковъ я цвѣтовъ принесу для тебя,
Зацѣлую, любя, заласкаю тебя.

А когда, отгорѣвъ, поблѣдѣтъ луна,
И отъ жгучаго сна заалѣтъ Весна,
Задрожишь ты, какъ тѣль, пробужденье гоня,
И, краснѣя весь день, не забудешь меня.

V.

НѢТЬ И НЕ БУДЕТЬ.

Какъ намъ отрадно задуматься въ сумеркахъ свѣтлыхъ вдвоемъ!
Тѣнь пролетѣвшаго ангела вижу во взорѣ твоемъ.

Сердце трепещетъ восторженно вольною радостью птицъ.
Вижу блаженство, сокрытое бархатной тѣнию рѣсницъ.

Руки невольно касаются мылыхъ сочувственныхъ рукъ
Призраки мирпаго счастія кротко столпились вокругъ.

Бѣлыми свѣтлыми крыльями вѣютъ и рѣютъ во мглѣ.
Какъ намъ отрадно проникнуться правдой Небесъ на Землѣ!

Нѣть, и не будетъ, и не было сердца нѣжнѣй твоего,
Нѣть и не будетъ и не было, кромѣ тебѣ, ничего.

Вотъ, мы блаженны, какъ ангелы, вотъ мы съ тобою вдвоемъ.
Другъ мой, какое признаніе вижу во взорѣ твоемъ!

VI.

ДО ПОСЛѣДНЯГО ДНЯ.

Быть-можеть, когда ты уйдешь отъ меня,
Ты будешь ко мнѣ холоднѣй.
По цѣлую жизнь, до послѣдняго дня,
О, другъ мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новыя страсти придутъ,
Съ другимъ ты забудешься вновь.
Но въ памяти прежніе образы ждуть,
И старая тлѣтъ любовь.

И будетъ мучительно-сладостный мигъ:—
Въ лучахъ отлетѣвшаго дня,
Съ другимъ заглянувш въ бессмертный родникъ,
Ты вздрогнешь—и вспомнишь меня.

VII.

АЛАЯ И БѣЛАЯ.

1.

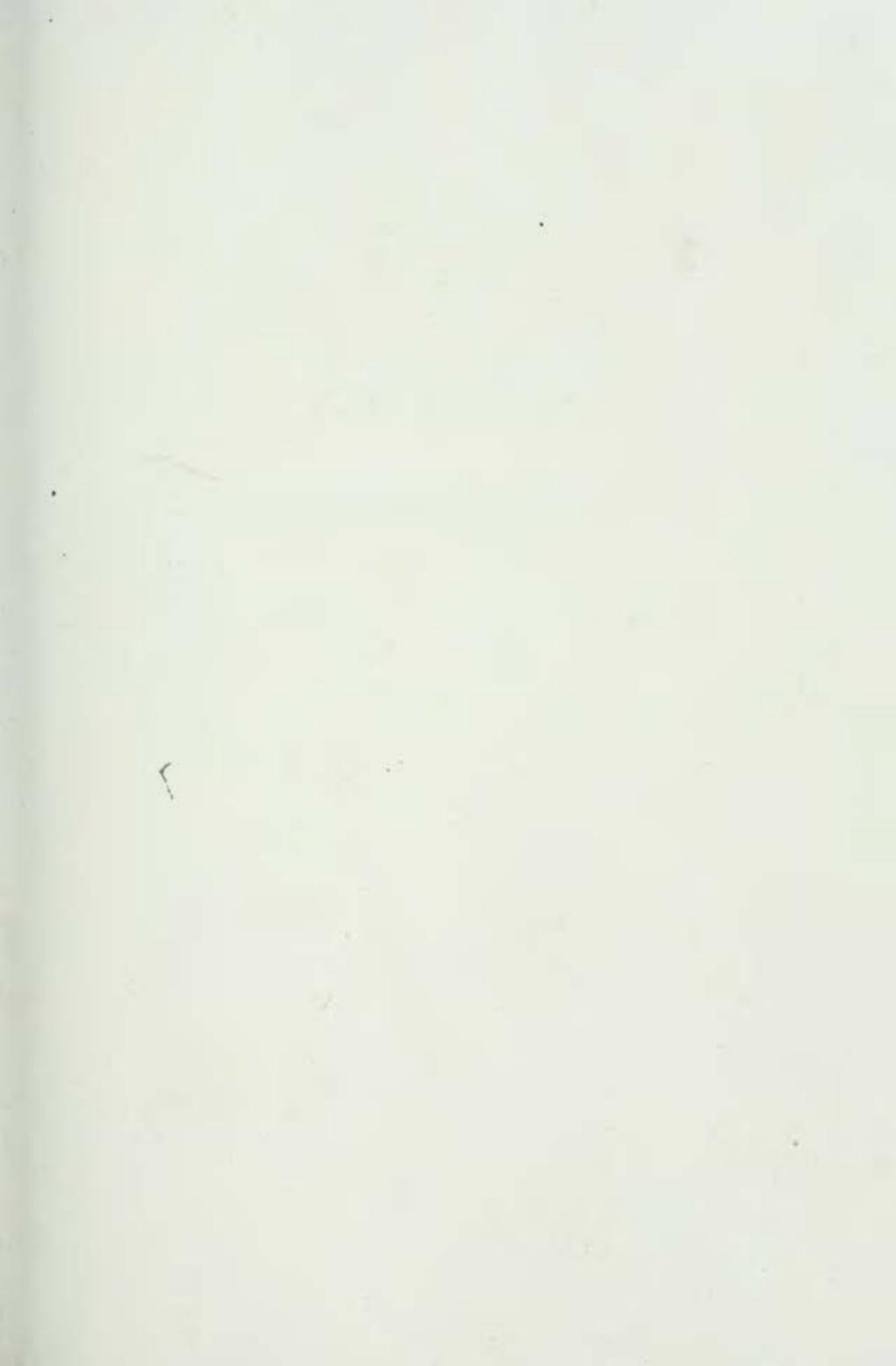
Мы встрѣтились молча. Закатъ умиралъ запоздалый.
Весь міръ былъ исполненъ возникшей для насъ тишиной.
Две розы раскрылись и всыхнули грезой усталой,—
Одна—озаренная жизнью, съ окраскою алой,
Другая—горящая спѣжной нѣмой бѣлизной.

И вѣтеръ промчался. Онъ сблизилъ ихъ пышныя чаші.
 Мы сладко любили на склонѣ предсмертнаго дна.
 Какъ сладко дышали сердца и созвучія наши!
 Чѣд въ мірѣ рождалось воздушпѣе, сказочнѣй, краше!
 Зачѣмъ, о, зачѣмъ же закрылась ты—прежде меня?

2.

Я свернула свѣтлыя одежды,
 Я погасла вмѣстѣ съ краской дни.
 Для меня поблекли всѣ надежды,
 Мне такъ сладко спать, закрывши вѣжды,—
 Для чего ты дышешь на меня!

Дышешь сладкимъ ядомъ аромата,
 Будиши въ сердцѣ прежніе огни...
 Я, какъ ты, была жива когда-то,
 Къ радости для сердца лѣтъ возврата...
 Будь какъ я! Забудь! Умри! Усни!

МГНОВЕНИЯ ПРАВДЫ

Кто часто бываетъ среди людей, того не
могутъ посѣщать ангелы.

Сульпций Северъ

I.

ЗОВЪ.

Есть правдивыя мгновенья,
Сны, дающіе забвенье,
Лучъ надъ бездной вѣчно-зыбкой,
Взоры съ кроткою улыбкой.

Въ темной почѣ этой жизни
Дышетъ зовъ къ иной отчизнѣ.
Звонъ заоблачныхъ соборовъ,
Ткань свѣтлой земныхъ узоровъ.

Есть намекъ на Миръ Святыни,
Есть оазисы въ пустынѣ,
Счастливъ тотъ, кто ждетъ участья,
Счастливъ тотъ, кто вѣрить въ счастье.

Все, на чемъ печать мгновенія,
Брызжетъ свѣтомъ откровенія,
Вѣтъ жизнью вѣчно-цѣльной,
Дышетъ правдой запредельной.

II.

ПОЗАБЫТОЕ.

Мечтой упошусь я къ мѣстамъ позабытымъ,
Къ холмамъ одинокимъ, дождями размытымъ,
Къ далекимъ, стоекимъ, родимымъ планетамъ,
Что свѣтять сквозь вѣти таинственнымъ свѣтомъ.

Я вновь удаляюсь къ первичнымъ святынямъ,
Гдѣ дремлютъ купавы на озерѣ синемъ,
Гдѣ застыши въ рощѣ и дышутъ, и светятъ,
И если ихъ спросишь,—слезами отвѣтятъ.

Мнѣ чудятся всплески, и запахъ фіалокъ,
И эхо отъ звонкаго смѣха русалокъ,
Мнѣ слышится голосъ умершей печали,—
И стономъ за склономъ отвѣтствуютъ дали.

III.

РЕЗИГНАЦІЯ.

Звучная волна забытыхъ сочетаній,
Шепчущій родникъ давно-умолкшихъ дней,
Стонъ утихнувшихъ страданій,
Свѣть угаснувшихъ огней,
Съ вами говорю въ тѣни воспоминавій,
Съ вами я дышу и глубже, и полнѣй!

Близу я цветы заброшенаго сада,
Липы вѣковыя, сосны, тополя.

Здѣсь навѣкъ остаться надо,
Здѣсь привѣтливы поля.

Съ сердцемъ говорить церковная ограда,
Кладбища родного мирная земля.

О, не отдавайся мыслямъ недовольнымъ!
Спи, волненье лживо, и туманна даль.—

Все любилъ ты сердцемъ вольнымъ,
Полюби свою печаль,—

Отзвѣтать надежды звономъ колокольнымъ,
И тебѣ не будетъ отжитого жаль.

IV.

ПАУТИНКИ.

Если вечеръ настанетъ и длинныя, длинныя
Паутинки, летая, блистаютъ по воздуху,
Вдругъ запросятся слезы изъ глазъ безпричинныя,
И стремишись изъ компаты къ волѣ и къ отдыху.

И, мгновенію отдавшиесь, какъ тѣнь, преклоняешься,
Удивляешься Солнцу, за лѣсомъ уснувшему,
И съ безмолвіемъ страннаго міра сливаешься,
Уходя къ незабвенному, къ счастью минувшему.

И проходишь мечтою аллеи старинныя,
Гдѣ въ вечернемъ сіяніи ждалъ неизвѣстнаго
И ребенкомъ слѣдилъ, какъ проносятся длинныя
Паутинки воздушныя, тѣни Чудеснаго.

V.

ТИШИНА.

Чуть блѣднѣютъ яятари
Нѣжно-палевої зари.
Всюду ласковая тишина,
Спать купавы, спить камышь.

Задремавшая рѣка
Отражаетъ облака,
Тихій, блѣдный свѣтъ небесъ,
Тихій, темный, сонный лѣсъ.

Въ этомъ царствѣ тишины
 Вѣять сладостные сны,
 Дышеть ночь, смѣняя день,
 Медлить гаснущая тѣнь.

Въ эти воды съ вышины
 Смотрѣть блѣдный серпъ Луны,
 Звѣзды тихій свѣтъ струятъ,
 Очи ангеловъ глядятъ.

VI.

ЛУННАЯ НОЧЬ.

СОНЕТЪ.

Когда я посмотрѣль па блѣдную Луну,
 Она шепнула мнѣ: „Сегодня спать не надо“.
 И я ушелъ вкушать ночную тишину,
 Меня лелѣяла воздушная прохлада.

Деревья старыя заброшенаго сада,*
 Казалось, видѣли во снѣ свою весну,
 Была полна мечты ихъ смутная громада,
 Застылъ недвижный дубъ, ласкающей сосну.

И точно таинство безмолвное свершалось:
 Въ высотахъ облачныхъ печалилась Луна,
 Улыбкой грустною на что-то улыбалась.

И вдругъ открылось мнѣ, что жизнь моя темна,
 Что юность быстрая, какъ легкій сонъ, умчалась,—
 И плакала со мной почтая тишина.

VII.

ЗИМНИЙ ДЫМЪ.

Дымъ встаетъ, и къ бѣлой крыши
Подъ упорствомъ вѣтра льнетъ.
Встало Солнце. Вѣтеръ тише.
Дымъ воздушный отдохнетъ.

Будетъ ровной полосою
Восходитъ, какъ ейміамъ.
Вѣчно-тающей красою
Къ вѣчно-синимъ Небесамъ!

VIII.

ВЪ ЧАЩѢ ЛѢСА.

Дальнее, синее,
Небо свѣтлѣется,
Въ сѣткѣ изъ линей
Ясно виднѣется,
Сипее, синее.

Тихое счастіе
Въ синей Безбрежности,
Проблескъ участія,
Чайные пѣжиости,
Кроткое счастіе.

Счастье забвения—
 Тамъ въ безирефельности,
 Свѣтъ откровенія,
 Въ бездиѣ безцѣльности—
 Цѣльность забвения.

IX.

ГАВАНЬ СПОКОЙНАЯ.

Гавань спокойная. Гулъ умирающій.
 Звонъ колокольный, съ небесъ долетающій.
 Алгеловъ мирныхъ певческое пѣніе.
 Радость прозрачная. Сладость забвения.

Горъ отдаленныхъ вершины узорныя,
 Алые, бѣлые, темные, черные.
 Созданный духами ярко-пѣвучими,
 Радуги сводъ надъ огромными тучами.

Сладко-печальная, мгла полусонная,
 Тихой вечерней звѣздой озаренная.
 Богомъ открытая правда мгновенія.
 Буря умершага. Свѣтъ и забвение.

X.

ВЪ ПРОСТРАНСТВАХЪ ЭОИРА.

Въ прозрачныхъ пространствахъ Эоира,
 Надъ сумракомъ дольного міра,
 Надъ шумомъ забытой мятежи,
 Два свѣтлые духа летѣли.

Они отъ земли удалялись,
И звѣздамъ чутъ слышно смѣялись,
И съ Неба они увидали
За далѣми новыя дали.

И стихли они понемногу,
Стремясь къ неизмѣнному Богу,
И слышали новое эхо
Иного чутъ слышнаго смѣха.

Съ Земли ихъ никто не примѣтилъ,
Но сумракъ вечерній былъ свѣтель,
Въ тотъ часъ какъ они надъ Землею
Летѣли, покрыты мглою.

Съ Земли ихъ никто не увидѣлъ,
Но доброго злой не обидѣлъ,
Въ тотъ часъ какъ они увидали
За далѣми новыя дали.

XI.

ПРАВДА.

А правда пошла по поднебесью.
Изъ Голубиной книги.

Кривда съ Правдою сходилась,
Кривда въ спорѣ верхъ взяла.
Правда въ Солице превратилась,
Въ мірѣ чистый свѣтъ зажгла.

Удалилась къ поднебесью,
Бросивъ Кривду на землю,
Свѣтить лугу, перелѣсью,
Жизнь рождаетъ въ мертвой мглѣ.

Съ той поры до днѣй текущихъ
Только Правдой и жива
Межъ цвѣтовъ и травъ цвѣтующихъ
Жизни грусть, плакунь-трава.

Съ той поры на сивемъ Морѣ,
Тамъ, гдѣ валь пепобѣдимъ,
Правды ждеть съ огнемъ во взорѣ
Штица мощиал Стратимъ.

И когда она протянетъ
Два могучія крыла,—
Солнце встанетъ, Море грянетъ:
„Правда, Правда въ міръ пришла!“

XII.

СОНЪ.

Впемлите, смертные Земли,
Я Тотъ, Кто былъ, Кто есть, Кто будеть,
Чьи мысли бездну звѣздъ зажгли,
Кто блѣдной травки не забудеть.

Любите, смертные, Меня,
Свою мечту Боготворите,
Молитесь Митрѣ въ блескѣ дня,
И почюю пойте гимнъ Танитъ.

Зовите тысячью именъ
Того, Кто сердце вамъ пробудить,
Боготворите свѣтлый Сонъ,
Который былъ, и есть, и будетъ.

XIII.

НЕЯСНАЯ РАДУГА.

Неясная радуга. Звѣзда отдаленная.
Долина и облако. И грусть неподѣльная.
Легенда о счастіи, борьбой возмущенная.
Лазурь неопытная, пѣмая, безбрежная.

Зарница певѣрная. Печаль многострунная.
Цвѣты нерасцвѣтшіе. Волненіе безпѣльное.
Мечта запоѣдная, туманная, лунная.
И Море безсонное, какъ сонъ—безпредѣльное.

Видѣнья прозрачныя и прозрачно-нѣжныя.
Стыдливаго ангела призналья несмѣшныя.
Стремленіе къ дальнему. Поля многоспѣшныя,
Застывшія, мертвыя,—и блѣдныя, блѣдныя.

XIV.

„ИРОСТИ!“

Кто услышалъ тайный ропотъ Вѣчности,
Для того беззвучень міръ земной,—
Чья душа коснулась безконечности,
Тотъ павѣкъ пропикся тишиной.

Передъ нимъ видѣнья сокровенныя,
Вокругъ него безбрежность свѣтлыхъ сновъ,
Легче тучекъ, тихія, мгновенныя,
Легче грезы, музыка безъ словъ.

Онъ не будеть жаждать избавленія,
Онъ его пашель на днѣ души,—
Это въ Морѣ часъ успокоенія,
Это парусъ, дремлющій въ тиши.

Бѣлый парусъ, въ синихъ даляхъ тающій,
Какъ „Прости“ всего, что Рокъ унесъ,
Какъ привѣтъ, въ послѣдній разъ блистающій,
Чтобъ угаснуть, тамъ—вдали—безъ слезъ.

У развалинъ Помпей.
Осень, 1877.

9.

АККОРДЫ

Concord in discord...

John Ford

Еднство въ разногласіи...

Джонъ Фордъ

I.

АККОРДЫ.

C'est un phare allumé sur mille citadelles.

Baudelaire.

Ми^х снился мучительный Гойя, художникъ чудовищныхъ грезъ,—
Больная насмѣшка надъ жизнью,— падъ царствомъ могилы вопросъ.

Ми^х снился бессмертный Веласкесъ, Козльо, Мурильо святой,
Создавшій воздушность и холодъ и пламень мечты золотой.

И Винчи, спокойный, какъ Гете, и свѣтлый, какъ сонъ, Рафаэль,
И нѣжный какъ вздохъ, Боттичелли, нѣжнѣй, чѣмъ веспою свирѣль.

Ми^х снились волхвы откровеній, любимицы грядущихъ временъ,
Воззванья влекущихъ на битву, властительно-яркихъ знамень.

Памеки на сверхчеловѣка, обломки нездѣшнихъ міровъ,
Аkkорды бездонныхъ значеніемъ, еще не разгаданныхъ сновъ.

II.

ТРИ СИМВОЛА.

Явились въ міръ уже давно,—въ началѣ
Наивныхъ и мечтательныхъ временъ,—
Вѣнчаний змѣй, собака, скорпіонъ,
Три символа въ Персидскомъ ритуалѣ.

Вънчанный змѣй—коварство и обманъ,
И скорпіонъ—источникъ разрушенья,
Ихъ создалъ грозный царь уничтоженья,
Властитель зла и ночи, Ариманъ,

Но противъ духовъ тьмы стоитъ собака.
Ее Ормуздъ послалъ къ своимъ сынамъ,—
Когда весь міръ уснетъ, уступитъ сномъ,
Она не спить среди почного мрака.

Иничтоженъ скорпіонъ, безсиленъ змѣй,
Всевластенъ свѣтъ лучистаго владыки,
Во тьмѣ ночной звучать надъ міромъ клики:
„Я жду! Будь твердъ! Я жду! Благоговѣй!”

III.

МУЗЫКА.

Мы слышимъ воздушное пѣнье чудесной игры,
Не видя поющаго намъ серафима.
Вздыхаемъ подъ тѣнью гигантской горы,
Вершина которой для нашего духа незрима.

И чувствуемъ смутно, что, еслибы душой мы могли
Достичь до вершины, далекой и сиѣжной,
Тогда бы—загадки печальной Земли
Мы поняли лучше, упившись мечтою безбрежной.

Но пѣть, мы бесплодны, закрыта звенящая даль,
И звуки живые скорбятъ, умирая,
И въ сердцѣ обманутомъ илачетъ печаль,
И, гаснуть, чутъ вспыхнувъ, лучи недоступнаго Рая.

IV.

СПЯЩАЯ МАДОННА

САССОФЕРРАТО, ВЪ МУЗЕѢ БРЕРА, ВЪ МИЛАНѢ.

Сонномъ духовъ окруженнай,
Въ яркомъ свѣтѣ чистоты,
Тихимъ вѣхремъ вознесеннай
За предѣлы высоты,
Надъ успившимъ полусонной,
Матерь Бога, это Ты!

Въ безгрѣховности зачавшая,
Вѣчно-дѣвственная Мать,
Сына свѣтлого пославшая
Смертью новый свѣтъ создать,
Всей душою пострадавшая,
Какъ могла лишь мать страдать!

Неразсказанныя геніемъ,
Неписчаранность мечты,
Сонъ, зовущій къ сновидѣніямъ,
Просвѣтленныя черты,
Вѣчный лучъ надъ вѣчнымъ тѣлѣніемъ,
Матерь Бога, это Ты!

V.

ПРЕДЬ КАРТИНОЙ ГРЕКО

ВЪ МУЗЕѢ ПРАДО, ВЪ МАДРИДѢ.

1.

На картинѣ Греко вытянулись тѣни.
Длинныя, восходяль. Неба не достать.
„Гдѣ же намъ найти воздушныя ступени?
Какъ же намъ пути небесные создать?“

Сумрачный художникъ, ангель возмущенный.
Неба захотѣль ты, въ Небо ты вступилъ,—
И, съ высотъ пизвергнуль, Богомъ побѣжденный,
Ужасомъ безумья дерзость искунилъ.

2.

Да, по безумье твое было безумье священное,
Міръ для тебя превратился въ тюрьму,
Ты разлюбилъ все земное, невѣрное, плѣнное,
Взоръ устремляль ты лишь къ высшему Сиу своему.

Да, всѣ монахи твои—это не тѣни согбенные,
Это не темные сонмы рабовъ,
Лица ихъ страшныя, между другихъ—удлиненнѣя,
Съ жадностью танутся къ высшей разгадкѣ міровъ.

VI.

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

Отчаянье истерзанной души,
 Въ свидѣтели тебя я призываю,
 Что я не спалъ въ изнѣженной тиши,
 Что я не шелъ къ заманчивому Раю.

Я свѣтлого покоя не хотѣль,
 Боясь забыть о тѣхъ, на комъ проклятье,
 Меня манилъ мучительный удѣль.
 Меня влекли отверженные братья.

Нѣ ангелы, а демоны со мной
 Печальную дорогу совершили,
 И дни мои въ обители земной
 Развѣялись, какъ груда темной пыли.

VII.

КАМЕЛ.

Клеопатра, полновластная царица,
 Сонь Египетскихъ ночей,
 Чаровница и блудница,
 Озаренная сияньемъ ускользающихъ лучей.

Ты окутана пемеркнущей славой,
И донынѣ сохранилъ,
Отблескъ славы величавой

На волнахъ своихъ дѣлиевыхъ плодоносный сонный Нилъ.

Дочь падмениаго владыки Петромея,
Я дарю тебѣ свой стихъ,
Потому что ты, камея,
И въ любви и въ самой смерти непохожа на другихъ.

VIII.

ПЛАМЯ.

Нѣтъ. Уходи скорѣй. Къ восторгамъ не зови.
Любить?—Люби, убить,—вотъ красота любви.
Я только мигъ люблю, и удаляюсь прочь.
Со мной былъ яркій день, за мной клубится ночь.

Я не люблю тебя. Минъ жаль тебя губить.
Бѣги, пока еще ты можешь не любить.
Какъ жерновъ буду я для полудѣтскихъ плечъ.
Свѣтить и грѣть?..—Уйди! Могу я только жечь.

IX.

ПОЛУРАЗОРВАННЫЯ ТУЧИ.

Полуразорванныя тучи
Плынутъ надъ жадною землей,
Они, спокойны и могучи,
Поять весь міръ холодной мглой.

Своими взмахами живыми
Они даютъ и дождь, и тѣнь,
Они стрѣлами огневыми
Сжигаютъ избы деревень.

Есть души въ мірѣ—тѣ же тучи,
Для нихъ земля—какъ сонъ, какъ твердь;
Они, спокойны и могучи,
Даруютъ жизнь, даруютъ смерть.
Рабы мечты и сладострастия,
Въ себѣ лелеютъ даръ пѣвца,
Они наявъкъ приносятъ счастье,
И губить, губить безъ конца.

Х.

КОГДА ЖЕ?

О, жизни волненье! О, свѣтъ и любовь!
Когда же мы встрѣтимся вновь?
Когда я узнаю не сны наяву,
А радостный возгласъ: „Живу!”

Мы дѣтство нѣ любимъ, отъ Солнца ушли,
Забыли велиныя Земли,
И, сердце утративъ, отдавшись мечтѣ,
Слѣпые, мы ждемъ въ пустотѣ.

Отступники между уставшихъ враговъ,
Мы видимъ лишь гробъ и альковъ,
Холодное пламя угасшихъ свѣтилъ.
Надъ царствомъ цвѣтовъ и могиль.

XI.

АНГЛИЙСКИЙ ПЕЙЗАЖЪ.

Въ отдаленлой дымкѣ утопая,
Привидѣньями деревья стали въ рядъ.
Чуть замѣтина дымка голубая,
Чуть замѣтныя огни за ней горятъ.

Воздухъ полонъ тающей печалью,
Все предчувствіемъ пеяснымъ смущено.—
Чтѣ тамъ топетъ? Чѣ за этой далью?
Тамъ какъ въ сердцѣ отуманенномъ темно!

Точно щупоть почи раздается,
Точно небо наклонилось надъ землей
И надъ неї, беззвучное, смеется,
Все какъ саваномъ окутанное мгло.

XII.

ВЪ ОКСФОРДѢ.

Словно усыпны хлошьями сиѣга,
Искрятся яблони, маѣ въ цвѣтахъ.
Вѣтеръ, о вѣти ударивъ съ разбѣга,
Шепчетъ и прячется въ дальнихъ кустахъ.
Въ паркѣ мечтательномъ лунала иѣга,
Лунныя ласки дрожать на листахъ.

Съ башенъ доносится бой колокольный,
Дремлють колледжи въ объятьяхъ тѣней.
Сладостный часъ для души недовольной,
Стройныя мысли сiletаются въ ней,
Къ небу уходить отъ горести дольной,
Бѣглость минутъ выступаетъ яснѣй.

Дышутъ деревья, ихъ пышность нетленна,
Грезятъ колледжи о Среднихъ Вѣкахъ.
Замнія думы промчатся мгновенно,
Воды проспятся въ родныхъ берегахъ.
Время проходить, мечта неизмѣнна,
Наше грядущее въ нашихъ рукахъ.

XIII.

ВЕЧЕРЪ.

Удвоены влагой сквозною,
Живя неземной близною,
Купавы на небо глядять.
И дремлють прибрежныя травы,
И впемлють ихъ вздохамъ купавы,
Но съ пими вздохнуть не хотять.

На озерѣ, тихомъ и сонномъ,
Наскучивъ путемъ раскаленнымъ,
Качается огненный дикъ,—
То Солнце, зардѣвшись закатомъ,

На озеръ, нѣгой объятомъ,
Леѣтъ лучистый двойникъ.

И тучка,—воздушная нѣга,—
Воздушнѣй нагорнаго снѣга,
На воды глядить съ вышины;
Охвачена жизнью двойною,
Сквозя неземной бѣлизною,
Чуть дышать въ улыбкѣ волны.

Сіесфордъ.
Весна, 1897.

XIV.

РУЧЕЙ.

Вильяму Р. Морфилю.

„Кто печаль развѣялъ дымкой?
„Кто межъ тучекъ певидимкой
„Тусклый мѣсяцъ засвѣтилъ?
„Кто, шурша травой густою,
„Возмущаетъ надъ водою
„Точко дальний дымъ кадилъ?“

„Чья печаль въ твоемъ журчаньи?
Я спросилъ въ ночномъ молчаньи
У авенящаго ручья.
„Чья печаль въ росѣ блестящей,
И въ осокѣ шелестящей?“
Миѣ ручей сказалъ: „Ничья!“

„Отчего же такъ печальнъ,
„Такъ уныло-музыкальны

„Трепетанья быстрыхъ водъ?“
 „Я пою!“ ручей отвѣтилъ.
 „Я всегда пѣвучъ и свѣтель,
 „Я всегда бѣгу впередъ!“

XV.

КРЫМСКАЯ КАРТИНКА.

Все сильнѣе горя,
 Молодая заря
 На цветы уронила росу.
 Гуль въ лѣсу пробѣжалъ,
 Горный лѣсъ задрожалъ,
 Зашумѣлъ между скалъ водопадъ Учанъ-Су.
 И горячъ, и могучъ,
 Вспыхнулъ солнечный лучъ,
 Протянулся, дрожитъ, и цѣлуетъ росу,
 Поцѣлуй его жгучъ,
 Онь сверкаеть въ лѣсу,
 Тамъ, где гуль такъ пѣвучъ,
 Онь цѣлуетъ росу,
 А межъ сосенъ шумитъ и журчитъ Учанъ-Су.

XVI.

ВЪ ОКРЕСТИОСТЯХЪ МАДРИДА.

Ты глядѣла мнѣ въ душу съ улыбкой богини.
Ты со мною была, но была на картины.

Ты собой создавала видѣнья Искусства,
Озаренное пламенемъ яркаго чувства.

Мы стремились къ горамъ изъ Испанской столицы.
Мы съ тобой улетали, какъ вольныя птицы.

И дома чутъ видѣлись, въ лучахъ утопая.
И надъ нами раскинулась ширь голубая.

И предъ нами предстала вдали Гвадаррама,
Какъ преддверье воздушнаго бѣлаго храма.

XVII.

МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Мечтательный вечеръ надъ лѣсомъ дышалъ безмятежно,
Отъ новой Луны протянулась лучистая нить,
И первыя звѣзды мерцали такъ слабо и пѣжно,
Какъ будто бы вѣтеръ чутъ слышній ихъ могъ погасить.

И было такъ странно, и были такъ сказочны ели,
 Какъ мертвая сталь, холода поверхность рѣки,
 О чёмъ-то невпятномъ, о чёмъ-то печальному, безъ цѣли,
 Какъ будто бы пѣли надъ влажнымъ пескомъ тростники.

И въ блѣдномъ объятыи двѣ тѣни родныхъ дрожали,
 И каждой хотѣлось въ другой о себѣ позабыть,
 Какъ будто бы можно въ блаженствѣ не вѣдать печали,
 Какъ будто бы сердце людское способно любить!

XVIII.

* * *

Отъ послѣдней улыбки луча
 На горахъ засвѣтилася нѣга,
 И родились, блестя и журча,
 Два ключа изъ нагорнаго сиѣга.

И, сбѣгая съ вершины горы,
 Обнималась въ восторгѣ единомъ,
 Устремились въ иные міры,
 Къ отдаленнымъ лугамъ и долинамъ.

И въ одинъ сочетались ключъ,
 Опъ бѣжалъ, прорѣзая узоры.
 Но отъ мрака разгнѣванныхъ тучъ
 Затуманились хмурья горы.

И послѣдняя ласка луча
 Потонула въ туманной печали.
 И холодныя капли ключа
 На остывшую землю упали.

XIX.

* * *

Гдѣ-то волны отзучали,
 Волны, полныя печали,
 И въ отвѣтъ
 Шепчетъ вѣтеръ перелетный,
 Беззаботный, безотчетный,
 Шепчетъ вѣтеръ перелетный,
 Что на свѣтѣ горя нѣть.

XX.

АМАРИЛЛИСЪ.

Амариллисъ, блѣдная свѣтлаца!
 Какъ пажданно сердце миѣ смутили
 Ласки мимолетнаго обмана,
 Чашечки едва раскрытыхъ лилій.
 О, какъ сладко свѣтлое незнанье!
 Долго ли продлится обаяніе,
 Много-ль золотистаго тумана,
 Сколько будеть жить моя свѣтлаца?

Призракъ упований запредѣльныхъ,
 Тайна предразсвѣтнаго мечтанья,
 Радостей прозрачныхъ и безцѣльныхъ,—
 Съ чѣмъ тебя сравнию изъ мірозданья?
 Съ ландышемъ сравнишь тебя не смѣю,
 Молча, амариллисъ я лелѣю.
 Стройная плѣнительностью стана,
 Блѣдная воздушная свѣтлаца!

XXI.

И ТЫ ИЗМѢНИЛА.

И ты измѣнила,
 Не черной измѣной,
 Но быстрою смертью своей красоты.
 Ушла, какъ свѣтило,
 Развѣялась пѣной,
 Померкла, какъ пѣсня, во мглѣ пустоты.

Цвѣты, расцвѣтая,
 Нѣмой красотою
 Привѣтствуютъ Вѣчность и вянуть во снѣ.
 И пыль золотая
 Летить надъ водою,
 И таеть и тонеть въ чужой глубинѣ.

Я жаждаль сліяния
 Съ лучомъ откровенія,
 Созвучія встрѣчи съ безсмертной душой.
 Но пѣть обаянья,
 Погасло мгновеніе,
 И смертному смертный—павѣки чужой.

XXII.

КЪ ШЕЛЛИ.

Мой лучший братъ, мой свѣтлый гений,
Съ тобою слился я въ одно.
Межъ нами цѣль однихъ мученій,
Однихъ небесныхъ заблужденій
Всегда-лучистое звено.

И я, какъ ты, люблю равнину
Беабрежныхъ стопущихъ морей,
И я съ душою андрогини,
Нѣжнѣй, чѣмъ лилія долины,
Живу какъ тѣнь среди людей.

И я, какъ свѣтъ, вскормленный тучей,
Блистаю вспышкой золотой.
И миѣ открыть аккордъ пѣвучий
Неумирающихъ созвучий,
Рожденныхъ вѣчной Красотой.

КОШМАРЫ

For like an eyeless night-mare girt did sit
Upon his being...

Shelley

Потому что печаль, какъ безглазый кошмаръ, написла надъ его существованія...

III

I.

УЗОРНОЕ ОКНО.

На блѣдно-лазурномъ стеклѣ
 Расписаны ярко узоры.
 Цвѣты наклонились къ землѣ,
 Скала убѣгаетъ къ скалѣ,
 И видно, какъ дремлютъ во мглѣ
 Далекія свѣжныя горы.
 Но что за высокимъ окномъ
 Горитъ неразсказаннымъ спомъ,
 И краски сливаютъ въ узоры?

Не дышеть ли тамъ Красота
 Въ мерцаніи мира и лѣни?
 Всхожу,—и блѣдишь мечта,
 Къ печали ведетъ высота,
 За яркимъ окномъ пустота,—
 Меня обманули ступени.
 Все дремлетъ въ нѣмой полумглѣ,
 И только на мертвомъ стеклѣ
 Играютъ бѣдущія тѣни.

II.

ПРОЙДУТЬ ВѢКА ВѢКОВЪ.

Проидутъ вѣка вѣковъ, толпы тысячелѣтій,
 Какъ туча саранчи, съ собой несущей смерть,
 И въ быстромъ ропотѣ испуганныхъ столѣтій
 До горькаго конца пребудетъ та же твердь,—

Нѣмая, мертвая, отвергнутая Богомъ,
Живущимъ далеко въ беззвѣздныхъ небесахъ,
Въ дыханыи Вѣчности, за гралью, за порогомъ
Всего понятнаго, горящаго въ словахъ.

Всегда-холодная, пустыня звѣздъ надъ нами
Останется чужой до горькаго конца,
Когда она надеть кометными огнями,
Какъ брызги слезъ иѣмыхъ съ печальнаго лица.

III.

ВѢЦІЙ СОНЪ.

СОНЕТЪ.

Какъ вѣцій сонъ волшебника-Халдея,
Въ моей душѣ стонть одна мечта.
Пустыня Мира дремлетъ, холодъ,
Въ Пустынѣ Мира дремлетъ Красота.

Отъ сѣжныхъ горъ съ высокаго хребта
Гигантская восходитъ орхидея,
Надъ ней отраной дышать пустота,
И гаснуть звѣзды, въ сумракѣ рѣдъя.

Лазурный сводъ, безбреженъ и глубокъ,
Но въ глубь его зловѣще-тусклымъ взглядомъ
Глядѣть—глядѣть чудовищный цвѣтокъ,

Вале́дъянинъ желанъемъ, полныи ядомъ,
И далеко—тѣснить нѣмой просторъ
Оплоты Мира, глыбы мертвыхъ горъ.

IV.

“БОГЪ НЕ ПОМНИТЬ ИХЪ...”

Въ тускломъ беззвучномъ Шеолѣ
Дремлють безъ сновъ рефаймы,
Тѣни умершихъ на волѣ,
Мертвай певолей храпимы.

Память склонилась у входа,
Къ темной стѣнѣ привадая.
Нѣть имъ ни часа, ни года,
Нѣть имъ призывовъ Шаддая

Въ черной подземной пустынѣ
Мертвые спятъ караваны,
Спятъ вѣковыя твердыни,
Богомъ забытыя страны.

V.

СФИНКСЪ.

Среди песковъ пустыни вѣковой,
Безмолвный Сфинксъ царить на фонѣ ночи,
Въ лучахъ Луны гигантской головой
Встаетъ, ростетъ,—глядѣть, не впя, очи.

Съ отчаяньемъ живого мертвца,
Восрессшаго въ безвременной могилѣ,
Здѣсь бился рабъ, томился безъ конца,—
Рабы кошмаръ въ гранитѣ воплотили.

И замыселъ чудовищной мечты,
Средь Вѣчности, всегда однообразной,
Возсталъ какъ врагъ обычной красоты,
Какъ сонъ, слѣпой, итѣмой, и безобразный.

VI.

ВЪ ЧАСТЬ ВЕЧЕРНІЙ.

Зачѣмъ въ названыи авѣздѣ отравленные звуки,—
Змѣя, и Скорпионъ, и Гидра, и Вѣсы?
— О, другъ мой, въ царствѣ авѣздѣ все та же боль разлуки,
Тамъ такъ же тягостины мгновенія и часы.

О, другъ мой, плачущій со мною въ часть вечерній,
И тамъ, какъ здѣсь, царить Судьбы и неправый судъ,
Змѣей мерцаетъ ложь, и гидра жгучихъ терній—
Отплата мрачная за радости минутъ.

И потому теперь въ туманности Эвира
Разсыпались огни безвременной росы,
И дышутъ въ темнотѣ, дрожатъ надъ болью Мира—
Змѣя, и Скорпионъ, и Гидра, и Вѣсы.

VII.

РАВНИНА.

Какъ угрюмый кошмаръ исполина,
Поглотивши луга и лѣса,
Безъ конца протянулась равнина,
И краями ушла въ Небеса.

И краями пронзила пространство,
И до звѣздъ прикоснулась вдали,
Затѣнивъ міровое убранство
Монотонной печалью Земли.

И далекія звѣзды застыли
Въ безпрѣдѣльности мертвыхъ Небесъ,
Какъ огни брилліантовой пыли
На лазури предвѣчныхъ завѣсь.

И въ просторѣ пустыни безплодной,
Гдѣ недвиженье кошмаръ міровой,
Только носится вѣтеръ холодный,
Шевеля пожелтѣвшей травой.

ВЪ ЦАРСТВЪ ЛЬДОВЪ

Sit down; and let us
Upon that point fix all our eyes, that point there.
Make a dull silence, till you feel a sudden sadness
Give us new soul.

В. а. и м о н т

Сядите; устремите все наше внимание на ту точку
точку на ту точку. Предадимся мрачному излучению
пока вы не почувствуете, что внезапная скорбь дает
намъ новую душу.

Б. м онтъ

I.

ВЪ ЦАРСТВЪ ЛЬДОВЪ.

1.

Какъ призраки огромные,
Стоять нѣмые льды.
Надт. нами тучи темпня,
Подъ ними глубь воды.

Когда Луна,—гасильница
Туманныхъ блѣдныхъ звѣздъ,—
Небесная кадильница,—
Раскинетъ свѣтлый мостъ,

Раскинетъ мостъ сверкающій
Надъ царствомъ бѣлыхъ льдовъ.—
Пустынею питающей
Идутъ ряды враговъ.

2.

Туманныя видѣкія
Искателей земли
Для жаднаго стремленія
Преграду здѣсь пашли.

И были здесь отвергнуты
Холодною волной,
Отвергнуты, повергнуты
Пустыней ледяной.

Засыпаны бездушными
Цушиками сибговъ,
Покрыты равподушными
Тѣнями облаковъ.

3.

Но разъ въ году, единственный,
Въ ту ночь какъ новый годъ
Рождается таинственный
Изъ безды темныхъ водъ,—

Путями заповѣдными
Покинувъ Океанъ,
Луна горить побѣдными
Лучами сквозь туманъ.

И разъ въ году, единственный,
За граплю мертвыхъ водъ,
За дымкою таинственной
Умершее живеть.

4.

Изъ безды отдаленія,
Искатели земли,
Встаютъ, какъ привидѣнія,
Нѣмые корабли.

И мачтами возносятся
Высоко въ небеса,
И точно въ битву просятся
Сѣдые паруса.

Но снова, караванами,
Растаютъ корабли,
Не встрѣтивъ за тумапами
Невѣдомой земли.

5.

И вслѣдъ за ними,—смутныя
Угрозы царству льдовъ,—
Ростутъ ежеминутныя
Толпы иныхъ враговъ.

То люди первородные,
Избраники Судьбы,
Въ мечтаніяхъ—свободные,
Въ скитаніяхъ—рабы.

Но, вставши на мгновеніе
Угрозой царству льдовъ,
Бѣднѣютъ привидѣнія,
Рѣдѣютъ тѣла сновъ.

6.

Другія первозданныя
Игралища страстей,
Идуть видѣнья странныя,—
Похожи на людей.

Гигантскія чудовища,—
Тяжелый сонъ вѣковъ,—
Идуть искать сокровища,
Завѣтныхъ береговъ.

И въ страхѣ на мгновеніе,
Звучить скала къ скалѣ,—
Но вотъ уже видѣнія
Растаяли во мглѣ.

7.

Безбрежно озаренная
Мерцаніемъ Луны,
Молчитъ пустыня сонца
И вѣчно видеть сны.

И видитъ спы преступные,—
Судьбы неправый судъ.
Но, вѣчно-недоступные,
Оплоты льдовъ ростутъ.

Въ насмѣшку надъ исканьями
Восходить ихъ краса—
Нѣмыми очертаньями
Въ нѣмыя Небеса.

II.

ЧТО СЛЫШНО ВЪ ГОРАХЪ?

„Что ты слышишь въ горахъ?“ ты спросила меня.

„Что ты слышишь въ горахъ?“ я спросилъ. „Расскажи мнѣ сначала.“

„Пробужденье веселаго лѣтняго дня“,
Ты съ улыбкою мнѣ отвѣчала.

„Мелодичное пѣнье альпійскихъ рожковъ,
И блеянье овецъ, и мычанье быковъ,
И журчанье ключей искрометныхъ,
Надъ вершиной безшумный полетъ облаковъ.
Пѣнье птицъ, крахи птицъ перелетныхъ...
Ну, а ты?“

И, задумавшись, я отвѣчалъ:—

„Нѣть, мнѣ слышанъ не шопотъ, а ропотъ,
Ропотъ черной грозы, и раскатный обвалъ,
Точно демоновъ яростный топотъ,
Заблудившихся путниковъ горестный крикъ,
Монотонно-гримящее эхо,
Человѣческихъ воплей отвѣтный двойникъ,
Звукъ чьего-то злораднаго смѣха.
И еще, что слышаю всѣхъ бурь и громовъ,
Что страшию, чѣмъ звонъ долголѣтнихъ сковъ
И тяжелыя муки изгнанья:—
Это—сонъ вѣковыхъ непробудившихъ снѣговъ,
Это—Смерти молчанье...“

III.

МОРСКАЯ ПѢНА.

Какъ пѣна морская, на мигъ возникая,
Погибнетъ, сверкая, растаетъ дождемъ,—
Мы, дѣти мгновенія, живемъ для стремленія,
И въ морѣ забвенья могилу найдемъ.

Зачѣмъ ежечасно, волнуясь напрасно,
Стремимся мы страстно къ обманной мечтѣ?
Зачѣмъ мы рыдаемъ, скользимъ и блестаемъ,
И вновь пропадаемъ въ пѣмой пустотѣ?

О, жизни волненье! Блаженство, мученье!
Нечаль и сомнѣніе! Какъ жалко мнѣ васъ!
Бѣжать бы мнѣ вѣчно, дышать безконечно,
Свѣтиться беспечно въ полуденный часъ!

IV.

ВЪ ЛАБИРИНТЪ.

I.

ПРОХОДИ ПО ЛАБИРИНТУ.

Позабывъ о блескѣ Солнца, въ свѣтѣ призрачныхъ огней,
Проходя по лабиринту безконечныхъ ступеней,
Съ каждымъ шагомъ холодью, съ каждымъ днемъ темнѣе грусть,
Все, что было, все, что будеть, знаю, знаю паизасть.

Было много... Сны, надежды, свежесть чувства, чистота,
А теперь душа измята, извращена, и пуста.
Я усталъ. Весна поблекла. Съ Небомъ порванъ мой завѣтъ.
Тридцать лѣтъ monkъ я прожилъ. Больше молодости нѣтъ.

Я въ безцѣльности блуждаю, въ безпредѣльности грушу,
И, утративъ счетъ ошибкамъ, больше Бога не ищу.
Я хотѣлъ отъ сердца къ Небу перебросить свѣтлый мостъ,—
Сердце прокляло созвѣздья, сердце хочетъ лучшихъ звѣздъ.

Что же мнѣ еще осталось? Съ каждымъ шагомъ холодѣть?
И на все, что просить счастья, съ безучастiemъ глядѣть?
О, послѣдняя надежда, свѣтъ измученной души,
Смерть, усада всѣхъ страданій. Смерть, я жду тебя, спѣши!

2.

ОНА ПРИДЕТЬ.

Она придетъ ко мнѣ безмолвная,
Она придетъ ко мнѣ безстрастная,
Непостижимой нѣги полная,
Успокоятельно-прекрасная.

Она придетъ какъ сонъ таинственный,
Какъ звукъ родной во мглѣ изгнанія,
И сладокъ будетъ мигъ единственный
На грани мрака и сознанія.

Я буду тихимъ, буду радостнымъ,
Извѣдавъ счастье примиренія.
Я буду полоаъ чувствомъ сладостнымъ,
Незъяснимостью забвенія.

Безгласно буду я бесѣдоватъ
Съ моей душою улетающей,
Безгласно буду прощеводовать
О силѣ жизни созидающей,—

О силѣ Правды, не скѣдѣющей
За невозбраними предѣлами,
И падъ үмершимъ тихо вѣющеї
Въ послѣдній разъ крылами бѣлыми.

V.

КОМУ Я МОЛЮСЬ?

Кому я молюсь? Холодному вѣтру.
Кому я молюсь? Равнинѣ морской.
Я братъ це людямъ, а бурѣ и вѣтру,
Я братъ холодной равнинѣ морской.

Куда иду я? Къ горнымъ вершинамъ.
Куда иду я? Къ пустынямъ глухимъ.
Я братъ холодному горючому вѣтру,
Живу одиноко и растаю какъ дымъ.

Чего хочу я? Тьми послѣдней.
 Чего хочу я? Смерти одной.
 Я духъ безстрастный, духъ безпріютный.
 Хочу я дремоты, дремоты ночной.

VI.

О, волны морскія, родная стихія моя,
 Всегда вы свободно бѣжите въ иные края,
 Всегда одиночка въ холодномъ движеньи своемъ,
 А мы безутѣшино тоскуемъ.—одни и вдвоемъ.

Зачѣмъ не могу я дышать и бѣжать, какъ волна,
 Я въ мірѣ одинъ, и душа у меня холодна,
 Я также спѣшу все въ иные, въ иные края,—
 О, волны морскія, родная стихія моя!

VII.

Море—вѣчное стремленье, горы—царственный покой.
 Если ты стремишься къ счастью, вѣрь ладью волнѣ морской:
 Часъ придетъ, волненiemъ вѣчнымъ утомится жадный взоръ,—
 Спи тогда съ разбитымъ сердцемъ въ тихомъ царствѣ мертвыхъ горъ.

VIII.

НА ВЕРШИНЪ.

Я въ горы ушелъ до разсвѣта:—
 Все выше, туда, къ ледникамъ,
 Гдѣ ласка горячаго лѣта
 Лишь снится предвѣчнымъ снѣгамъ,—

Туда, гдѣ холодныя волны
 Еще нерожденыхъ ключей
 Бѣдиють, кристально-безмолвны,
 И грезятъ о чарахъ лучей,—

Гдѣ бѣлые призраки дремлють,
 Гдѣ Время сдержало полетъ,
 И вѣтру звенящему внемлють
 Лишь звѣзды, да тучи, да ледъ.

Я зналъ, что вѣка пролетѣли,
 Для сердца Земля умерла.
 Давно возвѣстили мятели
 О гибели Блага и Зла.

Еще малодушные люди
 Цѣней не хотѣли стражиуть.
 Но съ думой о сказочномъ чудѣ
 Я къ Небу направилъ свой путь.

И топотъ шаговъ неустанныхъ
Окрестное эхо будилъ,
И въ откликахъ звучныхъ и странныхъ
Я грезамъ отвѣтъ находилъ.

И слышалъ я сагу сѣдуя,
Проиѣту Геніемъ горъ,
Я видѣлъ Звѣзу Золотую,
Съ безмолвіемъ вель разговоръ.

Достигъ высочайшей вершины,
И вдругъ мнѣ послышался гулъ:—
Домчавшійся вѣтеръ долины
Печальной пѣсню шепнулъ.

Онъ пѣлъ мнѣ: „Безумный! безумный!
„Я—вѣтеръ долинъ и полей,
„Тамъ праздникъ, веселый и шумный,
„Тамъ воздухъ нежный и теплѣй“.

Онъ пѣлъ мнѣ: „Ты ищешь Лазуря?
„Какъ тучка растаешь во мглѣ!
„И вѣчно небеспѣя бури
„Стремяется къ зеленой Землѣ“.

„Прощай!“ говорилъ онъ. „Хочу я
„Къ долинамъ уйти съ высоты,—
„Тамъ ждутъ моего поцѣлуя,
„Тамъ дышутъ живые цветы.“

„У каждого дома есть ютный,
„Открытый дневному лучу.“

„Прощай, паломникъ безпріютный,
„Спѣшу... Убѣгаю... Лечу!“

Все смолкло. Снѣга хододѣли
Въ мерцанья вечернихъ лучей.
И крупныя звѣзды блестѣли
Печалью нездѣшнихъ очей.

Далекое Небо вздымалось,
Ревливую тайну храни.
И что-то въ душѣ оборвалось,
И льды усыпили меня.

Мѣт чудилось: Колоколь дальний
Съ лазурнаго Неба гудѣлъ,
Все тише, вѣжнѣй и печальнѣй,—
Онъ что-то напомнить хотѣлъ.

И, видя хребты ледяные,
Я понялъ въ тотъ призрачный мигъ,
Что, бросивъ обманы земные,
Я правды Небесъ не достичь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

But now I am an emperor of a world,
This little world of man. My passions are
My subjects.

Tourneur

Но теперь я **властитель** надъ **шѣмы** ми-
ромъ, надъ **стѣны** **малымъ** міромъ **человѣка**.
Мои страсти—мои подданные.

Турнёр

LXXVII.

ДОНЬ-ЖУАНЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ.

1.

La luna llena... Полная луна...
 Иньесь, блѣдна, цѣлуешь, какъ гитана.
 Те амо... амо... Слова тишина...
 Но мраченъ взоръ упорный Донъ-Жуана.

Слова солгутъ,—для мысли нѣть обмана,—
 Любовь людей,—она ему смысна.
 Онъ видѣлъ все, онъ попилъ слишкомъ рано
 Значеніе мечтательнаго сна.

Переходя отъ женщины продажной
 Къ монахинѣ, безгрѣшной, какъ мечта,
 Стремясь къ тому, въ чемъ дышетъ красота,

Ища улыбки глазъ бездонно-влажной,
 Онъ видѣлъ сонъ земли, не сонъ небесъ,
 И жаръ души испытанной исчезъ.

2.

Онъ будетъ мстить. Съ безстрашiemъ пирата
 Онъ будетъ плыть среди бесплодныхъ водъ.

Ни родины, ни матери, ни брата,
Надъ нимъ пависъ враждебный небосводъ.

Земная жизнь—постылый рядъ заботъ,
Любовь—цвѣтокъ, испепеленный аромата.
О, лишь бы плыть—куда-набудь—впередъ,—
Къ развѣчаннымъ святынямъ иѣть возврата.

Опъ будеть мстить. И тысячи сердецъ
Поработить дыханіемъ отравы.
Взамѣнъ мечты опъ хочетъ мрачной славы.

И женщины сплетутъ ему вѣнецъ,
Теряя все за сладкій мѣръ обмана,
Въ проклятияхъ восхваляя Донъ-Жуана.

3.

Что-жъ, Донъ-Люисъ? Вопросъ—совсѣмъ нетрудный.
Одинъ ударъ его павѣкъ рѣшитъ.
Мы связаны враждою обоюдной.
Ты честный мужъ,—не такъ ли? Я бандитъ?

Гдѣ блещетъ шпага, тамъ языкъ молчитъ.
Впередъ! Вотъ такъ! Прекрасно! Выпадъ чудныЙ!
А. Донъ-Люисъ! Ты падаешь? Убить.
In pacis requiescat. Безразсудный!

Забыть, что Донъ-Жуанъ неуязвимъ!
Быть можетъ, самымъ Адомъ я хранимъ,
Чтобы стать для всѣхъ примѣромъ лютой казни?

Готовъ служить. Не этимъ, такъ другимъ.
И миѣ ли быть доступнымъ для боязни,
Когда я жаждой мести одержимъ!

4.

Сгущался вечеръ. Западъ угасалъ.
Взопла луна за темнымъ океаномъ.
Опять кругомъ гремѣлъ стозвучный валь,
Какъ шумъ грозы, летящей по курганамъ.

Я вспомнилъ степь. Я вижу за тумапомъ
Усадьбу, садъ, парадный бальный залъ,
Гдѣ тѣмъ же сладко-чувственнымъ обманомъ
Я взоры Русскихъ женщинъ зажигалъ.

На зовъ любви къ красавицѣ-клигицѣ
Вошелъ я тихо-тихо, точно воръ.
Она ждала. И ждеть меня донынѣ.

Но ночь еще хранила свой уборъ,
А я летѣлъ, какъ мчится смерчъ въ пустынѣ,
Сквозь степь я гналъ коня во весь опоръ.

5.

Промчались дни желанья свѣтлой славы,
Желанья быть среди полубоговъ.
Я полюбилъ жестокія забавы,
Полеты акробатовъ, бой быковъ,

Звѣрицы, гдѣ свиваются удавы,
И дѣственность, вводимую въ альковъ —
На путь неописуемыхъ видѣній,
Блаженно-извращенныхъ наслажденій.

Я полюбилъ плѣняющій развратъ
Съ его неутолиющей усадой,
Съ его пренебреженьемъ всѣхъ преградъ,
Съ его — ему лишь свойственной — отрадой.
Со всѣхъ цвѣтовъ сбирая ароматъ,
Люблю я жгучій зной смѣшить прохладой,
И, взявъ свое въ любви съ чужой женой,
Встрѣчать ее улыбкой ледяной.

И вдругъ опять въ моей душѣ проглянетъ
Какой-то сонъ, какой-то снѣтъ иной,
И образъ мой предъ женщиной предстанетъ
Окутаннымъ печалью неземной.
И вновь ее опъ какъ-то сладко раинть,
И, вновь — раба, она пойдетъ за мной.
И поспѣшить отданья наслажденію
Восторженной и гаснущею тѣллю.

Любовь и смерть, блаженство и печаль
Во мнѣ живутъ красивымъ сочетаньемъ,
Я всѣхъ маню, какъ тонущая даль,
Уклончивымъ и тонкимъ очертаньемъ,
Блистательно убѣственнымъ, какъ сталь,
Съ ея нѣмымъ змѣниымъ трепетаньемъ.
Я весь — оголь, и холодъ, и обманъ,
Я — радугой пронизанный туманъ.

ЗАБЫТАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

И человѣкъ въ человѣкѣ увидѣть врага.
То былъ первый великий грѣхъ.

И человѣкъ въ женшинѣ увидѣть игрушку
страстей своихъ.

То былъ второй великий грѣхъ.

И полюбили они грѣхи свои, и возвели ихъ
въ первъе созданія, и преступленіе смѣшили съ
красотой, и опьянѣли себя чарами Искусства.

То былъ третій грѣхъ, величайшій.

И мѣра ихъ беззаконія исполнилась.

Изъ Лѣтописи Мира

ЗАБЫТАЯ КОЛОКОЛЬНИЯ.

1.

Надъ забытой колокольней
 Таеть странный блѣдный свѣтъ,
 Словно грусть о жизни дольней,
 Той, въ которой счастья нѣть.
 Надъ забытой колокольней,
 Въ свѣтѣ сказочныхъ огней.
 Все печальныѣй, недовольнѣй
 Сонмы блѣдные тѣней—
 Тѣхъ, которые молились,
 Преступлениія полны,
 И неправдой утомились,
 И въ землѣ погребены,
 Тѣхъ, которые молились,
 Возмущаючись тишиной,
 И павѣки удалились,
 Удалились въ міръ иной.

2.

Лѣсь молчать во снѣ,
 Сопѣ его могиленъ.
 Только въ тишинѣ
 Стонетъ мрачный филинъ.

Красная Луна
Междъ елей тонеть.
Всюду тишина,
Только филинъ стонеть.

Лѣсь молчать и спить,
Сонъ увидѣлъ чудный.
Кто-то былъ убить,
Здѣсь, въ глухи безлюдной.

3.

Много лѣть тому паздъ
Звѣзды таяли въ туманѣ.
Ночью брата встрѣтиль братъ,
На лѣсной глухой полянѣ.

Ночью брата встрѣтиль братъ,
Смутно дрогнулъ мракъ глубокій.
Въ эту ночь у райскихъ вратъ
Плакалъ ангелъ одинокій.

4.

И тысячи ангеловъ, тысячи Геніевъ Свѣта,
Въ предѣлахъ небесныхъ скорбѣли надъ сонной Землей,
Искали у Бога тревожнымъ вопросамъ отвѣта,
И лучшія звѣзды, блѣдиya, подернулись мглой.

Но Богъ не отвѣтилъ, зачѣмъ допустилъ преступленье,
И падали звѣзы въ пространствѣ одна за другой,
Узнавши, что имъ за мятежъ суждено въ искупленье—
Дышать и дрожать надъ пустыней тревоги людской.

5.

Въ темнотѣ миллионы тѣней
Погребальнымы идутъ хороводомъ.
И при свѣтѣ болотныхъ огней
Исчезаетъ народъ за народомъ.

И не въ силахъ безумцы понять,
Что врачаются въ кругѣ замкнутомъ,
Что невѣрныхъ огней не догнать
И нельзя отдаваться минутамъ,—

Что помимо звѣриныхъ страстей
Есть иное святое блаженство—
Красота первозданныхъ Идей,
Гармоничныхъ міровъ совершенство.

И безумцы не въ силахъ постичь
Безконечную прелесть познанья,
И не слышать немолкнущій кличъ,
Отдаленный восторгъ Мірозданья.

6.

Мы цвѣты срывали, намъ цвѣты цвѣли,
Разныя дороги къ счастью насъ вели.

Намъ свѣтили звѣзы, Солнце, и Луна,
Все для насть погасло, всюду тишина.

Мы цвѣты сорвали, больше пѣтъ цвѣтовъ,
Звѣзы утонули въ безднѣ облаковъ.

Разными путями къ смерти мы пришли,
Счастія искали, счастья не нашли.

7.

Лѣсь молчитъ во снѣ,
Сонъ его туманенъ.
Въ мертвой тишинѣ
Кто-то въ сердце рабенъ.

Тамъ волна къ волиѣ
Въ озерѣ стремится.
Въ мертвой тишинѣ
Тѣнь, одна, томится.

Лѣсь молчитъ во снѣ,
Слышитъ: Кто-то стонеть.
Въ водной глубинѣ
Женскій образъ тонетъ.

8.

Русалка очнулась на днѣ,
Зеленыя очи открыла,
И тутъ же на днѣ, въ сторонѣ,
Родного ребенка зарыла.

И слышитъ, какъ бьется дитя,
Какъ бредитъ о мірѣ свободномъ.
Русалка смеется, шутя—
Привольно ей въ царствѣ подводномъ.

И долгіе годы пройдутъ,
Русалка въ водѣ побѣдѣтъ,
И люди русалку найдутъ,
Когда глубина обмелѣтъ.

И люди русалку найдутъ
Застывшимъ пѣмымъ изваниемъ,
Дивиться искусству придутъ,
Молчанью молитъся молчаньемъ.

То будеть въ послѣдніе дни,
Когда мы простимся съ Мадонной,
Надъ бездной засвѣтимъ огни,
Услышимъ свой маршъ похоронный.

9.

Что же тамъ за страшный гуль?
Ты сказалъ, что міръ уснулъ.
Ты сказалъ, что темный лѣсь
Спить въ безмолвіи чудесь,
Дремлетъ сказкой быстрыхъ дней,
Бредигъ грезами тѣней.
Долгій мрачный гуль встаєтъ.
Это колоколь поетъ!
Совѣсть грозная земли,
Говоритъ: „Возстань! Внемли!”

Это колоколъ гудить,
Долгимъ гуломъ сердцу мстить
За грѣховныя мечты
Искаженной красоты.

10.

„Вы умершіе, вы мертвые, хоть кажетесь живыми,
Вы закончили круженіе въ жестокой пустотѣ.
Вы, упорствуя, играете костями роковыми,
Но грозить ужъ срокъ содвинутый, и вы уже не тѣ.“

„Все исчерпано, окончено, проиграно, чужое,
Вамъ лишь тѣніе, гніеніе средь черной темноты.
Если равѣе томились вы, томленье будетъ вдвое,
Вы—лишь прахъ отъ растоптанія убитой Красоты“.

ЗВѢЗДА ПУСТЫНИ

Иногда въ пустынѣ возникаютъ голоса, но
никто не впаетъ, откуда они.

Слова одного бедуина

ЗВѢЗДА ПУСТЫНИ.

1.

О, Господи, молю Тебя, приди!
 Ужь тридцать лѣтъ въ пустынѣ я блуждаю,
 Ужь тридцать лѣтъ пошу огонь въ груди,
 Ужь тридцать лѣтъ Тебя я ожидаю.
 О, Господи, молю Тебя, приди!

Мнѣ разумъ говоритьъ, что нѣть Тебя,
 Но слѣпо и безумнымъ сердцемъ вѣрю,
 И падаю, и мучаюсь, любя.
 Ты видишь, я душой не лицемѣю,
 Хоть разумъ мнѣ кричитъ, что нѣть Тебя!

О, смируйся надъ гибнущимъ рабомъ!
 Нѣть больше силъ стоять среди пустыни,
 Зажги во мракѣ огненными столбомъ,
 Приди, молю Тебя, я жду святыни.
 О, смируйся вадъ гибнущимъ рабомъ!

2.

Только что сердце молилось Тебѣ,
 Только что вѣрилось темной судьбѣ,—
 Больше не хочетъ молиться и ждать,
 Больше не можетъ страдать.

Точно задвинались двери тюрьмы,
Душно мнѣ, страшно отъ шепчущей тьмы,
Хочется въ пропасть взглянуть и упасть,
Хочется Бога проклясть.

3.

О, Даятель нѣмыхъ сновидѣй,
О, Создатель всеміра го свѣта,
Я не знаю Твоихъ откровеній,
Я не слышу отвѣта.

Или трудно Тебѣ отзваться?
Или жаль Тебѣ скучнаго слова?
Вотъ ужъ струны готовы порваться .
Отъ страданія земного.

Не хочу словословій заемныхъ,—
Лучше крики пытаемыхъ плѣнныхъ,
Если Ты не блестаешь для темныхъ,
И терзаешь смиренныхъ!

4.

О, какъ Ты далекъ! Не найти мнѣ Тебя, не найти!
Устали глаза отъ простора пустыни безлюдной.
Лишь кости верблюдовъ блѣдѣютъ на тускломъ пути,
Да чахлые травы змѣятся надъ почвой скучной.

Я жду, я тоскую. Вдали выростаютъ сады.
О, радость! Я вижу, какъ нальмы ростуть зеленца.

Сверкают кувшины, звеня оть блестящей воды.
Все ближе, все ярче!—И сердце забилось, робъя.

Боится и шепчетъ: „Оазисъ!“—Какъ сладко цвѣсти
Въ садахъ, гдѣ, какъ праздникъ, плѣнительна жизнь молодая.
Но чѣмъ это? Кости верблюдовъ лежать на пути!
Все скрылось. Лишь носится вѣтеръ, пески паметая.

5.

Но замеръ и вѣтеръ средь мертвыхъ песковъ,
И тише, чѣмъ шорохъ увидшихъ листовъ,
Протяжнѣй, чѣмъ шумъ Океана,
Безъ словъ, но, слагаясь въ созвучія словъ,
Изъ сферъ паземного тумана,
Послышался голосъ, какъ будто бы зовъ,
Какъ будто дошедший сквозь бездиу вѣковъ
Утихшій полетъ урагана.

6.

„Я откроюсь тебѣ въ неожиданный мигъ,
И никто не узнаетъ объ этомъ,
Но въ душѣ у тебя загорится родникъ,
Озаренный погаснувшимъ свѣтомъ.
Я откроюсь тебѣ въ неожиданный мигъ
Не печалься. Не думай объ этомъ.

„Ты воскликнешь, что Я безконечно далекъ,—
Я въ тебѣ, ты во Мнѣ, безраздѣльно.
Но пока сохрани только эту намеку: —

Все—въ одномъ. Все глубоко и цѣльно.
 Я позримъмъ лучомъ надъ тобою горю,
 Я желаніемъ правды въ тебѣ говорю".

7.

И тамъ, гдѣ пустыня съ Лазурью слилась,
 Звѣзда осѣпительнымъ ликомъ зажглась.
 Испуганно смотрить съ нѣмой вышины,—
 И вотъ надъ пустыней зарѣяли сны.

Донесся откуда-то гаснущій звопъ,
 И сталъ выростать въ вышину пебосклопъ.
 И взорамъ открылось при свѣтѣ заринѣ,
 Что въ небѣ есть тайны, но нѣть въ немъ границъ.

И образъ пустыни отъ взоровъ исчезъ,
 За пебомъ раздвинулось Небо небесъ.
 Чѣмъ жизнью казалось, то сномъ пронеслось,
 И вѣчное, вѣчное счастье зажглось.

Римъ.
 Осень, 1867.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПОДЪ СЪВЕРНЫМЪ НЕБОМЪ.

	Стр.
Предисловіе.	1
Смерть	3
Фантазія	4
Заринца.	5
Молитва.	6
Лунный свѣтъ. <i>Сонетъ</i>	7
Нить Ариадны.	7
Уходитъ сиѣтлый Май	8
Одна есть въ мірѣ красота.	9
Болото.	9
Безъ улыбки, безъ словъ.	10
Родная картина	10
Зачѣмъ?.	11
Миѣ неизвѣстенъ гуль гигантскихъ городовъ . . .	12
Я знаю, чѣмъ значить — безумно рыдать	12
У Скандинавскихъ скаль	13
Иризракъ	13
У фьорда	14
Зарождающаися жизни. <i>Сонетъ</i>	15
Норвежская дѣвушка	15
М***.	16
Чайка	16
Горный король.	17
Картинка. <i>Сонетъ</i>	18
О, если бъ миѣ сердце холодное	19
Мечта	19

	Стр.
Когда между тучекъ туманныхъ...	20
Я разстался съ печальнойной Луною...	20
Разлука.	20
Есть красота въ постоянствѣ страданія...	22
Колыбельная пѣсня.	23
Пѣснь Юдини.	24
Августъ.	25
О, итичка нѣжная, ты не побѣшишь меня!..	26
Памяти И. С. Тургенева	27
Заря.	31
Духи чумы	32
Челнъ томленія	33
О, женщина, дитя!	34
Цвѣтокъ.	34
Дышали твои ароматныя плечи	35
Два голоса	35
Пѣсня безъ словъ	36
Рабство. <i>Сонетъ</i>	36
Кошмаръ. <i>Сонетъ</i>	37
Нѣть, мнѣ никто не сдѣлать столько зла... . .	38
Ласточки. <i>Сонетъ</i>	39
Въ столицѣ.	40
Грустъ.	41
Въ полѣ искрилась роса.	41
Смерть. <i>Сонетъ</i>	42
Смерть, убаюкай меня!	42
ВЪ БЕЗБРЕЖНОСТИ.	
Уходящія тѣни.	47
1. За предѣлы.	
Болотныя лиліи.	51
Все мнѣ грезится.	52
На дальнемъ полюсѣ.	52
Камыши.	53
Подводныя растенія	54
Пустыня.	55
Змѣйный глазъ	55
Гибель	57

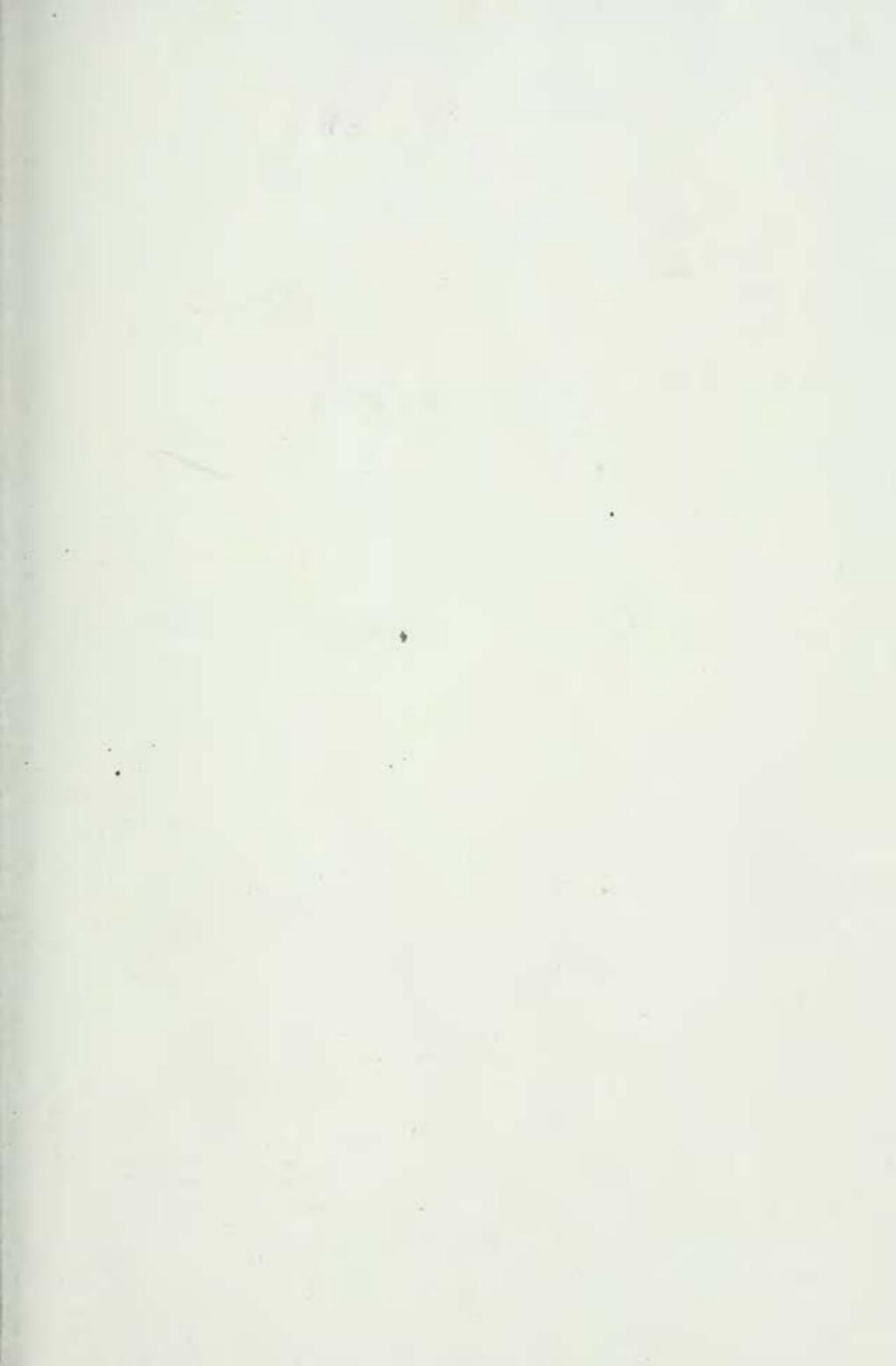
	Стр.
Вечерний свѣтъ погасъ	57
Исполинскія горы.	58
Ковыль	59
Океанъ	60
Вѣчно-безмолвное Небо.	61
Лебедь	61
Безпріютность	62
Надъ пучиной морской	63
Въ пещерѣ	64
А юдагъ	65
Въ этой жизни смутной	65
Нѣть, не могу я заснуть	66
Въ часъ разевѣта.	66
Вѣтеръ	67
Призраки	68
Зарожденіе ручья.	69
Духъ вѣтровъ.	69
Вѣтеръ перелетный.	70
Ручей	71
Утомленное Солнце	71
Звуки прибоя	72
Морское дно.	73
Кто это ходить	74
Островъ цветовъ	75
Туманы	76
Чахлія сосны.	77
2. Любовь и тѣни любви.	
Въ пустынѣ безбрежнаго Моря.	81
Первая любовь.	82
Ночь	82
Баюшки-баю.	83
Не могу и забыть.	84
День за днѣмъ	85
Въ золотистомъ туманѣ.	86
Оазисъ	87
Колеблются стебли	88
Въ мелчаны забывшейся ночи.	89

	Стр.
Не буди воспоминаний	90
Триолеты	90
Русалки	92
Поадно	93
Аргули	94
Мэри	95
Скрипка	96
Трубадуръ	96
Слова любви	97
Смыкались дни и ночи	97
Беатриче	98
Отчего	99
Черноглазая лань	100
Я боюсь, что любовью кинучей	101
Ночные цветы	101
Колыбельная пѣсня	102
Засыпалася лампада	103
Лунный лучъ	104
Предъ разенвтомъ	105
Эльза	105
Въ стыдливости иѣмой	109
Непоправимое	109
Тебя я хочу	110
Быть покинуть очагъ	111
Я жду	112
 3. Между ночью и днемъ.	
Восходящее Солнце	117
Данте	117
Погибшій	120
Три кометы. Вопросъ	121
Отскокъ	122
Библия	123
О, только бы знать	123
Свѣча горить и меркнеть	124
Надгробные цветы	124
Изъ-подъ Сѣвернаго неба	125
Больной	126

	Стр.
Морозные узоры	126
Млечный Путь	127
Нескончаемый кошмаръ	129
Небесная роса.	130
Кто-то Таинственный	130
Послѣдняя мысль Прометея	131
На мотивъ псалма XVIII-го	133
Въ безводномъ колодиѣ	133
Сонъ и смерть	134
На мотивъ Экклезіаста	135
Воскресій	136
Символъ смерти	138
Горящій атомъ	138
Да, я вижу	139
Перевоплощеніе	140
Къ неизвѣстной Красотѣ	145
 ТИШИНА.	
Возрожденіе.	145
1. Мертвые корабли	149
2. Искры	157
3. Воздушно-блѣые.	
Сияжные цветы.	163
Свѣтлѣй себѣ	167
Золотая звѣзда.	167
Какъ цветокъ	168
Цветы нарцисса	169
Бромелия	169
Эдельвейсъ	170
Бѣлый лебедь.	171
Вдали отъ земли	171
4. Вѣтеръ съ Моря.	
Морская пѣсня	175
Въ непознанный часъ	176
Она какъ русалка.	177
Какъ волнамъ морскія	177

	Стр.
Поблѣдившая ночь	187
Полоса свѣта	188
Бездомные	189
5. Въ дымкѣ вѣжно-золотой.	
Я зналь	183
Нѣмая тѣнь	183
Однодневка	184
Изъ-за дальнихъ морей	185
Нѣть и не будетъ	185
До послѣдняго дня	186
Алая и бѣлая	186
6. Мгновенія правды.	
Зовь	191
Позабытое	191
Резигнація	192
Наутиники	193
Тишина	193
Лунная ночь	194
Зимний дымъ	195
Въ чащѣ лѣса	195
Гавань спокойная	196
Въ пространствахъ Энира	196
Правда	197
Сонъ	198
Неясная радуга	199
Прости	199
7. Аккорды.	
Аккорды	203
Три символа	203
Музыка	204
Спящая Мадонна	205
Предъ картиной Греко	206
Отверженный	207
Камея	207
Пламя	208

	Стр.
Полуразорванныя тучи	208
Когда же	209
Англійскій пейзажъ	210
Въ Оксфордѣ	210
Вечеръ	211
Ручей	211
Крымская картина	213
Въ окрестностяхъ Мадрида	214
Мечтательный вечеръ	214
Отъ послѣдней улыбки луча	215
Гдѣ-то волны отзывали	216
Амариллисъ	216
И ты измѣнила	217
Къ Шелли	218
 8. Кошмары.	
Узорное окно	221
Пройдуть вѣка вѣковъ	221
Вѣцій сонъ	222
Богъ не помнить ихъ	223
Сфинксы	223
Въ чась вечерній	224
Равнина	225
 9. Въ царствѣ льдовъ.	
Въ царствѣ льдовъ	229
Что слышно въ горахъ	233
Морская пѣна	234
Въ лабиринтѣ	234
Кому я молюсь	236
О, волны морекіи	237
Море ильчное стремленіе	237
На вершинѣ	238
 10. Донъ-Жуанъ	
11. Забытая колокольня	243
12. Звѣзда пустыни	249
	257

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЪ „Скорпіонъ“ И „Мусагеть“

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПІОНЪ»

СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ. Земные Ступени. Элегія. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Ю. Балтрушайтисъ. Горная Тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1912.
Ц. 1 р. 25 к.
- К. Д. Бальмонтъ. Полное собрание стиховъ.
Томъ I. (Подъ Съвернимъ Небомъ. Въ Безбрежности. Тишина)
Изд. 4-е М. 1914. Ц. 2 р.
Томъ II. (Гориції Зданії). Изд. 4-е. М. 1914. Ц. 1. 50 к.
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изд. 4-е. М. 1912. Ц. 2 р.
Томъ IV. (Только Любовь). Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ V. (Пиатургія Красоты). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ VI. (Феиния Сказки. Злые Чары). Изд. 2-е. М. 1911.
Ц. 1 р. 50 к.
Томъ VII. (Жаръ-Штица). Фронтипіесъ К. Сомова (хромолітографія). М. 1907. Ц. 2 р.
Томъ VIII. (Зеленый Вертоградъ). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ IX. (Штицы въ воздухѣ). Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ X. (Хороводъ Времень). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- К. Д. Бальмонтъ. Зиены. Избранные стихи 1890—1912. М. 1912. Ц. 1 р.
Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собрание стиховъ 1892—1909 гг.
Томъ II. Стихи 1902—1906 гг. (Urbi et Orbi, Stephanos). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.
Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣны). Вторая тысяча.
М. 1909. Ц. 2 р.
Валерій Брюсовъ. Зеркало Тѣней. Стихи 1909—1912 гг. Обложка
Д. Митрохина. М. 1912. Ц. 2 р.
Ив. Бунинъ. Пистопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
Поль Верлайнъ. Собрание стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова.
Съ біографическимъ очеркомъ и 6 портретами. М. 1911.
Ц. 2 р.
- Юрій Верховскій. Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.
З. Н. Гиппіусъ. Собрание стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

- Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка И. Феофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Сог Ardens. Томъ I. (Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Золотыя Завѣсы). Фронтиспісъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.
- Сог Ardens. Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). М. 1912. Ц. 2 р. Для имѣющихъ I томъ — 1 р. 10 к. (06а тома вмѣсть 3 р. 50 к.)
- М. Кузминъ. Стихи. Первая книга стиховъ. Обложка И. Феофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Кузминъ. Осенний Озера. Вторая книга стиховъ. Обложка С. Судейкина. М. 1912. Ц. 1 р. 80 к.
- Ив. Коневской. Стихи и проза. Постерное собрание сочинений съ портретомъ автора и двумя очерками о его жизни и творчествѣ. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 1 р. (вм. 2 р.).
- Николай Морозовъ. Звѣздныя пѣсни. Съ портретомъ автора и 2 картами граваднаго кеба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Стихи Нелли. Съ посвященіемъ Валерія Брюсова. М. 1913. Ц. 60 к.
- Федоръ Сологубъ. Собрание стиховъ. М. 1904. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).
- Оскаръ Уайлдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.
- Уольтеръ Уитманъ. Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 90 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Рассказы и драматические сцены. 2-ое, дополненное изд. Иллюстрации и обложка Альберто Мартини (фототипії). М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.
- Валерій Брюсовъ. Ночи и дни. Вторая книга рассказовъ и драматическихъ сценъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повесть изъ немецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. Украшена по гравюрамъ XVI в. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Андрей Белый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обложка А. Федотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Кнутъ Гамсунъ. Съеста. Очерки и рассказы. Переводъ съ норвежского С. А. Поликова. М. 1900. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
- М. Кузминъ. Первая книга рассказовъ. (Приключения Эме Лебефа. Письма Клары Бальмонть. Тыль Филиппы. Флоръ и разбойникъ Рыженио Аины Мейеръ. Кушетка тети Сои Крыллы). Обложка по изданию XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

- М. Кузминъ.** Вторая книга рассказовъ (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть обѣ Еловсиппѣ. Нѣжный Іосифъ). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- М. Кузминъ.** Третья книга рассказовъ. (Путешествіе сэра Джона Фирфакса. Повѣсть о Ксанѣ. „Высокое искусство“. Нечаянныи пропавтъ. Опасныи стражъ. Ванина родника. Мечтатели.) М. 1913. Ц. 1 р. 80 к.
- Жагадиоъ.** Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка И. Феофилактова. М. 1905. Ц. 40 к. (вм. 65 к.).
- Эдгаръ По.** Собрание сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
- Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. 3-е. М. 1912. Ц. 2 р. 20 к.
  - Томъ II. Рассказы, статьи, афоризмы. Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 2 р. 20 к.
  - Томъ III. Страшные рассказы, гротески. М. 1911. Ц. 2 р.
  - Томъ IV. Необычайныи приключения. М. 1912. Ц. 2 р.
  - Томъ V. Эврика. Письма. Биографія. М. 1912. Ц. 2 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Собрание сочиненій.
- Книга II. Pro domo теа. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частихъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.).
  - Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка И. Феофилактова. М. 1903. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.).
  - Книга IV. Заупокойная месса. Въ честь чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).
- Ст. Пшибышевскій.** Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 20 к. (вм. 50 к.).
- Федоръ Сологубъ.** Жало Смерти. Рассказы. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).

III. ДРАМЫ.

- Эмиль Верхарнъ.** Елена Спартаанская. Трагодія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) Валоріи Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.
- Мильт Гамоунъ.** Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 50 к.).
- Зигмунт Красинскій.** Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 30 к. (вм. 60 к.).
- А. Зиновьевъ-Аникиль.** Кольца. Драма въ 3-хъ действияхъ. Предисл. Вич. Иванова. Обложка И. Феофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

- Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почуяли. М-ле Коси-Съно.
Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстрациями Н. Феофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.
- Шарль ванъ-Лербергъ. Они почуяли. М-ле Коси Съно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.
- Морисъ Матерлинкъ. Стихи. Пеллесъ и Мелизандъ. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Матерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевский. Въчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
- Оскаръ Уайльдъ. Флорентийская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликардовуло и А. Курчинского. Съ 3 портретами О. Уайлда. М. 1907. Ц. 80 к.
- Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. („Парацельсъ“, „Подруга“, „Зеленый попугай“.) Перев. съ немецкаго. М. 1900. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ, ПУТЕШЕСТВІЯ И Т. Д.

- К. Д. Бальмонтъ. Землиные цветы. Путевые письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910. Ц. 3 р. То же — безъ рисунковъ. Ц. 2 р.
- Обри Бердслей. Содержание: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія. — Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія. — Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла. — Обри Бердслей. Стихи. Застольная болтовня. — Избранныя мѣста изъ писемъ. — Подробная иконографія и библиографія. — Примѣчанія. — Портреты, автопортрѣты, карикатуры. — Воспроизведенія рисунковъ (около 40) О. Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликардовуло. М. 1912. Ц. 3 руб.
- Н. Брюсова. Временное и пространственное строение формы. М. 1911. Ц. 40 к.
- Валерій Брюсовъ. Лицейские стихи. Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907. Ц. 1 р.
- Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1912. Ц. 2 р.
- Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ. Изъ воспоминаний. М. 1913. Ц. 50 к.
- В. Ландебергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ немецкаго М. Семенова. М. 1902. Ц. 40 к. (вм. 70 к.)
- Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическая данныя жизни Пушкина. М. 1903. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые материалы. Редакция и примѣ-
чанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и
рукописей А. Пушкина. М. 1903. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Артуръ Рансомъ. Оскаръ Уайлдъ. Характеристика. Авторизо-
ванный переводъ съ рукописи М. Ликардовуло. Съ предисло-
віемъ для русскаго изданія Роберта Росса и съ неизданнымъ
портретомъ О. Уайльда. (Печатается.)

V. АЛЬМАНАХИ.

Съверные цветы на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Со-
мова. М. 1901. Ц. 60 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Съверные цветы на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Со-
мова. М. 1902. Ц. 80 к. (вм. 2 р.)

Съверные цветы. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой
томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи К. Д. Бальмонта,
Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережков-
скаго, И. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова,
А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. С. Тур-
генева, А. Фета, Вл. Соловьевы, И. Некрасова и др. Виньетки
и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка
В. Борисова-Мусатова. М. 1904. Ц. 3 р.

Съверные цветы Ассирійскіе на 1904—5 гг. Роскошное изданіе. Содер-
жаніе: "Три расцвѣта", драма К. Д. Бальмонта. "Земля",
сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. "Танталь",
трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьевы, Макса
Волошина, Ф. Сологуба, И. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Кри-
ницкаго, Ю. Чероды, Л. Зиновьевой-Аннібалъ и др. Обложка
и всѣ украшенія И. Феофилактова. М. 1905. Ц. 3 р.

Съверные цветы на 1911 годъ. Содержаніе: "Забыты сокровища",
очеркъ К. Бальмонта, "Голландка Лиза", комедія М. Кузмина.
"Подъ Павловымъ щитомъ", разсказъ Б. Садовского, "Апол-
лонъ и мышь", статья М. Волошина. "Шумъ смерти", разсказъ
З. Гиппіусъ, "Подземное жилище", поэма Валерія Брюсова,
"Семь земныхъ соблазновъ", главы изъ романа Валерія Брю-
сова, стихи З. Гиппіусъ, Ю. Балтрушайтиса, И. Гумилева,
Д. Навашина, Валерія Брюсова. Обложка К. Сомова. М. 1911.
Ц. 1 р. 50 к.

V. АЛЬБОМЪ.

Н. Феофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одно-
цвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста + 70 стр. нотъ. Восемь рисунковъ (во всю страницу) С. Судейкина и И. Неофилактова (фототипії и литографії). М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ“.

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904—1909). 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками известныхъ русскихъ и иностраннѣхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ“ напечатаны стихи, повѣсти, разсказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностраннѣхъ писателей: Ренз Аркоса, С. Ауслендерса, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппиусъ, Ренз Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллата, М. Кальюкоресси, Антона Крайниго, А. Кондратьева, М. Кузмина, И. Лернера, М. Линквардопуло, Д. Мережковскаго В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Чулкина, Ст. Ишибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, И. Рукавишникова, Б. Садовскаго, Вл. Соловьевы, С. Соловьевы, Ф. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. И. Толстого, Оскара Уайлда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ“, воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенрейса, О. Гиліа, К. Вальзера, А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, И. Крымова, М. Ларіонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Милоти, Л. Наастериака, О. Радона, И. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, И. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерждь-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, И. Неофилактова и мн. др.

Значительная часть материала, обнародованного въ „Вѣсахъ“, никогда не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ“ за всѣ шесть лѣтъ изданія — 40 руб. безъ пересылки. Отдельные годовые комплек ты: 1904, 1905 и 1906 — по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909 — по 7 руб. безъ пере-

сылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.) — 27 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдельно не продается. Пересылка по действительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданий, на которыхъ цѣна понижена въ 2-й части „Сог Ardens“ Вячеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіяся за заказываемыи изданія, просятъ высыпать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпионъ“: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23 (телефонъ 50-89). Издание к-ва „Скорпионъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“, Петербургъ, Садовая, 18.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«МУСАГЕТЬ».

Москва, Пречистенский бульв.,
д. 31, кв. 9.

- Андрей Белый. Символизмъ. Книга статей. М. 1910. Ц. 3 р.
Андрей Белый. Арабески. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
Андрей Белый. Трагедія творчества. (Достоевской и Толстой).
М. 1912. Ц. 40 к.
Вячеславъ Ивановъ. Эллинская религія страдающаго
Бога. Опыт религиозно-исторической характеристики. (Не-
печатается).
Вячеславъ Ивановъ. Борозды и межи. Вторая книга статей. (Гото-
вится).
Вольфингъ. Модернизмъ и музыка. Книга статей. М. 1911.
Ц. 2 р.
Эллисъ. Русские символисты. М. 1910. Ц. 2 р.
Борисъ Садовской. Русская Камея. Книга статей. М. 1910.
Ц. 1 р. 50 к.
С. Дурылинъ. Рихардъ Вагнеръ и Россія. М. 1913.
Леонардо да Винчи. Трактатъ о живописи. Переводъ и всту-
пительная статья М. С. Сергеева. (Готовится).
Гете. Театральное призвание Вильгельма Мейстера
(Wilhelm Meisters Theatraliche Sendung). Переводъ первоначаль-
ной редакции романа „Ученические годы Вильгельма Мей-
стера“, найденной въ 1910 году въ рукописяхъ Шульгеса.
Предисловіе первого издателя Гарри Мейника. Приложение:
I. Сводь отзывають Гете о своемъ романѣ. II. Выдержки изъ
писемъ Шиллера о „Вильгельмѣ Мейстерѣ“. (Готовится).
Адольфъ Гильдебрантъ. Проблема формы въ изобразитель-
ныхъ искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачин-
ского. (Печатается).
Хаустокъ Стюартъ Чемберленъ. Арійское міросозерцаніе. Переводъ съ
немецкаго О. К. Синцовой. М. 1913 Ц. 50 к.
Жозефъ Орсье. Агринна Неттесгеймскій. Критико-біографи-
ческий очеркъ. Переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями
Валерія Брюсова. М. 1913 Ц. 75 к.

- Павлінъ изъ Пелы. Евхаристиконъ Богу.** Автобіографія неудачника V вѣка. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника Валерія Брюсова. (Готовится.)
- Прозансальськіе лирики XII и XIII вѣковъ.** Переводъ Н. П. Киселева. Т. I. Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится.)
- Иполітъ Тэнъ. Наполеонъ Бонапартъ.** Переводъ О. К. Синцовой. Съ портретомъ. М. 1912. Ц. 80 к.
- Фридрихъ Шлегель. Люцинда.** Съ приложеніемъ писемъ Шлеферманнера. Переводъ и вступительная статья Ф. А. Степпана (Готовится).
- Пауль Дейссенъ. Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи.** Пер. Мих. Сизова. М. 1911. Ц. 40 к.
- Шарль Бодлеръ. Стихотворенія въ прозѣ.** Переводъ Элліса. М. 1910. Ц. 1 р.
- Антологія.** Книга стиховъ. Москва. 1911. Ц. 2 р.
- Александръ Блокъ. Собрание стихотвореній въ трехъ книгахъ.**
- Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Издание 2-е. исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 р.
  - Книга вторая. Нечаянная Радость. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
  - Книга третья. Синийная Ночь. Издание 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- Александръ Блокъ. Ночные Часы. Четвертый сборникъ стиховъ 1908—1910.** М. 1911. Ц. 1 р.
- З. Н. Гиппіусъ. Собрание стиховъ. Книга вторая.** М. 1910. Ц. 1 р.
- Сергій Соловьевъ. Апрель.** Книга стиховъ. М. 1910. Ц. 2 р.
- Сергій Соловьевъ. Цвѣтникъ царевны.** Третья книга стиховъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Эллісъ. Stigmata.** Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 2 р.
- „Логосъ“.** Русское издание международного ежегодника по философіи культуры. 1910 г. Книга первая. М. 1910. Ц. 2 р.
- „Логосъ“.** Книга вторая. М. 1910. Ц. 2 р.
- „Логосъ“ 1911 г.** Книга первая. М. 1911. Ц. 2 руб.
- „Логосъ“ 1911—12 г.** Книга вторая и третья. Ц. 2 р. 50 к.
- „Логосъ“.** Книга первая и вторая 1912—13 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія «Орфей».

- Яновъ Беме. Аигогалии Утропия Заря въ восходѣніи.** Переводъ Алексея Петровскаго. (Печатается.)
- Гимны Орфея.** Переводъ Владимира Ниландера (Готовится).

- Гераклитъ Ефесский. Фрагменты. Переводъ Владимира Нилондера. М. 1910. Ц. 1 р.
- Райсбрукъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. Вступительная статья Морица Мэтерлинка. Переводъ Михаила Сизова. М. 1910. Ц. 2 р.
- Рихардъ Вагнеръ. Парсифаль. Переводъ Эллиса (Готовится).
- Меккстеръ Энкартъ. Проповѣди. Переводъ М. В. Сабашниковой. М. 1912. Ц. 3 р.
- Циточки Святого Франциска Ассизскаго. Иер. А. П. Нечковскаго. Вступительная статья С. И. Дурылина. М. 1913. Ц. 75 к.

К. Д. Бальмонтъ

Бальмонт, Константи́н Евгеньевич
К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

Томъ второй —

Горящія Зданія —

Издание четвертое

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1914 —

OCT 13 1972

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

FG   Bal'mont, Konstantin
3453   Dmitrievich
B2   Polnoe sobranie stikhov
1914a
t.1

